

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **2** (11)

ISSN 2255-9035

Rīga 2014

УДК 281.9 (4)(051)

П 685

Православие в Балтии, № 11 (2)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU aģentūra „LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2014, 200 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dg. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dg. theol. (США)

Мионович Антоний, Dg. hab. hist. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Рунце Инесе, Dg. hist. (Латвия)

Пазухина Надежда, Dg. art (Латвия)

Крумения-Конькова Солвейга, Dg. phil. (Латвия)

Корректор: Кузнецова Т. Г.

Компьютерная верстка: Кулис Марис

Publicēts saskaņā ar Latvijas Universitātes FSI

Zinātniskas Padomes lēmumu.

Редакция не отвечает за точки зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются. Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке:

Церковь во имя Иконы Божией Матери Иверской в Паланге.

Архитектор Дм. Борунов, 2000-2002 гг. Фотография 2010 г.

ISSN 2255-9035

© Latvijas Universitātes aģentūra
„LU Filozofijas un socioloģijas institūts”
© Aleksandrs Gavriļins

Содержание

Предисловие.	5
Научные статьи	
Антоний Миронович (Польша) Православная Церковь на территории Польши и Великого княжества Литовском до конца XVIII в.	11
Александр Гаврилин (Латвия) Православные приходы на территории Курляндской губернии	39
Священник Виталий Серапинас (Литва-Великобритания) Православная Церковь в Литве в межвоенный период, 1918-1939гг.	57
Сергей Мянник (<i>Эстония</i>) Архиепископ Павел (Дмитровский)	81
Александр Гаврилин (Латвия) Две земные жизни Петериса Курземниекса	95
Мемуары	
Воспоминания архитектора В.М. Шервинского	113
Публикация документов	
Письма митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра (Паулуса) митрополиту Рижскому и всея Латвии Августину (Петерсонсу) и протоиерею Иоанну Свемпу, написанные в 1941-1943 гг.	117
«Завещание» митрополита Августина (Петерсонса).	173
Summary	197

Предисловие

Литву, Латвию и Эстонию объединяет не только географическое положение, не только схожие исторические судьбы народов, населяющих эти страны, но и общность истории и современного положения Православной Церкви. Важным фактором, оказывающим влияние на деятельность Православной Церкви в этом регионе, является поликонфессиональный состав населения балтийских стран. В Латвии Православная Церковь по количеству прихожан занимает третье место после Римско-католической и Ев.-лютеранской Церквей, в Эстонии – второе место после Ев.-лютеранской, в Литве – также формально второе место, однако значительно отставая по числу прихожан от Римско-католической Церкви. В этих условиях Церковь должна поддерживать с государством, а также с другими и, прежде всего, с ведущими в стране христианскими конфессиями дружеские отношения или же руководствоваться принципом «не вмешательство в дела друг друга».

Православные Церкви в балтийских странах объединяют и общие проблемы. Следует напомнить, что большинство прихожан Православной Церкви в Литве, Латвии и Эстонии – представители русскоязычной диаспоры. Учитывая

специфические особенности жизни русской диаспоры в каждой балтийской стране, православные храмы должны стать не только домами молитвы, но и центрами культуры местного русского населения, то есть при каждом храме должен быть приходской дом с воскресной школой, библиотекой-читальней православной литературы, желательно с кинозалом, видеотекой и т.п. Иначе говоря, в современных условиях храм должен быть не только храмом как таковым, но и центром как местной православной общины, так и всей диаспоры в целом. Складывается впечатление, что не все настоятели храмов понимают это.

Если храмы в балтийских городах в большинстве своем приведены в порядок, то в сельской местности, где православные общины или малочисленны или совсем отсутствуют, храмы часто не отвечают современным техническим требованиям (во многих храмах отсутствуют туалеты, нет места для стоянки автотранспорта, нет помещений для воскресных школ, не оборудованы детские комнаты, нет библиотек и др.).

Несмотря на общность положения, практически отсутствуют контакты между Православными Церквями региона и, как следствие этого – отсутствует общая

стратегия жизнедеятельности Православных Церквей балтийских стран в правовом пространстве ЕС и в отношениях с Матерью-Церковью, т.е. с Русской Православной Церковью. Практически нет сотрудничества Православной Церкви с другими христианскими конфессиями региона на приходском уровне. На уровне церковной иерархии постоянно подчеркивается дружеский характер межхристианских отношений, однако на приходском уровне клирики других христианских конфессий нередко воспринимаются в качестве конкурентов.

Не следует забывать, что Литва, Латвия и Эстония являются постсоветскими государствами. Болезни, которыми в годы коммунистического режима болело все общество в целом, затрагивали и Церковь, как составную часть этого общества. К сожалению, часть этих болезней переросла в хроническую стадию. Вместо двусторонней связи между высшим церковным управлением и церковным народом, вместо полноты церковной, состоящей из духовенства и мирян, в современной Церкви на территории бывшего Советского Союза по-прежнему часто господствует клерикализм, деспотический произвол церковного руководства. Это не способствует ни единству Церкви, ни авторитету самого церковного руководства. Не меняя богословской, догматической сути форм церковной деятельности, нужно восстановить полноту церковную, нужно поднять эти формы на качественно новый уровень, сделать их доступными восприятию современного человека. Думается, это является наиболее актуальной задачей всех традиционных религиозных конфессий балтийских странах, в том числе и Православной Церкви.

Судя по откликам читателей, журнал «Православие в Балтии» нашел свою аудиторию. Следует напомнить, что журнал носит научный, внеконфессиональный характер, преследует цель объективного

изображения исторического существования Церкви на балтийской земле. Его не контролирует ни светская, ни духовная цензура, над ним не довлеют ни светские, ни церковные авторитеты. Основными критериями отбора материала для публикации является его научная объективность, беспристрастность автора в оценке исторических событий, опирающаяся на анализ широкого круга исторических источников. Журнал публикует не только научные статьи, но и сами источники, давая тем самым читателю возможность самостоятельно прийти к тому или иному выводу.

2 номер журнала «Православие в Балтии» состоит из трех разделов: 1. Научные статьи; 2. Мемуары; 3. Публикация документов.

В первом разделе опубликованы пять научных статей. В статье польского историка, профессора Антония Мироновича «Православная Церковь на территории Польши и Великого княжества Литовского до конца XVIII в.» анализируется ранний период распространения православия на территории Польши и Литвы; взаимоотношения между Киевской, Литовской и Галицкой митрополиями; особенности сосуществования Православной Церкви с господствовавшей в регионе Римско-католической Церковью; проблемы православного населения Речи Посполитой.

Статья латвийского историка Александра Гаврилина «Православные приходы на территории Курляндской губернии» посвящена распространению православия в 1795-1918 гг. среди латышского и литовского населения Курляндской губернии. Следует отметить, что православные приходы в Курляндской губернии, в отличие от приходов на территории Лифляндской губернии, никогда не были в центре внимания исследователей. В результате данная статья является первой попыткой анализа проблем

существования православных приходов в этой части Российской империи.

В статье священника Виталия Серапинаса «Православная Церковь в Литве в межвоенный период, 1918-1939 гг. I часть. Раскол Литовской епархии» исследуется период 1918-1923 гг., в который Православная Церковь пыталась найти свое место в условиях образования новых независимых государств и существования разных церковных юрисдикций. Особенный интерес представляет анализ обстоятельств провозглашения автокефальной Польской Церкви.

Эстонский исследователь Сергей Мянник в статье «Архиепископ Павел (Дмитровский)» рассказывает о судьбе архиепископа Нарвского и Изборского Павла (Дмитровского), архипастырское служение которого пришлось на тяжелейшие военные и послевоенные годы. Заслуживает уважение стойкость архиепископа Павла в защите православия на территории Нарвской епархии, неизменность его отношения к каноническому статусу Православной Церкви на территории Эстонии.

В статье Александра Гаврилина «Две земные жизни Петериса Курземниекса» рассказывается о человеке, в котором органически соединились две земные жизни – успешно подымавшегося по карьерной лестнице государственного чиновника, сначала российского, а потом латвийского, и православного священника – ревностного молитвенника и аскета. Кроме того, о. Петр Курземниекс жил в нескольких странах: в

Российской империи, Латвийской Республике, в Латвийской ССР, на территории Остланда, в Германии и Канаде.

Во **втором разделе** журнала публикуется продолжение воспоминаний одного из ведущих латвийских архитекторов межвоенного и военного периодов – Владимира Максимовича Шервинского (1894-1975). Этот фрагмент рассказывает о тяжелейшем периоде истории Латвии – 1939-1944 годах, в который на латвийской территории сменились три политических режима, погибли, были высланы или эвакуированы сотни тысяч человек. Воспоминания были подготовлены к публикации внуком В.М. Шервинского архитектором Эйженом Упманисом.

В **третьем разделе** журнала публикуются уникальные письма митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра (Паулуса) митрополиту Рижскому и всея Латвии Августину (Петерсонсу) и протоиерею Иоанну Свемпу, написанные в 1941-1943 гг. Эти документы нашла в Эстонском Историческом архиве и подготовила к печати эстонский архивист Татьяна Шор. В этом же разделе публикуются документы из фондов Архива Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей, посвященные последним дням земной жизни митрополита Августина (Петерсонса), найденные и подготовленные к печати германским архивистом Анатолием Кинстлером. Данные материалы впервые вводятся в научный оборот.

Научные статьи

Антоний Миронович (Польша)

Православная Церковь на территории Польши и Великого княжества Литовского до конца XVIII в.

Христианизация польских земель была начата во времена Моравского князя Святополка (870-894 гг.). Всю польскую историографию на эту тему можно поделить на сторонников и противников версии о присутствии мефодиянской миссии в Польше.¹ Новейшие публикации, принимающие во внимание археологические открытия, подтверждают присутствие славянского (православного) обряда на польских землях до и после 966 года. С соприкосновением славян с византийской культурой начался процесс их христианизации, начало которому положила миссия святых Кирилла и Мефодия. Эту великую религиозно-культурную традицию унаследовали древнерусские земли. Соседство польских земель с Чехией, а затем и с христианизированной Русью, должно было оказывать влияние на их вероисповедальный облик. Свидетельства о существовании славянского (православного) обряда на польских землях можно найти в письменных источниках.² О существовании христианских святынь в X в. свидетельствуют также археологические раскопки.³ Находки святынь второй и третьей четверти X в. подтверждают

тот факт, что местная элита была христианизирована. Следы славянского (православного) культа можно найти в Острове Ледницком, Кракове, Вислице, Перемышле и во многих других городах. Эти центры не были подконтрольны Римско-католической Церкви, оставались под влиянием византийской цивилизации со славянской (православной) литургией и кириллицей (кирилловской письменностью). Вероятно, первым епископом Краковским был поставленный около 970 года владыка, находившийся в юрисдикции Патриарха Болгарского. Однако, учитывая фрагментарность источников, реконструкция распространения мефодиевой литургии на территории Малопольши может носить лишь гипотетический характер. В Польше, подобно как и в Моравском государстве в начале X в., взяло верх западное христианство. Церковь Мефодиевой миссии, функционирующая на юге польских земель, уже во времена правления Болеслава Храброго действовала лишь эпизодически.

В конце X в. закончился процесс распространения христианства в центрально-восточной Европе. Этот важный факт

имел также значение на формирование в последующих столетиях границ цивилизаций, находившихся под влиянием восточного или западного христианства. Польша с момента формирования государственности и в период всего средневековья находилась на пересечении влияний Востока и Запада. Через принятие в 966 г. христианства от Чехии она оказалась в сфере латинской цивилизации. Однако одновременно польские земли были на периферии латинской христианской Европы. Именно в период средневековья сформировались этнические и территориальные границы Польши, сформировался её культурный облик. Государство первых Пястов имело прочные западные границы. Восточные окраины государства династии Пястов менялись и не всегда испытывали христианское влияние.

Особое место на карте европейского христианства занимала многонациональная Киевская Русь. Государство, поддерживающее тесные отношения с Византией, имело прямые культурно-политические контакты с другими христианскими государствами – с Польшей, Чехией и Венгрией. Соседство Киевской Руси, усиленное многочисленными брачными союзами с представителями династии Рюриковичей, оказывало свое влияние на облик христианства на польских землях. Через древнерусские земли влияние Византии и Болгарии доходило и до Польши. Местоположение Киевской Руси предопределило её роль в качестве нового центра на пути соприкосновения исламского и языческого миров.

Православная вера (византийско-русская традиция) существовала в границах Польского государства уже во времена правления Болеслава Храброго (992-1025 гг.). Летописные записи свидетельствуют о многочисленных брачных союзах первых Пястов с русскими князьями. Эти браки, которым положил начало брак дочери

Болеслава Храброго с князем Святополком Туровским, заключенный около 1012 г., стали распространенным явлением во времена правления Казимира Обновителя, который около 1041 г. женился на Добронеге, дочери князя Владимира Ярославовича, а его сестра вышла замуж за князя Изяслава Киевского. Этот процесс продолжался до конца правления Болеслава Кривоустого. И в период феодальной раздробленности мазовецкие и малопольские князья продолжали заключать брачные союзы с представителями древнерусских дворов.⁴ Брачные союзы князей усилили Православную Церковь и принесли в господствующую на польских землях латинскую культуру влияние восточного христианства. После киевской интервенции Болеслава Храброго его зять Святополк сел на княжеский трон в Киеве, а спорные червенные города с православным населением с 1018 г. оказались в границах Польши. Подчиненность червенных городов Польше оказалась кратковременной, так как князь Ярослав Мудрый в 1031 г. вернул их Древней Руси. В этот период процессы христианизации усилились и охватили земли Подлясья, Холмщины, а также междуречье Вепря и Буга.⁵ Эти территории вошли в орбиту древнерусской государственности уже с третьей декады X века и с небольшими перерывами (в 970-981 гг., в 1018-1032 гг.) находились в этой орбите вплоть до XIV века. Решающим фактором, определившим характер культуры населения этих территорий, была Православная Церковь, которая с 988 г. начала процесс их христианизации. Вначале миссию осуществляли епископства Киевское и Белгородское, затем – созданная около 1085 года Владимирская епископская кафедра, которая попыталась распространить свое влияние на территории Волыни, Полесья, Подлясья и червенных городов, в том числе на Галич, Перемышль, Бельз и будущий Львов.⁶

С самого начала Русская Церковь была митрополией, одной из провинций Константинопольского Патриархата, в которой Патриарх имел определённые административные и судебные права. В его компетенции была интерпретация церковных канонов. Глава Византийской (Константинопольской) Церкви назначал также всех митрополитов. На практике выбор митрополита в X–XI вв. находился в компетенции Патриаршего Синода, который подавал на утверждение Патриарха трёх возможных кандидатов, отвечающих каноническим требованиям. Из представленных кандидатов Патриарх выбирал одного и утверждал его в качестве митрополита. Подобным же образом выбирался митрополит и для Древней Руси. Разница по сравнению с митрополитами, избираемыми для территории Византийской империи, заключалась в том, что акт интронизации древнерусского митрополита являлся одновременно и актом политической аккредитации. Церемония приема нового митрополита проводилась в Кафедральном соборе Киева.⁷ Киевская митрополия в качестве шестидесятой епархии Константинопольского Патриархата была создана около 998 года. Одновременно с созданием Киевской митрополии были образованы и викарные епископства.⁸ В XII веке древнерусская церковная провинция (митрополия) включала в себя 13 епархий: митрополичью Киевскую и 12 викарных.

В XIII в. возникли новые православные епархии. В 1223 г. Галицко-Волынский князь Даниил основал епископскую кафедру в Ухровске, а затем, в 1240 г., перенёс ее в Холм.⁹ Холмская кафедра была выделена из Владимирско-Волынской епархии.¹⁰ Последующие политические дробления на Руси стали причиной выделения в 1219 г. из Перемышльской епархии Галицкой епархии¹¹ Перемышльская епархия охватывала перемышльские и санокские земли. Эти же

причины способствовали возникновению после 1235 года Луцкой епископской кафедры.¹² Луцкое епископство было выделено из Владимирско-Волынской епархии.¹³ В результате, в конце XVIII века Киевская митрополия, кроме самой Киевской епархии, насчитывала восемнадцать епископств (епархий). В XII в. на древнерусских землях функционировали более 6 000 православных приходов, в том числе около тысячи городских приходов. Если к этому числу добавить еще 700 монастырских церквей, то получается, что при общем количестве населения около шести миллионов человек один приход, в среднем, обслуживал тысячу прихожан.¹⁴

Рост в XIII в. политического влияния Галицко-Волынского княжества способствовал изменениям в организационных структурах Православной Церкви. Князь Лев I стремился к созданию в своём княжестве независимой от Киева церковной кафедры. Эти планы воплотил в жизнь князь Галицкий Георгий I, получивший около 1303 года согласие Царьградского (Константинопольского) Патриарха Анастасия (1302–1309 гг.) и византийского императора Андроника II Палеолога Старшего (1282–1328 гг.) на образование в Галиче митрополичьей кафедры. С XI века Патриарх получил каноническое право возведения епархии в митрополию. В состав новой Галицкой митрополии вошли епископства Холмское, Владимирское, Перемышльское, Луцкое и Туровское.¹⁵ Галицкая митрополия стала 81 митрополией Константинопольского Патриархата.

Решение Константинопольского Патриархата о создании Галицкой митрополии было принято после перенесения кафедры митрополита Киевского из Киева во Владимир над Клязьмой. Митрополичья кафедра была перенесена в 1299 году митрополитом Максимом Греком (1283–1305 гг.), который крайне осторожно относился

к любым контактам с католической Церковью.¹⁶ Возникновение Галицкой митрополии было результатом политики Романовичей, стремившихся подчинить Галицкую Русь непосредственно юрисдикции Царьградского Патриарха. Этот шаг должен был усилить значение Галицко-Волынского княжества (с 1254 года – королевства) на фоне пришедшего в упадок Киевского. Это событие должно было уравнивать Галич с Тверью и Москвой.

Подобную же политику по отношению к Церкви проводили и правители Великого княжества Литовского. В XIII в. в границах Великого княжества Литовского проживало численно и культурно господствующее древнерусское население. В сложившейся обстановке литовские князья, конкурирующие с Галицким и Московским княжествами, стремились к созданию собственной православной митрополичьей кафедры. В результате усилий литовского князя Витениса (1296-1315 гг.) в 1299 г. была создана Литовская митрополия с кафедрой в Новогрудке. Решение о её создании принял Патриарх Иоанн XII (1294-1303 гг.). Инициатива создания Литовской митрополии принадлежала местным князьям. Осуществление этой инициативы было возможно благодаря помощи императора Андроника II, известного своим неприязненным отношением к католической Церкви. Создание двух новых митрополий на северо-западных окраинах Константинопольского Патриархата должно было усилить Православную Церковь и расширить влияние Царьграда на древнерусских землях. Кроме того, Православную Церковь беспокоило увеличение в древнерусских и литовских землях количества миссий католических орденов. Необходимо отметить, что именно Андроник II не принял Лионскую унию 1274 года и стремился к расширению влияния Византийской Церкви в славянских землях.

В списке митрополий, входящих в состав Константинопольского Патриархата, Литовская митрополия находилась на 82 месте, сразу же после Галицкой митрополии. Имя первого митрополита Литовского неизвестно, так как в актах Патриаршего Синода (например, с 1317 г.) он именуется лишь как „митрополит Литовский”. Принимая во внимание кадровую политику императора Андроника II, можно предположить, что первый митрополит Литовский был по национальности греком. Первый раз имя митрополита Литовского появляется в письменных источниках под 1327 годом. Этим митрополитом был Феофил.¹⁷ Нет информации относительно того, существовали ли в пределах литовской церковной провинции другие епархии кроме митрополичьей. На древнерусских землях, завоеванных Польшей, Литвой и Москвой, каждая сторона стремилась создать независимую церковную структуру. В результате в начале XIV в. Киевская митрополия разделилась на три митрополичьи области: Киевскую (фактически Владимирскую), Галицкую и Литовскую митрополии.

Возникновение Литовской митрополии значительно ограничило власть митрополитов Киевских, имеющих свою кафедру на территории Московского княжества. Равно и образование Галицкой митрополии повлекло за собой существенные изменения в организации Православной Церкви на русских землях. Галич стал местом кафедры митрополита, а владимирские епископы, по причине статуса Владимира как более старшей епархии, пользовались титулом протофрона. Владимирское епископство было важнейшей епархией Галицкой митрополии. Среди епархий Галицкой митрополии нет Смоленского епископства, которое всегда находилось в юрисдикции митрополитов Киевских. Смоленская епархия была причислена к епископствам Галицкой митрополии только во время

правления князя Витольда. В 1401 г. как епархия Галицкой митрополии упоминается епископство в Бялогарде (Аккермане).¹⁸

Первым митрополитом Галицким стал Никон (Нифонт), вторым – Пётр. Митрополит Пётр, который большую часть своего правления находился в Москве, был в конце XV века канонизирован митрополитом Киевско-Московским Киприаном (1389-1406 гг.).¹⁹ Сначала митрополит Пётр был предстоятелем Церкви в Галицкой Руси и лишь после 1308 года стал митрополитом Киевским. После перенесения митрополитической кафедры в Москву Петр потерял председательство над Церковью в Галицкой Руси. В возникшей ситуации митрополитом Галицким стал Гавриил. Возможно, владыка Гавриил поначалу считался викарием митрополита Киевского. В его юрисдикции были епархии на территории Галицкой Руси.

С момента своего установления в 1303 г. в Галицкой митрополии в первой половине XIV в. было четыре архиерея с титулом митрополита. Первым из них был владыка Никон (1303-1305 гг.), после него на митрополитической кафедре находился Пётр (1305-1309 гг.), далее – Гавриил (1326-1328 гг.) и Феодор (1331-1335 гг.). Каждый из них получил разрешение Патриарха Константинопольского на председательство митрополией.²⁰ Киевские митрополиты с резиденциями в Москве или во Владимире Суздальском стремились к ликвидации Галицкой митрополии. Московских (Киевских) митрополитов поддерживали московские князья, старавшиеся сохранять хорошие отношения с Константинополем. Московские князья имели большое влияние на решения Патриархов Константинопольских. Особенно активно ликвидации Галицкой митрополии добивался преемник митрополита Петра – Феогност. Во время его правления митрополия Галицкая была низведена до роли суфрагании Киевской

митрополии, а Галицкая епархия стала рангом ниже, чем Владимирская епархия.²¹

В 1328 г. после смерти митрополита Гавриила председательство в Галицкой митрополии принял митрополит Феодор. Возведение владыки Феодора произошло в мае 1328 г. с участием митрополита Феогноста, а также епископов Перемышльского, Холмского, Луцкого и Владимирского. Присутствие на этой церемонии митрополита Киевского позволяет предположить, что владыка Феодор был поставлен Галицким епископом, а не митрополитом.

Киевский митрополит Феогност уделял особое внимание епархиям на территории Западной Руси. Невзирая на митрополита Феогноста, владыка Галицкий Феодор получил в Константинополе достоинство митрополита. Известно, что на Синоде в Царьграде, который был созван 6 апреля 1331 г. во главе с Патриархом Исаией (1323-1334 гг.), епископ Галицкий Феодор находился в качестве Галицкого митрополита. В ответ на известие о признании епископа Феодора в Константинополе митрополитом Галицким, митрополит Феогност отправился с визитом к Патриарху. В результате его усилий митрополит Галицкий стал викарным епископом Киевским и в этом статусе находился до 1335 г.²² Ликвидация Галицкой митрополии оказалась лишь кратковременным явлением, вскоре малороссийские епископы попытались её восстановить.

Восстановление Галицкой епархии было одним из условий соглашения между польским королем Казимиром Великим (1333-1370 гг.) и галицкими боярами. Король пообещал уважать восточный обряд и права Православной Церкви, а также обязался восстановить Галицкую митрополию. Вероятно, что дипломаты польского короля вели переговоры с Патриархом Константинопольским о восстановлении вышеупомянутой митрополии. Из письма Византийского

императора Иоанна VI Кантакузина (1342-1355 гг.) к князю Галицко-Волынскому Любарту-Димитрию, датированного 1347 годом, видно, что инициатива восстановления митрополии принадлежала князю Владимирскому. Князь Любарт-Димитрий должен был послать владыку Феодора в Константинополь с целью, чтобы он получил от Патриарха сан митрополита.²³

Галицкая митрополия была восстановлена, когда Патриархом был Иоанн XIV Калека (правил в 1333-1347) – широко образованный человек, решительный противник паламитов-исихастов, сторонников учения мистического созерцания. Патриарх оказывал поддержку несовершеннолетнему отпрыску династии Палеологов, антипаламиту, императору Иоанну V, противнику претендента на трон Иоанна VI Кантакузина. В свою очередь, противники Патриарха, сторонники учения Григория Паламы (1296-1359), обвиняли Иоанна XIV Калеку в том, что он принял патриаршество вопреки воли Собора. Период 1341-1347 годов был временем острых споров между сторонниками и противниками учения Григория Паламы и господства противников императора Иоанна VI Кантакузина.²⁴ Поэтому неудивительно, что в Константинополе не приняли аргументов митрополита Феогноста по вопросу о Галицкой митрополии и отвергли давление московских князей. В 1341 г. в Константинополь прибыл митрополит Киевский, которому Патриарх подтвердил факт восстановления Галицкой митрополии.

Галицкая митрополия просуществовала до 1347 г.²⁵ В этом году на византийском троне появился новый император. Им стал паламит, позднее – монах и летописец Иоанн VI Кантакузин. Смена императора привела к смене Патриарха. В феврале 1347 г. Патриарх Иоанн XIV Калека был изгнан императором Иоанном VI Кантакузином из Константинополя и отлучён Патриархом

Иерусалимским. Вместо него Патриархом Константинопольским стал Исидор Бухирас (правил в 1347-1349), связанный с императором Иоанном VI Кантакузином. В 1347 г. Синод аннулировал все решения предыдущего Патриарха и вновь поднял вопрос о Галицкой митрополии. Восстановленная Патриархом Иоанном XIV Калекой Галицкая митрополия была вновь ликвидирована, уже окончательно. Её существование было признано „безосновательным нововведением“, возникшим „вопреки Божественным и святым канонам Церкви по злой воле продажного патриарха“. Все епархии, входившие в состав Галицкой митрополии – „Галич, Владимир, Холм, Перемышль, Луцк и Туров, с помощью Божией, возвращены к старому, справедливому и многоблагославленному порядку“ и переданы в юрисдикцию митрополита Киевского, как патриаршего экзарха всей Руси.²⁶

Ликвидация Галицкой митрополии произошла в результате усилий митрополита Киевского Феогноста и князя Московского Симеона Гордого (1317-1353). Об их усилиях можно узнать из письма Византийского императора Иоанна VI Кантакузина, датированного августом 1347 г. и адресованного московскому князю. Император заверял Симеона Ивановича в выполнении после своей коронации его требований.²⁷ За это князь Московский обязался поддерживать строительные работы в константинопольском Св. Софийском соборе.²⁸ Таким образом, первый раз судьбу церковной провинции, находившейся на территории польского государства, решило московско-константинопольское соглашение.

С 1347 г. митрополиты на Руси стали носить титул „митрополита Киевского и всея Руси“. Патриарх Константинопольский поддержал это, так как ему было легче контролировать одну митрополичью кафедру, нежели несколько. Сохранение единой церковной провинции на русских землях

было в интересах Патриархов Константинопольских, однако противоречило интересам Польского и Литовского государств.

Местонахождение митрополитов Киевских во Владимире Суздальском или в Москве затрудняло надзор над церковной жизнью в тех землях, которые вошли в состав Великого княжества Литовского или Польши. По причине нехватки епископов и священников на территории бывшей Галицкой митрополии невозможно было в полной мере обеспечить населению духовную опеку. В этой ситуации вполне естественными были попытки создания новых, независимых от митрополита Киевского, церковных провинций. В 1354 г. благодаря стараниям династии Гедиминовичей была восстановлена Литовская митрополия. Воссоздание митрополии произошло в результате усилий Литовского князя Ольгерда во время правления императора Иоанна VI Кантакузина, того самого, который постарался ликвидировать Галицкую митрополию. Неизвестны мотивы, которыми руководствовались император Иоанн VI и Патриарх Филофей (1354-1355 гг.). И император, и Патриарх после восстановления Литовской митрополии ушли с занимаемых ими мест. На изменение ситуации повлияла смерть в 1353 г. митрополита Киевского Феоноста, горячего сторонника единства Киевской митрополии. Первым митрополитом Литовским после восстановления митрополии стал владыка Феодорит.

В июне 1354 года в результате усилий князя Московского Симеона митрополитом Киевским и всея Руси стал епископ Владимирский Алексий (1293-1378). Патриарх Филофей, стремясь сохранить свою власть над Киевской митрополией, утвердил русина Алексия. Более того, Патриарх формально согласился на перенесение кафедры митрополии из Киева во Владимир над Клязьмой. С 1354 г. Владимирская кафедра стала второй кафедрой митрополитов

Киевских и всея Руси. Хотя смену местонахождения кафедры Киевского митрополита объясняли причинами безопасности, истинная причина этого решения была в усилении значения Московского княжества. Еще одной причиной этого решения было присутствие в Киеве возведенного в митрополичий сан Патриархом Болгарским Феодосием митрополита Феодорита.²⁹ Решение Патриаршего Синода формально поддерживало единство прежней Киевской митрополии. Однако фактически местонахождение центра Киевской митрополии во Владимире над Клязьмой ослабило связи митрополии с православными на территории Литвы и Польши.

За поставление Феодорита митрополитом Киевским и всея Руси Патриарх Константинопольский Каликст I (1350-1354; 1355-1363) в 1355 г. осудил Патриарха Тырновского Феодосия. Неизвестна дальнейшая судьба митрополита Феодорита. Известно только, что свой сан он получил по ходатайству литовских князей, заинтересованных в назначении лояльного к Литве Киевского митрополита. В 1354 г., когда Патриарх Константинопольский Филофей Коккинос (1353-1354; 1355-1363; 1364-1373) поставил в митрополита Киевского Алексия (1354-1378) и осудил Феодорита, в Константинополь прибыла литовская делегация, чтобы поднять вопрос о восстановлении Литовской митрополии.

Согласно житию св. Алексия, в 1354 г. в Константинополе для русских земель был поставлен не только Алексий, но и митрополит по имени Роман.³⁰ Роман был шурином князя Ольгерда, братом его второй жены Иулиании, Тверской княжны. Роман мог быть также братом Витебской княжны Анны Марии, первой жены князя, умершей в 1349 г. Алексий и Роман были поставлены в 1354 г.: Алексий – в митрополита Киевского, Роман – в митрополита Литовского.³¹

Причиной восстановления Патриархом Филофеем Литовской митрополии было желание усилить влияние Константинопольского Патриархата на территории Великого княжества Литовского. Свою роль также сыграла неприязнь князя Литовского к митрополиту Киевскому Алексию, находившегося под влиянием московских правителей. Ещё при жизни митрополита Феоноста князь Литовский добивался, чтобы преемником Феоноста стал тогда 55-летний монах Роман. В планах церковной политики князя Ольгерда была ликвидация московского влияния над Русской Церковью. Это было известно в Константинополе, где считали, что с помощью князя Ольгерда и митрополита Романа Литва будет христианизирована Православной Церковью. Именно поэтому Патриарх согласился после поставления Алексия хиротонисать Романа на Литовскую митрополию. Поначалу Литовская митрополия охватывала лишь территорию архиепископства Новгородского, границы которого не были строго определены. После смерти митрополита Киевского Феоноста (1353 г.) границы Литовской митрополии увеличились.

Конфликты между митрополитами Алексием и Романом начались сразу же после принятия последним в августе 1354 г. в Константинополе сана. Митрополит Роман получил свой сан при помощи ходатайства князя Литовского Ольгерда. Спор между Алексием и Романом касался юрисдикции епархий бывшей Литовской митрополии. Патриарший Синод, состоявшийся на рубеже 1355 и 1356 гг. под председательством императора и при участии обоих митрополитов, признал Киевскую митрополию за Алексием, а Литовскую – за Романом. Роман получил титул митрополита Литвы и Волыни. В митрополию вошли Новгородская, Полоцкая и Брянская епархии. На включение в Литовскую митрополию последней епархии повлияло завоевание

в 1356 г. Литвой Черниговско-Северской земли.³² Возможно, что в состав Литовской митрополии вошла также Туровская епархия, которая в 1299-1320 гг. входила в состав первой Литовской митрополии.³³ Именно территориальная экспансия Литвы была причиной решения Патриаршего Синода о присоединении к Литовской митрополии пяти волыньских епархий, находившихся на территории бывшего Галицко-Волынского княжества. Таким образом, Литовская митрополия увеличилась за счёт ликвидированной Галицкой митрополии, управляемой Феоностом. Решение Синода относительно епархий Галицкой митрополии не было осуществлено.

Вопросом установления границ между Киевской и Литовской митрополиями Патриарший Синод вновь стал заниматься в 1361 г. после представления чрезвычайных патриарших послов, находившихся на Руси в июле 1361 г. Император Иоанн VII Палеолог и Патриарх Константинопольский Каллист I (1350-1354, 1355-1363) подтвердили принадлежность к Литовской митрополии присоединённых ранее Туровской и Полоцкой епархий. Следует обратить внимание на то, что в 1361 г. Туров и Луцк входили в состав Великого княжества Литовского. При определении территории Литовской митрополии учитывались границы Литвы с Польским Королевством.

В последние годы своего правления польский король Казимир III Великий (1310-1370) стремился заново воссоздать церковную структуру, сделать её независимой от заграничных церковных центров. Король, используя конфликт между Литвой и Константинополем по вопросу о предстоятеле Литовской митрополии, обратился к Патриарху с просьбой восстановить Галицкую митрополию. В 1370 г. польский король решил даже на шантаж Константинопольского Патриарха. В письме к Патриарху Филофею он пригрозил, что

в случае, если Патриарх не даст согласия на восстановление Галицкой митрополии, король прикажет крестить своих подданных русинов в Римско-католическую веру. Одновременно Казимир III Великий уверял Патриарха в том, что будет заботиться, „чтобы вера на Руси не пропала и не поддавалась искажению”.³⁴ Просьба о восстановлении Галицкой митрополии была попыткой защиты епархий, находящихся в границах польского государства, от включения их в состав Киевской (Московской) или Литовской, с центром в Новогрудке, митрополий. Создания такой митрополии добивался в свое время в Константинополе князь Литовский Ольгерд.

Усилия польского короля поддержали русские князья и бояре. Патриархат рассмотрел просьбу скончавшегося 9 мая 1371 г. последнего Пяста и признал Антония митрополитом Галицким. Патриарх исходил из того, что в первую очередь необходимо было обеспечить духовные нужды русского населения на территории Польши. Восстановленная в 1371 г. Галицкая митрополия охватывала следующие епархии: Владимирско-Волынскую, Галицкую, Холмскую и Перемышльскую.³⁵ Таким образом, на присоединённых к Польше землях Православная Церковь была объединена в единую митрополию во главе с митрополитом Антонием (1371-1391).

Возникшие в XIV в. организационные разделения в структуре Церкви были результатом трех основных факторов: изменившихся границ государств (Польши, Литвы и Московской Руси); отсутствия последовательной политики Константинопольского Патриархата по отношению к русской церковной провинции; личного стремления отдельных митрополитов (Галицких, Киево-Московских и Литовских) к установлению предостоятельства над всей русской церковной провинцией. Если к этому еще добавить политические интересы

правителей Польши, Литвы и Московского княжества, то можно понять причины возникшего организационного беспорядка в Православной Церкви, функционировавшей на русских землях.

С 1371 г. Православная Церковь на территории русских земель, включенных в состав польского государства, была организована в рамках Галицкой митрополии. Галицкому митрополиту Антонию удалось поставить предстоятелей на все пустующие епископские кафедры.³⁶ Кроме самой Галицкой епархии, Галицкая митрополия включала в себя Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимирскую епархии. Митрополия охватывала земли, находившиеся в пределах польского государства. После расширения границ Великого княжества Литовского Туровская епархия была отделена от Галицкой митрополии и передана в юрисдикцию митрополита Литовского. Последнему было также передано епископство Луцкое. Разделение юрисдикций между Галицкой и Литовской митрополиями проходило по государственным границам между Польшей и Великим княжеством Литовским.

Подобно Казимиру III Великому, князь Литовский Ольгерд также пытался создать независимую от Московского княжества церковную организацию, которая, кроме территорий Великого княжества Литовского, охватывала бы Киев, Смоленск, Нижний Новгород и Тверь.³⁷ Результатом этой политики было вторичное восстановление Литовской митрополии в границах Великого княжества, которое произошло в 1375 г. во времена правления Ольгерда. В 1375 г. Ольгерд, угрожая ликвидировать в Литве Православную Церковь, выступил с категорическим требованием выдворить с территории Великого княжества Литовского промосковского митрополита Алексия.³⁸ Ультиматум подействовал на Патриарха, который выбрал и поставил митрополитом

болгарина Киприана, воспитанника Тырновской церковной школы. Киприан подерживал усилия Ольгерда.³⁹ Митрополит Литовский Киприан стал предстоятелем Киевской и Галицкой митрополий. Назначая Киприана митрополитом Литовским, Патриарх поручил ему также надзор над епархиями Галицкой митрополии.⁴⁰ После смерти митрополита Алексия Патриарший Синод в феврале 1379 г. официально признал Киприана митрополитом Галицким. В результате Киприан получил титул митрополита Литовского и Галицкого. Таким образом, митрополит Киприан возглавлял две церковные провинции. Это решение Патриаршего Синода укрепило Православную Церковь в Галицкой Руси в условиях неприязненных действий со стороны Католической Церкви. Формально границы Галицкой митрополии после Польско-литовской унии были расширены на всю территорию Червонной Руси и на некоторые епархии на территории Молдавии.

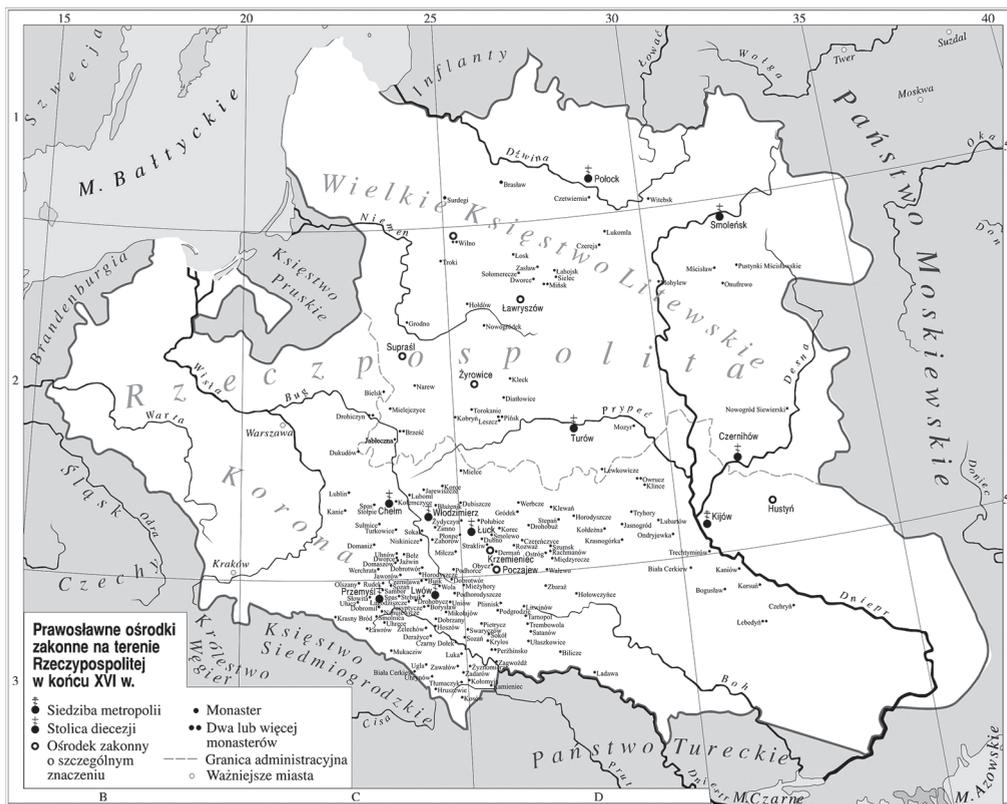
С 1405 г. митрополит Киприан стал официально использовать титул митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси. Таким образом, митрополит Киприан вплоть до своей смерти в 1406 г. возглавлял всю русскую церковную провинцию и осуществлял предствительство над епархиями, входившими в состав Киевско-Московской, Галицкой и Литовской митрополий. Митрополит Киприан был первым в ряду митрополитов Киевско-Галицких и всея Руси, имевших кафедру в Киеве и Вильно. Галицкая митрополия в качестве епархии вошла в состав Киевской митрополии и вплоть до 1539 г. управлялась наместниками Киевского митрополита.

После смерти Киприана митрополитом Киевским, при поддержке князя Василия I, стал избранный в Москве грек Фотий (1408-1431). В 1414 г. князь Витольд выдворил из Литвы находящегося там с визитом Фотия⁴¹ и от лица князей и бояр Великого

княжества Литовского потребовал у Патриарха избрать нового митрополита.⁴² Литовский князь представил Патриарху своего собственного кандидата – Григория Цамблака, племянника умершего митрополита Киприана, выдающегося богослова, игумена сербского монастыря в Космече, с 1406 г. пребывающего в Литве.⁴³ Патриарх отверг предложение князя Витольда.

Собравшийся осенью 1414 г. Собор, состоящий из архиереев, архимандритов, игуменов, князей и бояр, формально избрал Цамблака митрополитом.⁴⁴ Об утверждении этого избрания Патриархом весной 1415 г. безуспешно просило в Константинополе очередное посольство во главе с Цамблаком. После его возвращения очередной Синод в Новоградке, состоявшийся 15 ноября 1415 г. под председательством князя Витольда, избрал Григория Цамблака митрополитом, которого присутствовавшие епископы поставили в митрополита Литовского и Киевского.⁴⁵

Иерархи, присутствовавшие на Синоде, – архиепископ Полоцкий Феодосий Грек, епископы: Черниговский Исаак, Луцкий Дионисий, Владимирский Герасим и Туровский Евтимий, написали письмо с объяснениями причин своего решения, в котором не признали власть митрополита Фотия и провозгласили свое право на свободный выбор митрополита Киевского и Литовского и его хиротонию.⁴⁶ Эти события привели к отлучению Григория Цамблака митрополитом Фотием и Патриархом Константинопольским. Об избрании митрополитом Григория Цамблака Патриарха отдельным письмом проинформировал князь Витольд.⁴⁷ Русские епископы попытались обосновать свое решение церковными канонами. По их мнению, согласно церковным канонам, право избрания митрополита принадлежало Собору архиереев, а Патриарх лишь утверждал это решение. Иной точки зрения придерживались

Православные монастыри в Речи Посполитой в конце XVI века

Константинопольские Патриархи, которые с XI в. посылали своих ставленников без консультации с архиереями.⁴⁸ Архиереи, участвовавшие в Новоградском Синоде, ссылались на апостольскую традицию, согласно которой Синод обладал исключительными правами в избрании митрополита, в то время как Патриарх мог лишь только дать ему свое благословение. Синод ссылался на авторитет автокефальных Сербской и Болгарской Церквей, церковная практика которых была хорошо известна на Руси благодаря митрополитам Киприану и Григорию Цамблаку.

Новоградский Синод 1415 г. изменил организацию Православной Церкви на территории Литвы, создав автокефальную литовско-русскую митрополию. Таким образом, впервые единая Киевская митрополия была разделена на две части: Киевскую

и Московскую, разделённые государственными границами. Так были заложены организационные основы независимой структуры Православной Церкви в Польско-литовском государстве. Одновременно епископы, участвовавшие в работе Синода, приняли на себя обязательство уважать всех православных Патриархов. После Новоградского Синода избрание и поставление митрополита происходили на Соборах епископов. Синод фактически признал за католическим правителем Литвы князем Витольдом всю полноту ктиторских прав и право „выдвижения” духовных особ на церковные должности.⁴⁹

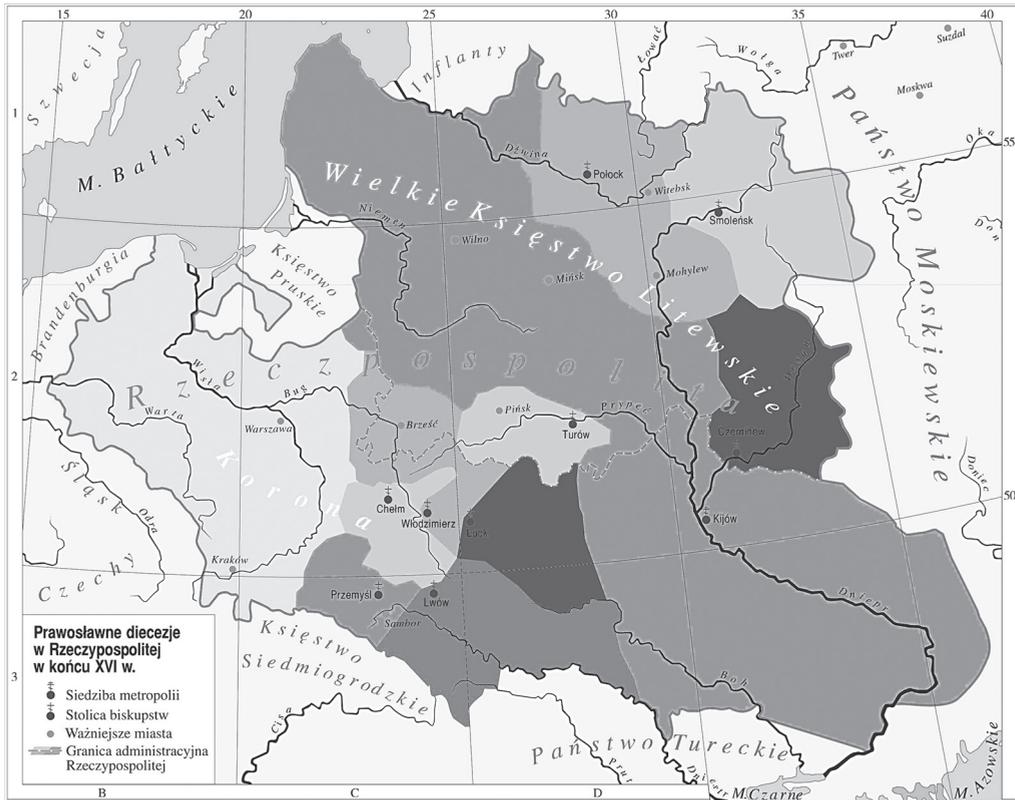
В Москве в сороковых годах XV в. после бегства сторонника церковной унии Исидора всё сильнее стали звучать требования выделить Киевскую митрополию из юрисдикции Константинопольского

Патриархата. Несмотря на критическое отношение к униатской политике Патриарха, московский князь Василий II (1425-1462) обратился в Константинополь с просьбой дать согласие на созыв Собора русских епископов, на котором предстояло избрать кандидата в митрополиты. Просьба московского князя не была удовлетворена, а внутренняя борьба в Московском княжестве стала причиной того, что митрополит был избран только в 1448 г., когда великорусские архиереи по просьбе московского князя Василия II избрали митрополитом Киевским и всея Руси епископа Рязанского Иону (1448-1461). Избрание митрополита произошло без санкции Патриарха. Этот факт означал разрыв с Константинопольским Патриархатом и вступление Руси на путь церковной самостоятельности. Практически эта форма избрания митрополита Ионы означала основание автокефалии Московской митрополии. Это событие изменило и положение Православной Церкви на землях Великого княжества Литовского.

Декларация великорусских архиереев 1448 г. имела ещё одно важное значение. Она окончательно разделила русскую церковную провинцию на Киевскую и Московскую митрополии. В Киевскую митрополию входило девять епархий, а в Московскую митрополию, которая ещё некоторое время официально называлась Киевской, входило десять епархий. Преемники Ионы после 1458 г. отказались от титула митрополита Киевского и стали использовать титул митрополита Московского и всея Руси. Формальным признанием автокефалии великорусской Церкви было возведение митрополита Московского в 1589 г. в достоинство Патриарха. Граница между двумя митрополиями – Киевской и Московской – была установлена согласно государственным границам.

С 1458 г. до Брестской унии 1596 г. Православная Церковь на русских землях

польско-литовского государства имела свою собственную организацию – Киевско-Галицкую митрополию, находящуюся в юрисдикции Патриарха Константинопольского. Киевская митрополия включала в себя десять епархий, семь из которых находились на территории Великого княжества Литовского (Киевско-Литовская, Полоцко-Витебская, Смоленско-Северская, Черниговско-Брянская, Турово-Пинская, Луцко-Острогская и Владимирско-Брестская), а три – в русских землях Польши (Холмско-Бельская, Перемышльско-Самборская и Галицко-Львовская). Составные названия епархий были следствием их исторических названий, выбора места кафедры предстоятеля или перенесения кафедры на новое место. Так было в случае перенесения архиерейской кафедры из Турова в Пинск и из Галича во Львов. Основной причиной введения многосоставных названий епархий было желание точно определить территорию епархии и указать, таким образом, область юрисдикции конкретного архиерея. Города, названия которых были в титулах епархиальных архиереев, были, как правило, центрами административно-территориального деления государства (земель, воеводств). Область Киевской митрополии совпадала с границами государства. В начале XVI в., после завоевания Московским княжеством Северско-Черниговской и Смоленской земель (1514 г.), Киевская митрополия потеряла Черниговскую и Смоленскую епархии. Таким же образом в 1563 г. от Киевской митрополии отошла Полоцкая епархия. Эта епархия после завоевания в 1579 г. Полоцка войсками польского короля Стефана Батория вновь оказалась в границах Великого княжества Литовского и Киевской митрополии. В 1539 г. Галицкая епархия была переименована в епархию Галицко-Львовско-Каменецкую. До 1596 г. более не было изменений в епархиальной

Православные епархии в Речи Посполитой в конце XVI века

структуре Киевской митрополии. В границах Речи Посполитой было восемь православных епархий.⁵⁰

До конца XVI в. Православная Церковь на территории Речи Посполитой не была автокефальной и оставалась в канонической зависимости от Константинопольского Патриарха, представляя собой одну из митрополий Патриархата. Зависимость Киевской митрополии от Патриархата имела лишь номинальный характер. Патриарх не мог повлиять на возникновение новых епархий и на поставление на них предстоятелей. Киевские митрополиты управляли митрополией самостоятельно и не были контролируемы Патриархом. На ослабление контактов между Православной Церковью в Речи Посполитой и Константинопольским Патриархатом повлияли принципы предстоятельства Царьграда

над находящимися в его юрисдикции церковными провинциями, расположенными в других странах, которые ограничивались лишь рассмотрением канонических вопросов. Кроме того, авторитет Патриархов резко упал после взятия Константинополя турками. Следует учитывать и то, что Речь Посполитая находилась на большом расстоянии от центра Патриархата.

Контакты между Киевской митрополией и Патриархатом ограничивались лишь благослением Патриарха новоизбранных митрополитов. Согласно церковной практике в Речи Посполитой, митрополит должен был обязательно получить благословение Патриарха.⁵¹ Практика эта, строго соблюдаемая до конца XV в., в последующее время нарушалась. Обычно в случае пустующей митрополичьей кафедры кандидата в митрополиты выбирал король

после консултации с православным духовенством и мирянами, а затем представлял его Патриарху для того, чтобы кандидат получил его благословение. Однако король не ждал патриаршего утверждения митрополита и еще до этого благословения передавал митрополиту имущество митрополии. В XVI в. вопрос выбора кандидата в митрополиты был полностью в компетенции короля, который в этом выборе руководствовался прежде всего политическими интересами.

Митрополит носил титул „архиепископ, митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси”.⁵² В юрисдикции митрополита Киевского находились все епархии и архиереи митрополии. Митрополит мог вершить суд над епископами вплоть до лишения их архиерейской кафедры. В обязанности митрополита входили представление и защита интересов Церкви перед органами светской власти, особенно – перед королём и Сеймом. Митрополит ставил архиереев и назначал их на епархии. В его компетенцию входил также созыв Поместных Соборов и председательство на них. Под непосредственным руководством митрополита находилась самая большая епархия – Киевская.

В отличие от Римско-католической Церкви, Константинопольский Патриархат не стремился подчинить своей власти провинциальные Церкви, не вмешивался в их внутренние дела. Источники отмечают лишь эпизодические контакты предстоятеля Византийской Церкви (Патриарха Константинопольского) с православными центрами на территории Речи Посполитой. Так, известно, что в 1505 г. Патриарх Иоаким прислал благословение Супрасльскому монастырю, а в 1509 г. выслал Виленскому братству Антиминс, однако это были лишь спорадические события.⁵³ Большое внимание делам Православной Церкви на польских землях Патриархат стал уделять только в восьмидесятых годах XVI в.

Интерес восточных Патриархов к делам Православной Церкви в Речи Посполитой в 80-х годах XVI века подтверждается визитом в 1586 г. Антиохийского Патриарха Иоакима и визитом в 1589 г. Патриарха Константинопольского Иеремии II. Патриарх Иеремия II после возвращения лишил сана митрополита Киевского Онисифора Девочку (митрополит в 1583-1589), а затем созвал в Бресте Поместный Собор. Патриарх снял обвинения с Кирилла Терлецкого и пожаловал ему титул экзарха. Поставление экзарха ослабило положение Киевского митрополита. Патриарх Иеремия II даровал Виленскому и Львовскому братствам статус ставропигиальных, освободил их из-под власти местных архиереев, подчинив братства непосредственно себе самому. Братства надзирали за духовной жизнью, информировали Патриарха о настроениях среди епископата и духовенства.

Предпринятые Патриархом шаги не были просто проигнорированы его желанием усилить свою власть над Киевской митрополией, а явились следствием информации, дошедшей до Константинополя, об ослаблении дисциплины среди православного духовенства Речи Посполитой и о начале униатских переговоров. Однако присвоение ставропигиальных прав братствам и поставление экзарха не принесли спокойствия в Киевскую митрополию, а, наоборот, вызвали еще большее замешательство, привели к тому, что часть православного епископата согласилась на переговоры об унии. Согласно мнению многих историков, действия Патриархов ускорили принятие некоторыми православными епископами решения о признании власти Папы Римского. После отъезда Патриарха хаос в Православной Церкви Речи Посполитой еще более углубился. Большую активность в контактах с православными центрами Речи Посполитой Патриарх проявил в период подготовки и созыва собора в Бресте

(1596 г.). В этот момент Патриарх выступил против проектов церковной унии, в защиту своего предстоятельства над Православной Церковью.

Православная Церковь в Речи Посполитой находилась в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Русскую Церковь связывало с Византийской лишь каноническое единство. Прибывший на Брестский собор Никифор обладал всеми правами для управления Православной Церковью в Речи Посполитой. Эти полномочия он получил в 1592 г. от Патриарха Иеремии II, приняв от него достоинство протосингела патриаршего трона, то есть, заместителя Патриарха. Он не лишился этих прав и после смерти главы Византийской Церкви. На основании Томаса синодального экзарха, Никифор, даже в случае присутствия Киевского митрополита, обладал правом председательства на Поместных Соборах Православной Церкви в Польше. Права патриаршего экзарха принадлежали также Кириллу Лукарису, который впоследствии стал Патриархом Александрийским.

Епископы, самовольно оставившие Православную Церковь и прервавшие связь с Патриархом, навлекли на себя каноническое отлучение. 17 октября 1596 г., с согласия Собора, патриарший протосингел Никифор принял решение об отлучении от управления епархиями и лишении титулов тех епископов, которые перешли в юрисдикцию Папы Римского. О лишении их епархий Собор был проинформирован письменно. Патриарший протосингел Никифор обосновал своё решение тем, что митрополит и епископы клятвопреступили присяге на верность Патриарху и выступили против постановлений Вселенских Соборов, которыми запрещалось епископам переходить из юрисдикции одного Патриарха в юрисдикцию другого, а также тем, что эти епископы приняли решение об объединении Церквей без согласия Патриарха,

хотя это решение могло быть принятым только Вселенским Собором.

Постановления православного Собора были утверждены Патриархом Константинопольским. Вместо епископов, принявших унию, для управления Православной Церковью в Речи Посполитой была созвана временная коллегия. В её состав вошли назначенный экзархом епископ Львовский Гедеон Балабан, протосингел Кирилл Лукарис и князь Константин Острожский. Заключение церковной унии разделило православное общество на две противоборствующие стороны: православную и униатскую. Линия раздела не имела епархиальных или административных границ. На стороне православных осталась большая часть духовенства и мирян с двумя епископами (Перемышльским Михаилом Копыстенским и Львовским Гедеоном Балабаном). Постановления униатского Собора признала большая часть бывшего православного епископата и часть духовенства. Монашеское духовенство заняло антиуниатскую позицию, а белое духовенство преимущественно последовало за своими архиереями, на что указывает присутствие на православном Соборе большого количества протопопов (наместников) от Львовской и Перемышльской епархий, т.е. от тех, архиереи которых не поддержали унию.⁵⁴

Первые четверть века после Брестского Собора прошли в атмосфере борьбы униатов и православных. Православной обществу не удалось вернуть правовой статус Церкви, который существовал до 1596 года. Униаты получили такой правовой статус, который позволил им присвоить себе все права Восточной (Православной) Церкви в Речи Посполитой. В руках униатов оказались православные епископские кафедры, значительная часть церквей и монастырей. Однако они окончательно не победили православие, равно как и в Римско-католической Церкви униаты не получили должного

Православные епархии в Речи Посполитой во второй половине XVII века

положения. По-прежнему для униатов был закрыт доступ в Сенат. Несмотря на увеличение численности униатов-мирян, их духовенство не обладало равными правами с латинским (римско-католическим) клиром. Униатские митрополиты жаловались Папе Римскому, что католики презируют их наравне с евреями. Римско-католическое духовенство считало униатский епископат низшим по своему положению, даже ниже положения каноников.⁵⁵

Принципиальные изменения в положении православного населения наступили после восстановления церковной иерархии. Патриарх Иерусалимский Феофан, возвращающийся через украинские земли из Москвы после поставления там

Патриарха Филарета, в октябре 1620 г. хиротонисал митрополита Киевского Иова (Борецкого) – игумена монастыря св. Михаила, бывшего ректора братской школы во Львове. Одновременно был хиротонисан в епископа Перемышльского игумен Межиборский Исаак (Копыньский). Месяцем позже Патриарх Феофан хиротонисал известного автора полемических работ (Мелетия) Смотрицкого в архиепископа Полоцкого. После отъезда из Киева в сопровождении казаков, Патриарх в начале 1621 г. в Трехтимирове хиротонисал местного игумена Иосифа (Курцевича) в епископа Владимирского; в Белой Церкви в епископа Луцкого был хиротонисан игумен Черчитский Исаак (Борискович);

в Животове епископом Холмским стал игумен Мелецкий Паисий (Хиполитович). Кроме того, епископом Пинским был назначен сопровождавший Патриарха владыка Стахоны, грек Авраам.⁵⁶ Находясь в Киеве, Патриарх дал ставропигиальные права братствам в Киеве, Луцке, Могилёве и Слуцке, подтвердив одновременно привилегии Львовского и Виленского братств.⁵⁷ Перед отъездом из Польши Феофан составил два документа, имевших важное политическое значение. Первым документом он запретил казакам воевать против Москвы. Вторым документом Патриарх проинформировал православное общество о восстановлении Киевской митрополии с семью епархиями и об анафеме униатам. Этот документ предполагал, что после смерти митрополита епископы могли сами в своей среде избрать ему преемника, после чего должны были обратиться к Патриарху для утверждения своего выбора. Ставропигиальные братства в тяжёлой для Православной Церкви ситуации должны были подчиняться власти своих епископов. Кроме того, архиереи должны были искоренить в епархиях обычаи, несогласные с церковной традицией.

Патриарший документ свидетельствует о том, что проблема православных подданных Речи Посполитой выходила за рамки её внутренней политики, была в сфере влияния Москвы и Константинополя. Планы восстановления Киевской митрополии, вероятно, возникли в период пребывания Феофана в Москве и были согласованы с казачьей делегацией, пребывающей в это время в российской столице. Таким образом, восстановление в Речи Посполитой православной иерархии не было просто делом случая или сложившихся обстоятельств.

Восстановление православной иерархии было воспринято в Польше как акт нелояльности по отношению к государству. Политическая ситуация в стране, давление

униатов и апостольского нунция Косьмы де Торри были причиной отказа польского короля Зигмунда III признать восстановленную иерархию, однако он и не предпринял никаких шагов для ее уничтожения. В результате иерархия, хоть и не признанная государственной властью, продолжала служить православному населению. Православные епископы не поддерживали тесных связей с Константинопольским Патриархатом, тем более, с Московским Патриархатом.

Изменение положения православных епископов произошло после официального восстановления в 1633 г. в Польше православной иерархии. Контакты с Константинополем наладил митрополит Пётр Могила (1633-1647). Его примеру последовали его преемники на митрополичьей кафедре: Сильвестр Коссов (1647-1657), Дионисий Балабан (1658-1663) и Иосиф Тукальский (1663-1675).⁵⁸ Предстоятели Константинопольской Церкви ограничивались лишь подтверждением избрания митрополита. Решающую роль в избрании митрополита играли польский монарх и православная элита. Патриархи лишь в крайне редких случаях вмешивались в ход избрания нового Киевского митрополита. Такая ситуация имела место во время избрания на место митрополита Киевского двух кандидатов одновременно: Иосифа Нелюбовича Тукальского и Антония Винницкого. Это привело к расколу внутри Православной Церкви и попыткам получить подтверждение своей кандидатуры у Восточных Патриархов. Антоний Винницкий добился своего признания находившимся в Молдавии Патриархом Иерусалимским Нектарием. Однако это признание не имело большого значения, так как только Патриарх Константинопольский имел все права на принятие подобного решения.⁵⁹ За помощью к Патриарху Константинопольскому обратился митрополит Иосиф Тукальский. Его

усилия увенчались успехом. 6 марта 1668 г. Патриарх Мефодий III подписал декрет православным епископам и духовенству, гетману Петру Дорошенку, Запорожскому Войску и всем православным верующим, которым поблагодарил их за верность патриаршему трону. Патриарх призвал к послушанию митрополиту Иосифу Тукальскому, который согласно с каноническим правом был избран митрополитом после смерти Дионисия Балабана. Патриарх Мефодий III даровал Тукальскому титул „митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, экзарха Константинопольского трона, епископа белорусского и архимандрита Лещинского“. Декрет, которым Тукальскому были пожалованы права экзарха, кроме Патриарха, подписали восемнадцать греческих митрополитов.⁶⁰

Поставление нового митрополита при нарушении канонического права явилось причиной организационного хаоса. В целях урегулирования этой ситуации на коронационный Сейм 1676 г. прибыла многочисленная делегация Православной Церкви во главе с митрополитом Антонием Винницким. Однако, вместо урегулирования ситуации, Сейм 5 февраля принял конституцию (закон), запрещающую православным поддерживать контакты с Константинопольским Патриархатом, а также подчиняющую церковные братства власти местных архиереев.⁶¹ Конституцией 1676 г. попытались полностью изолировать православное население Речи Посполитой от православных центров, находящихся за пределами государства.

Во внутренней политике правительство Речи Посполитой не признавало толерантного отношения к иноверцам. В отношении православных вновь были введены ограничения в правах. С другой стороны, Патриарх Московский прилагал всё большие усилия для подчинения Киевской митрополии своей юрисдикции. Кроме того, столица

митрополии – Киев – оказалась в границах России. Защита самобытности Киевской митрополии и её юрисдикционной принадлежности Константинопольскому Патриархату привела к конфликту с православным российским царём. Официальное присоединение Киевской митрополии к Московскому Патриархату произошло только в 1686 г.

Московский Патриархат беспокоили известия об униатских настроениях Львовского и Перемышльского православных епископов. Российское правительство попыталось подчинить Киевскую митрополию юрисдикции Патриарха Московского. Уже в 1683 г. епископ Черниговский Лазарь (Баранович) поставил Варлаама Ясинского архимандритом Киево-Печерской Лавры. Годом позже Патриарх Московский Иоаким, несмотря на то, что это касалось церковной области, находящейся в юрисдикции Константинопольского Патриархата, подтвердил это назначение. Патриарх Иоаким обратился к Патриарху Константинопольскому и к российскому царю с предложением срочно избрать Киевского митрополита. В обращении Патриарха указывалось на факты преследования православного населения на территории Речи Посполитой, а также на использование титула митрополита Киевского униатами. Как пример преследования православных приводился переезд на левый берег Днепра епископа Луцкого Гедсона (Четвертинского). Патриарх Иоаким считал Луцкого владыку достойным кандидатом на митрополичью кафедру. С подобной же просьбой к Константинопольскому Патриарху Парфению IV в 1684 г. обратились царевичи Иван и Пётр.⁶² Под влиянием этих обращений гетман Запорожского Войска Иван Самойлович 29 июня 1684 г. созвал в Киеве Собор, на котором Гедсон (Четвертинский) был избран митрополитом. В свою очередь, киевское духовенство во

главе с архимандритом Варлаамом Ясинским созвало без участия гетмана другой Собор, на котором был выражен протест в отношении планов Московского Патриархата поставить Киевского митрополита. По мнению духовенства, гетман не имел права передавать Киевскую митрополию в юрисдикцию Московского Патриархата, не получив на то согласия Патриарха Константинопольского. Кроме того, подобное решение ставило православных Речи Посполитой в крайне затруднительное положение. В Киеве считали, что передача митрополии без согласия Матери-Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата приведёт к тому, что православные верующие будут принуждаемы к принятию унии. Киевское духовенство обращало внимание и на тот факт, что изменение юрисдикционной принадлежности лишит Киевскую митрополию привилегий, которыми она обладала до этого времени.

В сложившейся ситуации гетман Иван Самойлович и епископ Гедеон Четвертинский попросили российского царя о правовое урегулирование статуса Киевской митрополии. Гетман и владыка не понимали, что польский король Ян III Собеский также склонялся в пользу ликвидации зависимости Киевской митрополии от Константинопольских Патриархов. Усилия польской стороны были продиктованы иными причинами. Они преследовали цель порвать все связи православных епископов с заграничными центрами. В Москве приветствовалось избрание Гедеона Четвертинского Киевским митрополитом, а его приезд в Москву сравнивался с бегством Авраама и Моисея. 8 ноября 1685 г. владыка Гедеон в Успенском соборе в Москве, в присутствии царевичей и Патриарха, был поставлен в митрополита Киевского. Сан митрополита Гедеона Четвертинского подтверждали два декрета – царевичей и Патриарха.⁶³ Новый митрополит понимал, что

принесение присяги на верность Патриарху Московскому могло повлечь за собой канонические санкции. Митрополит опасался также, что этот акт отрицательно повлияет на положение православных в Речи Посполитой. Именно поэтому Четвертинский настоятельно просил Патриарха Московского поскорее послать в Константинополь посольство.

Московское посольство с просьбой признать переход Киевской митрополии в юрисдикцию Московского Патриархата и санкционировать поставление митрополита Гедеона Четвертинского прибыло в Турцию весной 1686 г. Воюющая со Священной Лигой Турция для того, чтобы сохранить нейтралитет в войне России, заставила Патриарха Иерусалимского Досифея II принять просьбу московских послов. В апреле 1686 г. и новый Патриарх Константинопольский Дионисий IV под давлением турок дал согласие на переход Киевской митрополии в юрисдикцию Патриарха Московского Иоакима.⁶⁴ Решение Патриарха Дионисия IV подтвердил Собор епископов Константинопольской Церкви в июне 1686 г. Таким образом, было прервано каноническое главенство Константинопольских Патриархов над Киевской митрополией, существовавшее с X века, т.е. времени крещения Киевской Руси.

Ещё одним важным событием, оказавшим влияние на судьбу Православной Церкви в Речи Посполитой, было заключение 6 мая 1686 г. Гжимолтовским трактата о мире с Россией. Статьей IX Польско-русского мирного договора за Киевским митрополитом признавалось право юрисдикции над православными Речи Посполитой, а православным гарантировалась свобода веры, право беспрепятственной связи с митрополитом по церковным вопросам.⁶⁵

Первоначально польские власти предполагали до конца XVII в. полностью ликвидировать в пределах государства

православную иерархию. Папу Римского и польского короля, которые согласились на статью IX Польско-русского мирного договора 1686 года, прежде всего интересовали обязательства России по соблюдению на территории Речи Посполитой прав католиков и униатов. Предполагалось, что в конце концов уния найдёт своих сторонников и в Москве, а Православная Церковь перестанет существовать на территории Речи Посполитой в организованной форме. С этой целью делалось все, чтобы православные архиереи приняли униатство, этому же должна была способствовать политика поставления предстоятелей епархий. На практике же договор дал правовые основания киевским митрополитам, находящимся на территории России, управлять делами Православной Церкви на территории Речи Посполитой. Права и свободы православных, гарантированные в международном договоре, стали правовой базой многочисленных заявлений российских властей польскому королю по вопросу о нарушениях постановлений о вере, записанных в „вечном мире“.⁶⁶

На территории Речи Посполитой оставалось шесть православных епархий: Львовская, Луцкая, Мстиславская, Перемышльская, а также части разделённых государственной границей Киевской и Черниговской епархий. Администратор митрополии Афанасий Шумлянский в 1680 г. неофициально присоединился к унии. За ним в 1692 г. под власть Папы Римского перешел Перемышльский епископ Иннокентий Винницкий, а в 1700 г. – епископ Львовский Иосиф Шумлянский. Последний православный архиерей на землях Речи Посполитой – Луцкий епископ Дионисий Жабокрыцкий, перешёл в униатскую Церковь в 1702 г.⁶⁷ После перехода вышеперечисленных епископов в унию у Православной Церкви в Речи Посполитой осталась только одна белорусская епархия.

В её юрисдикции находились приходы, подчинявшиеся бывшей Полоцкой епархии. Остальными же управлял находящийся за границей Киевский митрополит, которому в этом помогал его викарный епископ Переславский.⁶⁸ Такое положение изменилось во время Северной войны. В 1707 г. в занятом российскими войсками Могилёве Пётр Великий поставил на местную кафедру епископа Сильвестра (Четвертинского). Затем царь Пётр 28 ноября 1720 г. вынудил польского короля Августа II выдать привилегию, подтверждающую права владыки Сильвестра (Четвертинского) на Могилёвскую епархию. Таким образом, была восстановлена православная Могилёвская (белорусская) епархия, вдовствующая с 1703 г. после смерти владыки Серафимона (Полховского). Этим актом Август II восстановил свободу православной веры на всей территории Великого княжества Литовского. 2 мая 1722 г. Пётр Великий вновь выступил в защиту православия, пригрозив военным вмешательством. В ответ на это Август II заверил царя, что Польша выполнит все условия международных договоров.⁶⁹

В первой половине XVIII в. унию приняли практически все православные приходы в тех частях Киевского и Брацлавского воеводств, которые находились в границах Речи Посполитой. Уния полностью господствовала в Перемышльской, Львовской, Владимирской и Львовской епархиях. Этому процессу благоприятствовали два закона (устава) Сейма – 1717 и 1733 гг. Первый лишил всех православных права публичного совершения богослужений и строительства новых храмов. Второй закрыл некаатоликам доступ в Сейм, суды, запретил им занимать должности в центральных и местных государственных учреждениях. Используя эти правовые акты, униаты стремились к полной ликвидации Православной Церкви. Благоприятствовала им и позиция короля Августа III Саса, который отклонял все

жалобы православного населения и ноты России по этому вопросу. Большая часть православных верующих проживала на территории Великого княжества Литовского, преимущественно на территории Могилёвской епархии. В православии оставались 39 монастырей, собранных в нескольких группах: Литовской, Слуцкой, Подляшской, Полесской, Киевской, Переяславской и Белорусской.⁷⁰

В 1755 г., после смерти епископа Могилёвского Иеронима Волчанского, Папа Римский потребовал от Августа III ликвидировать православную епархию. Российская императрица Елизавета Петровна выразила по этому поводу протест и заставила короля поставить на Могилевскую кафедру ректора Киевской Академии Георгия (Конисского).⁷¹ Активное вмешательство России в дела Православной Церкви началось во время правления Екатерины II. Императрица, сама будучи религиозно индифферентной, использовала отсутствие равенства в правах православного и католического населения как повод для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой.

На Варшавском Сейме 1766 г. российский и прусский послы потребовали аннулировать устав 1733 года, запрещающий некаатоликам занимать должности в государственных учреждениях и находиться на государственной службе. Сейм отклонил требования послов, однако согласился на незначительные уступки Православной Церкви. Было подтверждено право православных совершать богослужения в существующих церквях, ремонтировать храмы, которые были построены до 1717 г. Под давлением католических епископов и нунция Евгения Висконти (1760-1767) Сейм не признал политическое равноправие иноверцев. Используя нежелание Сейма дать равные права для иноверцев, Россия и Пруссия демонстративно поддержали православно-протестантскую конфедерацию в

Слуцке и протестантскую конфедерацию в Торуне. Под влиянием этого Сейм в 1768 г. принял ряд уступок православным. Православным подтвердили право на существование Могилевской (белорусской) епархии, им гарантировались свобода богослужения, печати, строительства новых храмов. Судьбу незаконно отнятых у православных церквей и монастырей должны были решить специальные смешанные суды, состоящие из людей, утвержденных королем. Кроме того, православные получили право занимать государственные должности, право работать в государственных учреждениях. Вероисповедание больше не было препятствием для получения всех гражданских прав и дворянства. Одновременно Конституция Сейма подтвердила, что господствующей в Речи Посполитой религией является католическая вера и любое отступничество от неё считается преступлением.⁷²

Первый раздел Речи Посполитой привёл к тому, что половина православного населения, вместе с Могилевской епархией, оказалась в границах России. Польско-российским трактатом католикам и униатам, проживающим на территориях, присоединённых к Российской империи, гарантировалась свобода веры. Россия оставляла за собой право защиты православного населения на территории Речи Посполитой. Под давлением России польский Сейм в 1775 г. принял новый устав о диссидентах. По этому уставу православные получили ограниченный доступ в Сейм, для разрешения имущественных споров православных с униатами была создана смешанная комиссия. Однако все вышеперечисленные правовые акты подтверждали господствующую роль в государстве католической религии и юридически запрещали отступление от католической веры. Польско-российский трактат, принятый Сеймом в 1775 г., регулировал правовое

положение православного населения, передавал православных в юрисдикцию епископов, находившихся за пределами государства. Заключённый с Россией трактат дал последней правовые основы в дальнейшем выступать в защиту православного населения Польши.

В период реформирования государственного строя была предпринята попытка нормализации положения населения „греческой веры” и интеграции его в Речи Посполитой. Созданная Сеймом комиссия 1 марта 1791 г. представила рапорт, в котором отмечалось трагическое положение Православной Церкви, лишённой предстоятеля после заключения в тюрьму епископа Виктора (Садковского). Владыку Виктора Садковского обвинили в подготовке бунта против государственной власти. На основании предложений комиссии Сейм 5 марта принял конституцию (закон) о „восточно-греческой религии”. Конституция признала необходимым создать для православных постоянную церковную власть и восстановить иерархию. Сейм распорядился собрать представителей Православной Церкви на генеральную конгрегацию в Пинске. Конгрегация 3 июля 1791 г. избрала орган церковного управления – Синод, состоящий из архиепископа и трёх епископов, возглавляющих четыре епархии, на территории которых должно было быть разделено государство. В организации жизни своих епархий епископы должны были быть независимыми, а в догматических вопросах подчинялись Патриарху Константинопольскому.⁷³

Постановления Пинской конгрегации ввели общие правила соборности в Православной Церкви. Принятые решения разрывали предыдущие польско-российские трактаты. Пинская конгрегация *de facto* создавала Автокефальную Православную Церковь в Польше. Из-за протестов нунция, католического и униатского духовенства,

Сейм приступил к рассмотрению вопросов православного вероисповедания лишь 10 мая 1792 г. После обсуждения Сейм 21 мая принял конституцию об „организации своей иерархии греко-восточного обряда, униатского, в государствах Речи Посполитой Польской”. Однако конституция Сейма не гарантировала православному митрополиту места в Сенате, хотя такая привилегия была у митрополита униатского. Несмотря на эти недостатки и принятие конституции в момент объявления Россией войны Речи Посполитой, православное население приняло эти решения с большой надеждой. Сам факт принятия конституции абсолютным большинством голосов (123 „за” и 13 „против”) свидетельствовал о развитии религиозной толерантности по сравнению с существовавшей ещё в середине XVIII в. нетерпимости по отношению к православным. Изменение политики Речи Посполитой по отношению к православному населению, выражением которой была попытка создания независимой церковной структуры, была результатом международной обстановки и попыткой стабилизации государственного строя. Только тогда, наконец, был замечен многорелигиозный и многонациональный состав населения Речи Посполитой. Выводы из политики правительством господству одного вероисповедания были сделаны, однако, слишком поздно, чтобы принести ощутимые результаты.

В период восстания Т. Костюшко была предпринята ещё одна попытка разрешения проблемы статуса Православной Церкви. В состав Высшего Национального Совета вошёл один из авторов постановлений Пинской конгрегации, игумен Савва (Пальмовский).⁷⁴ Действующий в Вильно под руководством Якова Ящинского Высший Совет Литовского Народа 8 мая 1794 г. издал воззвание „Униатам и православным”, которым обещалось введение правовых гарантий и свободы вероисповедания

для обеих групп восточного христианства. В этом воззвании Совет брал под свою защиту государственную Православную Церковь и православное население. Это воззвание привело к массовому участию православного и униатского населения в восстании Костюшко.⁷⁵ Поражение восстания Костюшко и третий раздел Речи Посполитой привели к полному краху концепции создания независимой церковной структуры на территории Великого княжества Литовского.

После разделов Речи Посполитой православные приходы, находившиеся на территории польских земель, были подчинены юрисдикции российских архиереев. В целях реализации новой государственной политики в отношении православного населения на бывших восточных землях Речи Посполитой в организационную структуру Русской Православной Церкви были внесены существенные изменения. Присоединённые к империи территории были подчинены юрисдикции предстоятеля новосозданной в 1793 г. Минско-изьяславско-брацлавской епархии.⁷⁶ 12 апреля 1795 г. эта епархия была переименована в Минско-волынскую, а четыре года спустя – в Минско-литовскую с викарной Житомирской кафедрой (1795-1799). В 1799 г. наряду с Минско-литовской епархией была создана также Волинско-житомирская епархия.⁷⁷

Примечания

1 В пользу наличия славянского обряда на польских землях высказывались в том числе: К. Potkański, *Kraków przed Piastami*, „Rozprawy Akademii Umiejętności Wydziału Historycznego-Fizjologicznego”, т. XXXV, Kraków 1898, с. 161-170; там же, *Lechici-Polanie-Polska, Wybór pism*, Warszawa 1965; J. Widajewicz, *Państwo Wiślan*, Kraków 1947, тот же, *Prohor i Prokul, najdawniejsi biskupi krakowscy*, „*Nasza Przeszłość*”, №4 (1948), с. 17-32, J. Umiński, *Obrządek słowiański w Polsce IX-XI wieku i zagadnienie drugiej metropolii w*

Белостоцкая область в 1795-1806 гг. оказалась в пределах Пруссии. На землях, которые в 1795 году перешли под власть Пруссии, было небольшое количество православного духовенства и верующих. Православные верующие, в основном, были сосредоточены вокруг трёх монастырей: в Заблудове, Бельске и Дрогичине. Кроме трёх монастырей на землях, которые оказались после третьего раздела Речи Посполитой в границах Пруссии, не было никаких других православных церквей. До 1795 г. эти монастыри были в юрисдикции Слуцкого архимандрита.⁷⁸ Прусские власти, стремясь сделать независимыми православные центры в Заблудове, Бельске и Дрогичине, планировали создание самостоятельного епископства, находящегося в юрисдикции Константинопольского Патриархата.⁷⁹ Эта политика была прервана подписанием трактата в Тилже (1807), по которому Белостоцкая область была присоединена к России. Российские власти, не считаясь с правовой и организационной самобытностью православных приходов на польских землях, ввели на присоединённых территориях синодально-консисторное управление, превратив Православную Церковь на территориях бывшей Речи Посполитой в часть Русской Православной Церкви.

Polisce w czasach Bolesława Chrobrego, „*Roczniki Humanistyczne KUL*”, R. IV (1953), z. 4, Lublin 1954, K. Lanckorońska, *Studies on the Roman-Slavonic Rite in Poland*, Rome 1961; H. Lowmianki, *Początki Polski*, т. IV, с. 472-515; J. Klingier, *O istocie prawosławia*, Warszawa 1983, с. 365-421; A. Naumow, *Pasterze wiernych Słowian*, Kraków 1985, с. 8-12; J. Leśny, *Konstanty i Metody*, с. 28-38; Z. Dobrzyński, *Obrządek Słowiański w dawnej Polsce*, ч. 1-3, Warszawa 1989; *Chrześcijaństwo w Polsce*, под редакцией J. Kłoczowskiego, Lublin 1992, с.

- 23-27; F. Kmiotowicz, Kiedy Kraków był „Trzecim Rzymem”, Białystok 1994; S. Szczur, Misja cyrylo-metodiańska w świecie najnowszych badań, [w:] Chrystianizacja Polski Południowej, Материалы научной сессии, состоявшейся 29 июня 1993 г., Kraków 1994, с. 7-23; H. Paszkiewicz, Początki Rusi, Kraków 1996, с. 417-445; R. Żerelik, Obrządek słowiański w południowej Polsce, [w:] Prawosławie. Światło wiary i zdroj doświadczania, под редакцией K. Leśniewskiego i J. Leśniewskiej; Lublin 1999, с. 439-447; M. Bendza, Chrystianizacja ziem Polski, [w:] Kościół Prawosławny w dziejach Rzeczypospolitej i w krajach sąsiednich, Białystok 2000, с. 68-89; A. Mirinowicz, Kościół Prawosławny w Państwie Piastów i Jagiellonów, Białystok 2003, с. 27-54.
- Принципиально иную позицию по вопросу о присутствии славянского обряда на польских землях занимали: К. Вучек, Первые bishopства Польские, „Кварталник Историчны”, т. LII, Warszawa 1938; W. Abraham, Organizacja Kościoła w Polsce do połowy wieku XII, издание 3, Poznań 1962, с/ 158-161; T. Lehr-Splawiński, Czy są ślady istnienia liturgii cyrylo-metodiańskiej w dawnej Polsce, [w:] Od piętnastu wieków. Szkice z pradziejów i dziejów kultury polskiej, Warszawa 1961, с. 43-47; T. Silnicki, Początki organizacji Kościoła w Polsce za Mieszka I i Bolesława Chrobrego, [w:] Początki państwa polskiego. Księga Tysiąclecia, под редакцией К. Тумienieckiego, т. I, Poznań 1962; J. Dowiat, Historia Kościoła Katolickiego w Polsce do połowy XV wieku, Warszawa 1968, Historia Kościoła w Polsce, под редакцией В. Kumora i Z. Obertynskiego, Poznań-Warszawa 1974; W. Korba, Czy Kraków był metropolią koscielną w połowie XI wieku?, [w:] Ars. Historica, Poznań 1976, с. 321-340; G. Labuda, Kraków biskupi przed rokiem 1000, „Studia Historyczne”, R. XXVII, 1984, z. 3 (106), с. 371-416; тот же, Zagadka zaginionej metropolii w Polsce za czasów Bolesława Chrobrego, [w:], Studia nad początkami państwa polskiego, т. II, Poznań 1988, с. 527-548.
- 2 См.: K. Lanckorońska, Studies on the Roman-Slavonic Rite in Poland, Rome 1961; J. Klinger, Nurt Słowiański w początkach chrześcijaństwa polskiego, [w:] O istocie prawosławia, Warszawa 1983, с. 365-421; J. Umiński, Obrządek słowiański w Polsce IX-XI wieku i zagadnienie drugiej metropolii polskiej w czasach Bolesława Chrobrego, „Roczniki Humanistyczne KUL”, №4 за 1953 год, Lublin 1954, с. 3-44; Z. Dobrzyński, Obrządek słowiański w dawnej Polsce, ч. 1-3, Warszawa 1989.
- 3 J. Hawrot, Pierwotny Kościół pod wezwaniem Salwatora na Zwierzynfcu w Krakowie, „Кварталник Architektury i Urbanistyki”, 1956, №1, с. 157-172; W. Szafranski, Płock we wczesnym średniowieczu, Warszawa 1983; Z. Wartołowska, Osada i gród w Wislicy w swietle badań wykopaliskowych do 1962 г., [w:] Odkrycia Wislicy, Warszawa 1963; A. Zak, Trzecia budowla przedromańska na Wawelu, „Z otchłani wieków”, Kraków 1968; J. Klinger, Nurt słowiański w początkach chrześcijaństwa polskiego, Białystok 1998.
- 4 A. Gieysztor, Obraz Rusi w Polsce średniowiecznej, [w:] Związki kulturalne między Polską a Rosją, Moskwa XI-XX, 1998, с. 12.
- 5 G. Labuda, O obrządku słowiańskim w Polsce południowej, czyli Kraków biskupi przed rokiem 1000, [w:] Studia nad początkami Państwa Polskiego, т. II, Poznań 1988, с. 165, 205-211.
- 6 A. Poppe, Kościół i państwo na Rusi w XI w., Warszawa 1968, с. 178; E. Голубинский, История Русской Церкви, т. I, ч. 1, Москва 1901 г., с. 334; J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa Kościoła Wschodniego na Rusi i Litwie, „Кварталник Историчны”, т. X, 1896, с. 487-521.
- 7 E. Голубинский, История Русской Церкви, т. I, ч. 1, Москва 1904 г., с. 269-272; A. Poppe, Państwo i Kościół na Rusi w XI w., Warszawa 1968, с. 38,39; тот же, Przyjęcie chrześcijaństwa na Rusi w opiniach XI w., [w:] Teologia i kultura duchowa starej Rusi, под редакцией W. Hryniewiczza и J. S. Gajka, Lublin 1993, с. 89-104; G. Podskalsky, Chrześcijaństwo i literatura teologiczna na Rusi Kijowskiej (988-1237), Kraków 2000, с. 59-68.
- 8 Митрополит Макарий, История Русской Церкви, т. IV, Москва 1866, с. 132; W. Zaikin, Ustrój wewnętrzny Kościoła ruskiego w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI w. do unii libelskiej, „Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie”, R. X. №2, Lwów 1930, с. 135; L. Bieńkowski, Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce, [w:] Kościół w Polsce. Studia nad historią Kościoła Katolickiego w Polsce, под редакцией J. Kłoczowskiego, т. II, ч. 2, Kraków 1969, с. 811.
- 9 П. Н. Батюшков, Холмская Русь, с. 14, 38, 39; И. Чистович, Очерк истории Западно-Русской Церкви, ч. 1, Санкт-Петербург 1882 г., с. 6; A. Gil, Prawosławna eparchia chełska do 1596 г., Lublin 1999, с. 61, 65-68.
- 10 Там же, с. 101-111; A. Mironowicz, Kościół Prawosławny..., с. 63-64.
- 11 И. Чистович, Очерк истории Западно-Русской Церкви, ч. 1, Санкт-Петербург 1882 г., с. 186; M. Bendza, Prawosławna diecezja przemyska, s. 38.
- 12 П. Н. Батюшков, Вольнь, историческия судьбы Юго-Западнаго края, с. 24; Н. И. Теодорович,

- Город, с. 26; И. Чистович, Очерк истории Западно-Русской Церкви, ч. 1, с. 7.
- 13 S. Zajączkowski, Wołyń pod panowaniem Litwy, Równe 1931, с. 8.
  - 14 A. Poppe, Organizacja Kościoła (Ruś), [w:] Słownik Starożytności Słowiańskiej, т. III, Wrocław – Warszawa – Kraków 1967, с. 515.
  - 15 Т. Барсов, Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью, Санкт-Петербург 1878, с. 426-429; J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 492-493; K. Chodynicki, Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys Historyczny 1370-1632, Warszawa 1934, с. 4, 5.
  - 16 I. Szaraniewicz, Sprawy Kościelne na Rusi za rządów Kazimierza Wielkiego, „Biblioteka Ossolińskich. Poczet nowy”, т. II, Lwów 1863, с. 325, 326; J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 495, 496.
  - 17 J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 513, 514; A. Mironowicz, Kościół Prawosławny..., с. 105, 106.
  - 18 I. Szaraniewicz, Patriarchat Wschodni wobec Kościoła ruskiego i Rzeczypospolitej Polski, „Rozprawy Wydziału Historyczno-Fizjologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie”, т. VIII, Kraków 1878, с. 257; J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 494.
  - 19 Там же, с. 498, 499; A. Mironowicz, Kościół Prawosławny..., с. 113-114.
  - 20 A. Theiner, Vetera Monumenta Poloniae, т. II, Romae 1860, с. 626, 627; Макарий, История Русской Церкви..., т. IV, с. 57.
  - 21 J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 500, примечание 1.
  - 22 Там же, с. 501б 502; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 118-119.
  - 23 J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 511.
  - 24 Там же, с. 503-505, примечание 5.
  - 25 Там же, с. 488; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 121-122.
  - 26 J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 505, 506.
  - 27 Russkaja Istoricheskaja Biblioteka, т. IV, Санкт-Петербург 1878 г., с. 6; J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 503.
  - 28 Макарий, История русской Церкви..., т. III, с. 29-30; J. Fijałek, Średniowieczne biskupstwa..., с. 507; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 124.
  - 29 J. Fijałek, Biskupstwa greckie..., с. 3-7.
  - 30 Макарий, История Русской Церкви, т. IV, с. 42-44; H. Paszkiewicz, Początki Rusi, Kraków 1996; T. Śliwa, Kościół prawosławny w państwie litewskim w XII-XIV w., [w:] Chrześcijaństwo w Litwie, под редакцией М. Т. Zachajkiewicza, Lublin 1990, с. 23-25; Т. М. Трајдос, Biskupi prawosławni w monarchii Jagielly, „Nasza Przeszłość”, vol. LXVI, 1986, с. 113, 114; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 20; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w Polsce, [w:] Europa Orientalis. Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność. Księga pamiątkowa z okazji 65 rocznicy urodzin profesora Stanisława Alexandrowicza, под редакцией Z. Karpusa, T. Kempki, D. Michaluk, Toruń 1996, с. 212.
  - 31 PSRL, т. X, с. 227.
  - 32 E. Голубинский, История Русской Церкви, т. I, с. 179, 191.
  - 33 A. С. Грушевский, Очерк истории Туровско-Пинского Княжества в составе Литовско-Русского государства XIV-XVI вв., „Киевские Университетские Известия”, XLII, №10, 1902 г., с. 98.
  - 34 A. Theiner, Vetera Monumenta Poloniae, vol. II, Romae 1860, с. 626, 627; J. Fijałek, Biskupstwa greckie..., с. 27; W. Abraham, Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi, т. I, Lwów 1904, с. 232-233; H. Paszkiewicz, Polityka ruska Kazimierza Wielkiego, Warszawa 1925, с. 226, примечание 3; с. 248.
  - 35 Т. М. Трајдос, Metropolici Kijowscy Cyprian i Grzegorz Camblak a problemy Cerkwi prawosławnej w państwie polsko-litewskim u schyłku XIV i pierwszej ćwierci XV w., [w:] Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, т. II, Poznań 1985, с. 213, 214; J. Fijałek, Biskupstwa greckie..., с. 27-34; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 137-138.
  - 36 J. Fijałek, Biskupstwa greckie..., с. 31.
  - 37 H. Paszkiewicz, Początki Rusi..., с. 250-251; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 142-145.
  - 38 Макарий, История Русской Церковии..., т. IV, с. 46; E. Голубинский, История Русской Церкви..., т. I, с. 211.
  - 39 J. Fijałek, Biskupstwa greckie, с. 36; T. Wasilewski, Historia Bułgarii, Warszawa 1970, с. 121.
  - 40 J. Fijałek, Biskupstwa greckie, с. 37.
  - 41 Новгородская Летопись, в PSRL, т. III, Санкт-Петербург 1841, с. 105; Т. М. Трајдос, Metropolici kijowscy..., с. 225; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 167-169.
  - 42 E. Голубинский, Историю Русской Церкви..., т. II, с. 369, 370; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 36.
  - 43 К. Мецев, Григорий Цамблак, София 1969 г., с. 15-18.
  - 44 А. И. Яцимирский, Григорий Цамблак. Очерк его административной и книжной деятельности, Санкт-Петербург 1904, с. 177, 178.
  - 45 Там же, с. 180; Акты относящиеся к истории Западной России, т. I, Санкт-Петербургу. 1846. № 24 и 25, с. 33; I. Daniłowicz, Skarbiec dyplomów

- papieskich, т. II, Wilno 1862, № 1178, с. 44-45; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 38-40; T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., 224.
- 46 Уваровский Список, в: PSRL, т. XVII, с. 98; T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., с. 227.
- 47 L. Kolankowski, Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów, т. I, Warszawa 1930, с. 131; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 39; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 169-170.
- 48 Макарий, История Русской Церкви, т. 4, с. 217; L. Bieńkowski, Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce, [w:] Kościół w Polsce. Studia nad historią Kościoła Katolickiego w Polsce, редакция J. Kłoczowskiego, т. II, ч. 2, Kraków 1969, с. 789, 790.
- 49 W. Zajkin, Ustrój wewnętrzny Kościoła ruskiego w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI w. do Unii Lubelskiej, „Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie”, т. IX, № 2, 1930, с. 134; тот же, Участие светского элемента в церковном управлении, Warszawa 1930, с. 105-107; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 40, 41; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 171.
- 50 K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 105, 116; Макарий, История Русской Церкви..., т. 4, с. 166-177, 334-335, 493-502, 516-519, 541-546, 576-579; M. Грушевский, История Украины-Руси, т. 5, Львів 1905, с. 432-442, 459-460; A. Łapiński, Zygmund Stary a Kościół prawosławny, Warszawa 1937, с. 2-3; L. Bieńkowski, Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce w XVI-XVIII w., с. 794-795; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 208-209.
- 51 A. Łapiński, Zygmund Stary a Kościół prawosławny, с. 4-6; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 123-124; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej, Białystok 2001, с. 33-34.
- 52 L. Bieńkowski, Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce XVI-XVIII w., с. 779-837; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 107-192; M. Papierzyńska-Turek, Kościół prawosławny na ziemiach ruskich Litwy i Korony, „Przemyski Zapiski Historyczne”, R. VI-VII, 1990, с. 139-162; A. Mironowicz, Kościół prawosławny..., с. 218-219.
- 53 Макарий, История Русской Церкви..., т. 9, с. 155-156, 179; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., с. 124.
- 54 Об отношении духовенства и мирян к униатскому собору ср., M. Bendza, Prawosławna diecezja przemyska w latach 1596-1681. Studium Historyczno-Kanoniczne, Warszawa 1982, с. 108-118; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, Białystok 2001, с. 55-79.
- 55 Impedimenta ex parte Catholicorum Ritus Latini frigide defendentium Unionem, [w:] M. Harasiewicz, Annales Ecclesiae Ruthenae, с. 263-271.
- 56 П. И. Орловский, Участие запорожских козаков в восстановлении Иерусалимским патриархом Феофаном православной Южно-Русской церковной иерархии в 1620 г., (в) Труды Киевской Духовной Академии 1905 г., Киев 1905, с. 648; Макарий История Русской Церкви..., т. 11, Санкт-Петербург 1882, с. 242-264; M. Грушевский, История Украины-Руси, т. 7, Киев 1909, с. 426-437; Д. Дорошенко, Нарис истории Украины, Warszawa 1932, т. I, с. 206-207; K. Chodynicki 1934, с., Kościół prawosławny..., с. 425-429; J. Woliński, Polska i Kościół prawosławny. Zarys historyczny, Lwów 72-73; W. Tomkiewicz, Cerkiew dyzunicka w dawnej Rzeczypospolitej Polskiej 1596-1795, „Przegląd Powszechny”, т. CIC, Kraków 1921-1922, с. 162-163; L. Bieńkowski, Organizacja Kościoła wschodniego..., с. 843-844; W. A. Serczyk, Na dalekiej Ukrainie. Dzieje Kozaczyzny 1648-1651, Kraków 1986, с. 188-189; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, с. 80-82.
- 57 Макарий, История Русской Церкви, т. 11, с. 333; A. В. Карташев, Очерк истории Русской Церкви, т. 2, Paris 1959, с. 274-275; A. Mironowicz, Бракта церкiewне в Rzeczypospolitej, Białystok 2003, с. 35.
- 58 Ср. A. Mironowicz, Prawosławia i unia za panowania Jana Kazimierza, Białystok 1997; Teodozy Wasiliewicz, archimandryta słucki, biskup białoruski, Białystok 1997; Metropolita Józef Nielubowicz Tukalski, Białystok 1998; Sylwester Kossow, władca białoruski, metropolita kijowski, Białystok 1999; тот же, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, с. 97-233; тот же, Kościół prawosławny w Polsce, Białystok 2006.
- 59 I. Szaraniewicz, Patriarchat wschodni wobec Kościoła ruskiego w Rzeczypospolitej Polskiej, „Rozprawy i Sprawozdania s posiedzeń Wydziału Historyczno-Filozoficznego Akademii Umiejętności”, т. X, Kraków 1879, с. 28; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, с. 195-196.
- 60 M. Andrusiak, Львівске, Галицке и Каменец-Подольске православие (1534-1700) та и униатске (1700-1808) епископство у Львови, „Логос”, Yorkton 1959, т. X, с. 45-49; тот же, Józef Szumliński, pierwszy biskup unicki lwowski (1667-1708). Zarys biograficzny, Lwów 1934, с. 20-30; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, с. 204-205; тот же, Metropolita Józef Nielubowicz Tukalski, с. 97-98.

- 61 Volumina Legum, t. 5, Петербург 1859, s. 180; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, s. 212.
- 62 M. Bendza, Tendencje unijne względem Cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674-1686, Warszawa 1987, s. 190; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, s. 227.
- 63 Ф. И. Титов, Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII-XVIII вв., т. I, ч. 1, Киев 1905, s. 92-102; Д. Дорошенко, Нарис истории Украины, Львів 1991, s. 105; L. Bieńkowski, Organizacja Kościoła wschodniego..., s. 852-856.
- 64 A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, s. 228-229.
- 65 Volumina Legum, т. VI, Петербург 1860, s. 77.
- 66 A. Deruga, Piotr Wielki a unia kościelna 1700-1711, Wilno 1936, s. 5-8; A. Mironowicz, Polityka Piotra I wobec Kościoła prawosławnego w Rosji i w Rzeczypospolitej, [w:] Cywilizacja Rosji Imperialnej, редакция Р. Kruszewski, Poznań 2001, s. 277-294.
- 67 W. Tomkiewicz, Cerkiew dyzunicka..., s. 196-220; Ф. И. Титов, Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII-XVIII вв., т. III, ч. 1, Киев 1916, s. 82-99; E. Likowski, Dzieje Kościoła unickiego, т. I, Warszawa 1906, s. 35-37; S. Ptaszycki, Stosunek dawnych władz polskich do cerkwi ruskiej, [w:] Księga pamiątkowa ku czci W. Abrahama, Warszawa 1930, s. 430.
- 68 A. Mironowicz, Diecezja białoruska w latach 1697-1772, „Białoruskie Zeszyty Historyczne”, № 19, Białystok 2003, s. 77-96.
- 69 Подробнее ср., A. Mironowicz, Polityka Piotra I wobec Kościoła prawosławnego w Rosji i w Rzeczypospolitej, [w:] Cywilizacja Rosji Imperialnej, редакция Р. Kruszewski, Poznań 2001, s. 277-294; тот же, Sylwester Czetwertyński, biskup białoruski, Białystok 2004, s. 120-126.
- 70 A. Mironowicz, Życie monastyczne w dawnej Rzeczypospolitej, [w:] Życie monastyczne w Rzeczypospolitej, редакция А. Mironowicz, U. Pawluczuk, P. Chomik, Białystok 2001, s. 27-53; тот же, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, 234-249.
- 71 A. Mironowicz, Diecezja Białoruska w XVII i XVIII wieku, Białystok 2008.
- 72 A. Mironowicz, Cerkiew prawosławna na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1772-1795, [w:] Ziemie Północne Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772-1815, редакция М. Biskup, Warszawa-Toruń 1996, s. 81-85.
- 73 E. Sakowicz, Kościół prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego 1788-1792, Warszawa 1935; A. Deruga, Walka z rusyfikacją Kościoła prawosławnego w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego (1788-1792), „Ateneum Wileńskie”, т. XI, 1936, s. 2-32; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, s. 250-263.
- 74 A. Mironowicz, Ihumen Sawa Palmowski, Białystok 2001, s. 63-87.
- 75 K. Sakowicz, Kościuszkowski a Kościół prawosławny, Warszawa 1936, s. 4-8; А. М. Филатова, Паустанне 1794 г. на Беларусі і Літве, в: Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі, редакция В. Ф. Кушнер, Минск 1992, s. 86.
- 76 С. Г. Рункевич, Краткий исторический очерк 100-летия минской епархии, Минск 1893, s. 25.
- 77 С. И. Жылюк, Російска Церква на Воляні (1793-1917), Житомир 1996, s. 13-14.
- 78 J. Wąsicki, Ziemie polskie pod zaborem pruskim. Prusy Nowowschodnie. 1795-1806, Poznań 1963, s. 231, 232.
- 79 Там же, s. 232-234; A. Mironowicz, Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, Białystok 2005, s. 33-34.

Александр Гаврилин (Латвия)

Православные приходы на территории Курляндской губернии

Традиции православия на территории нынешних прибалтийских стран восходят к периоду раннего средневековья. Православная вера никогда не была преобладающей в религиозных воззрениях местных народов, исповедовали ее в большинстве своем приезжие древнерусские/русские люди – купцы, ремесленники, военные и др. Тем не менее, православная Церковь в регионе имела очень большое значение не столько в идеологическом, сколько в политическом плане – в борьбе за гегемонию в Восточной Прибалтике между православной Русью/Русским государством/Россией и католическим, а затем и лютеранским миром. Эта особенность положения православия в регионе определила и трудности изучения истории Православной Церкви: значительная часть исследований по данной тематике отличается крайней тенденциозностью и противоречивостью. Во многих работах история православной или католической/лютеранской конфессии использовалась как аргумент в обосновании политических прав стран, их исповедующих, на гегемонию в регионе.

Научное изучение истории православия и Православной Церкви как части истории

Прибалтики начинается лишь в XIX веке. Стимулом к усилению интереса к проблеме существования православия в регионе послужило массовое движение латышских и эстонских крестьян Лифляндской губернии в православие в 1840-х гг.¹ Споры о значимости православной веры в регионе переходят в это время на историографический уровень. В трудах прибалтийско-немецких историков, как правило, отвергались положительные стороны распространения православия среди местного населения, и этот процесс увязывался лишь с ливонской политикой Русского/Российского государства. Русские авторы, наоборот, откровенно идеализировали значение православия в Прибалтике².

Широкие возможности для всестороннего изучения истории региона и, в частности, истории православия появились со 2-й половины XIX века в связи с публикациями исторических источников (нарративных, актов, агиографических и др.). Правда, публикации свидетельств о событиях предшествующих веков не всегда сопровождались объективными выводами. Многие работы этого периода ссылались на требующие самой тщательной проверки

легендарные рассказы. Тем не менее, увеличение источниковой базы, совершенствование методики изучения источников способствовали появлению сравнительно-исторических исследований, опирающихся на анализ самых разнообразных исторических источников.

С 20-30-х гг. XX века и, особенно, после Второй мировой войны комплекс источников по истории религии и Церкви в Прибалтике начал пополняться данными археологии и результатами историко-архитектурных работ. Благодаря раскопкам латышских и эстонских археологов были получены свидетельства о первых православных церквях в Риге, Кокнесе, Тарту³.

В советское время объективному изучению истории религии и Церкви мешала господствующая в Советском Союзе идеология воинствующего атеизма.

К настоящему времени издано достаточное количество работ, посвященных проблемам истории православия и Православной Церкви в прибалтийском регионе⁴, а также трудов по социально-политическим, внешне-политическим, экономическим и другим проблемам истории региона с периода средневековья до настоящего времени, в которых положение и влияние в обществе Православной Церкви рассматривается в контексте актуальных исторических событий в регионе⁵. Кроме того, о православии в Прибалтике рассказывается в научно-популярных трудах, в учебной и религиозно-просветительской литературе. В таких работах чаще всего встречаются отсылки на легендарные сказания без должного научно-аналитического подхода к содержащимся в них сведениям⁶. Правда, и в современных трудах выводы по проблемам истории православия и Православной Церкви в Латвии, Эстонии и Литве нередко делаются без должного критического подхода, повторяя традиционные оценки конца XIX- начала XX в.⁷

Церковь как «царство не от мира сего» может существовать независимо от исторических условий, независимо, а иногда и вопреки политическим режимам государств, на территории которых она проповедует. Ее единство определяется, прежде всего, тем, что главой Церкви является Господь Иисус Христос. Исходя из этого, организационное устройство Церкви не влияет на проповедь слова Божьего. Поэтому все организационные изменения церковной иерархии и административно-территориальные изменения церковных округов более необходимы государству, на территории которого проповедует Церковь, или же самой церковной иерархии, нежели Церкви. Однако при всех этих изменениях не меняется основная опора Церкви – церковная община, приход, паства.

Курляндия (по-немецки Kurland, по-латышски Kurzeme) – западная часть современной Латвии, на территории которой в 1234-1559 годах существовало одно из государств Ливонии – Курляндское епископство, созданное в результате насильственной христианизации местных народностей – куршей и ливов. Вплоть до Реформации в Ливонии существовало лишь одно религиозное вероисповедание – католичество. В 1554 году Вселивонский ландтаг в Валмиере провозгласил свободу вероисповедания.

В результате ликвидации в 1561 году ливонских государств на территории Западной Латвии в 1562 году было образовано Курляндское герцогство, находившееся в вассальной зависимости сначала от Литвы, затем – от Речи Посполитой (просуществовало до третьего раздела Польши, т.е. до 1795 гг.). В герцогстве господствовало лютеранство (католичество в герцогстве до начала 17 века было запрещено).

Первый православный храм в Курляндском герцогстве был построен в 1660 году на берегу Даугавы (Западной Двины) на

месте современного города Якобштадт (Екабпилс) в так наз. «Гольмгофской русской слободе», в которой проживали русские плотогоны, лоцманы и грузчики. Эта деревянная церковь была освящена во имя св. великомученика Георгия. В ней вплоть до Первой мировой войны находилась чудотворная икона Божией Матери, по преданию случайно найденная во время Русско-польской войны 1654-1667 гг.⁸

Выдающийся государственный и политический деятель своего времени герцог Якоб Кетлер (правил в 1642-1682 гг.) стремился укрепить герцогство, привлекая в свои владения купцов и квалифицированных ремесленников из соседних стран, в том числе и из России. В связи с этим в Гольмгофской слободе, которая после получения в 1670 году Магдебургского права была преобразована в г. Якобштадт, на месте старой церкви Св. Георгия воздвигли новую православную церковь Св. Духа. Согласно преданию, церковь помог построить купец Раткевич, который был на Литургии в Св. Георгиевском храме и увидел, как во время заклиательной молитвы, которую священник прочитал над бесноватым, из последнего вышел нечистый дух в виде белого пара и через дверь с шумом покинул церковь⁹. Св. Духовский храм (монастырь) трижды (в 1703, 1769 и 1885 гг.) горел, несколько раз закрывался из-за аварийного технического состояния, но каждый раз или отстраивался заново или же капитально ремонтировался.

По другому преданию, солдат Якоб Гудынский, католик, заметил дощечку, плывущую по Западной Двине, поддел ее пикой и через какое-то время увидел кровь, текущую из дощечки по его руке. Дощечка оказалась иконой Божией Матери. Это так поразило Гудынского, что он передал икону в Якобштадтскую Св. Духовскую церковь, принял православие и остался в монастыре. Во время опустошительного пожара

в Якобштадте в 1878 году по обнесении с молебным пением иконы Якобштадтской Божией Матери вокруг Св. Духовской и Св. Николаевской церковей ветер внезапно изменился и церкви не были затронуты пожаром. Св. Духовская церковь не пострадала и во время пожара 1881 года. Якобштадтская икона Божией Матери почиталась всеми православными Рижской епархии (пропала во время Первой мировой войны).

В 1705 году в Якобштадтском Св. Духовском храме генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев отслужил молебен по случаю победы 16 июля 1705 года над шведами в сражении при Гемауэртгофе (Мурмуижи). При этом Шереметев подарил храму складень «Знамение Божией Матери» и купленный им фольварк Пелит (80 гектаров).

В 1774 году рядом с Св. Духовской церковью была построена каменная Св. Николаевская церковь. Во время Отечественной войны 1812 года Якобштадтский Св. Духовский монастырь был razорен наполеоновскими войсками, в результате чего решением Св. Синода от 30 апреля 1817 г. был закрыт, а Св. Духовская церковь была обращена в приходскую. Однако и после этого решения еще на протяжении 50 лет в Якобштадтский монастырь назначались игумены. Решением Рижской Духовной консистории от 23 февраля 1853 года Св. Духовская церковь из-за ветхости была закрыта, а ее приход был объединен с приходом Якобштадтской Покровской церкви (построена в 1783 году) и стал называться Свято-Духово-Покровским, а монастырь – Свято-Духово-Покровским (или просто Покровским). Так как Покровская церковь считалась приписным храмом Илукстского Рождество-Богородицкого монастыря, Якобштадтский монастырь был приписан к Илукстскому монастырю. В Якобштадтском монастыре в XIX в. всегда было не более пяти насельников. Так, в 1852 году в нем было два инок. Монастырь считался

заштатным, и только с 1854 года Св. Синод стал отпускать средства на его содержание (290 руб. в год).

Окончательно Якобштадтский монастырь был закрыт в 1866 году, однако еще в 20-30-х годах XX в. формально считалось, что к Илукстскому Рождество-Богородицкому монастырю (с 1880 года – женскому) приписан Якобштадтский Покровский монастырь. 1 ноября 1884 года был освящен новый, также деревянный, Св. Духовский храм, однако 16 января 1885 года он сгорел. Каменный Св. Духовский храм был освящен 19 июня 1888 года (построен в 1885-1888 гг., архитектор А.П. Кизельбаш, колокольня – архитектор Р.Ю. Пфлуг). Св. Духовская и Св. Николаевская церкви тяжело пострадали во время Первой мировой войны, однако после войны были восстановлены¹⁰.

Второй монастырь в Курлянской губернии находился в Илуксте. В 1692 году в Илуксте был открыт Базилианский (униатский) монастырь, в котором в 1806 году был построен храм во имя Рождества Богородицы. В 1839 году Рождества Богородицкий монастырь был обращен в православный трехклассный мужской монастырь Полоцкой епархии, с 1840 года – Рижского викариатства Псковской епархии, с 1850 года – Рижской епархии. Первым настоятелем православного монастыря был архимандрит Иосиф, по просьбе которого монастырю выделили 244 десятины земли.

Находясь в иноверческом окружении, Илукстский монастырь всегда испытывал материальные трудности. Количество насельников в монастыре в первой половине XIX века никогда не превышало 10 человек. Так, в 1852 году в монастыре было 7 монашествующих и два послушника. С 1851 года, когда обитель стала ежегодно получать пособие Св. Синода в размере 1540 руб., материальное положение монастыря несколько улучшилось. В 60-70-х годах XIX

века в монастыре было не более 4 монашествующих, к 80-м годам – 2 инока.

В 1880 году Илукстский монастырь был преобразован в женский с учреждением при нем трехклассного 6-тилетнего женского училища. Первой настоятельницей Рождества Богородицы женского монастыря и начальницей примонастырского училища стала игуменья Агния, бывшая начальница Псковского Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия. 20 девочек-сирот принимались в училище на бесплатное обучение, остальных обучали за плату, причем прием в училище ограничивался лишь вместительностью помещений. Занятия в училище начались 2 октября 1881 года, в первый год было 12 учащихся, в 1887/88 учебном году – 63 воспитанницы. Указом от 8 июля 1889 года Илукстскому училищу было разрешено давать своим выпускницам права учительниц начальных городских училищ. В 1889 году при монастыре было построено двухэтажное здание училища. В 1895 году монастырский храм во имя Рождества Богородицы был капитально отремонтирован (сооружен новый купол), к нему пристроили каменную колокольню. В 1900/01 учебном году в Илукстском училище было 102 воспитанницы. В 1900 году был открыт 7-ой (необязательный) педагогический класс.

После кончины 27 октября 1905 года игуменья Агнии в ноябре 1905 года игуменья Илукстского монастыря была назначена казначея Рижского Троице-Сергиева монастыря Евгения (Постовская). В 1909 году Илукстское училище было преобразовано в 7-классное с правами гимназии. В 1912 году для училища было построено еще одно двухэтажное каменное здание с домовою церковью во имя Покрова Пресвятой Богородицы (ее до Первой мировой войны не успели освятить).

27 сентября 1915 года Рождества Богородицы монастырь и его училище были эвакуированы в Иверский женский монастырь

(село Выкса Нижегородской губернии). В Латвию игуменя Евгения и часть монахинь Илукстского монастыря вернулись в августе 1918 года. После возвращения игуменя Евгения возглавила Рижский Троице-Сергиев, Илукстский монастыри и Спасо-Преображенскую пустынь (под Елгавой). Во время Первой мировой войны в результате бомбардировки Рождества Богородицы монастырь был разрушен. Из 12 зданий монастыря уцелел только первый этаж одного здания. Монастырский храм во имя Рождества Богородицы решением Латвийского правительства в 1921 году был передан католической общине, ей же отдали большую часть монастырской земли, в результате чего у монастыря осталось лишь около 60 гектаров земли. Единственное уцелевшее здание монастыря было капитально отремонтировано, и в нем разместились насельницы. В этом же здании была оборудована монастырская церковь, освященная 22 июня 1927 года во имя Рождества Богородицы. В 1947 году настоятельницей Рижского Троице-Сергиева, Илукстского монастырей и Спасо-Преображенской пустыни была назначена игуменя Тавифа (Дмитрук). В 1953 году органы Советской власти закрыли Илукстский Рождества Богородицы женский монастырь и его насельницы переселились в Спасо-Преображенскую пустынь¹¹.

Первая православная церковь в столице Курляндского герцогства Митаве (Елгаве) была оборудована в 1710-1711 годах в герцогском дворце. Причиной ее создания было бракосочетание герцога Фридриха Вильгельма и племянницы российского царя Петра I Анны Иоанновны. По настоянию Петра I в брачный договор был внесен пункт о том, что Анна Иоанновна должна иметь возможность «купно со своими домовыми служителями свою Божественную службу Греческой веры свободно и без помешательства отправлять могла в замке в Митаве, и для того была бы одна церковь

по Греческому украшению устроена»¹². Домовой храм в герцогском дворце был освящен во имя Преображения Господня. Он просуществовал до 1797 года, когда для будущего короля Франции Людовика XVIII, бежавшего от революции в Митаву, Преображенский храм был переоборудован в католическую капеллу¹³.

В 1726 году в деревянном домике рядом с герцогским дворцом была освящена православная церковь во имя Свв. Симеона и Анны (святые покровители Анны Иоанновны). Этот храм просуществовал до 1750 года, когда на его месте был построен новый, также деревянный (из бруса) Св. Симеона-Аннинский храм. Но после восшествия Анны Иоанновны на российский престол (1730 г.) число православных в Митаве стало сокращаться. С 1750 по 1778 год численность прихожан сократилась с 275 до 171 человека. Большую часть православной общины Митавы составляли военные из частей российской армии, которые находились в столице герцогства на протяжении всего XVIII века.

В 1774-1780 годах по проекту архитектора Бартоломео Франческо Растрелли в Митаве возвели новый каменный православный храм во имя Свв. Симеона и Анны (руководил строительством архитектор О. Ф. Лауе). Этот маленький изящный храм интересен тем, что по сравнению со всеми другими известными проектами великого итальянского зодчего, в этой постройке уже чувствовалось влияние классицизма¹⁴.

В 1795 году в результате третьего раздела Польши территория бывшего Курляндского герцогства вошла в состав Российской империи в качестве Курляндской губернии (образована 28 ноября 1796 г.). В 1817 году в состав губернии вошел Пиленский округ, в 1819 году – Полангенский (Палангский) округ.

В 1819 году Курляндская губерния была разделена на 10 уездов: Добленский (Добельский), Бауский, Туккумский

Карта Курляндской губернии. 1821 г.

(Тукумский), Тальсенский (Талсенский), Виндавский (Вентспилский), Газенпотский (Айзпутский), Гробинский, Гольдингенский (Кулдигский), Фридрихштадтский (Яунелгавский) и Иллукстский (Илукстский) уезд. В 1867 году в губернии проживали 555 003 жителя, в 1895 году – 736 885 человек, в 1897 году 674 034 человека. В 1894 году в губернии было населенных мест 24 793, из них 11 городов, 15 местечек, 9 деревень, остальные – хутора.

В конце XIX века в Бауском уезде проживало 56 804 человека (в Бауске 6 532

человека), в Виндавском уезде 46 474 человека (в Виндаве 6 134 человека), в Газенпотском уезде 53 643 человека (в Газенпоте 3 824 человека), в Гольдингенском уезде 56 474 человека (в Гольдингене 8 671 человек), в Гробинском уезде 45 995 человек (в Гробини 1 722 человека), в Иллукстском уезде 71 523 человека (в Иллуксте 2 864), в Митавском (Добленском) уезде 100 847 человек (в Митаве 30 100 человек), в Тальсенском уезде 61 511 человек (в Тальсене 4 319 человек), в Туккумском уезде 50 946 человек (в Туккуме 7 542 человека), в Фридрихштадтском уезде

53 724 человека (в Фридрихштадте 5 223 человека). В 1894 году в губернии проживали 583 480 лютеран, 68 722 католика, 55 470 иудеев, 16 875 православных, 6 834 старовера, 4 592 баптиста, 582 реформатора и др.¹⁵

13 июня 1836 года было образовано православное Рижское викариатство Псковской епархии. К 1841 году в викариатстве было всего 24 храма: в Риге кафедральный Петропавловский собор, Св. Алексеевская, Св. Александро-Невская, Св. Покровская кладбищенская, Благовещенская, Всесвятская, Св. Троице-Задвинская, Замково-Успенская, Михайло-Архангельская единоверческая; в г. Лемзале (Лимбажи) – Св. Александро-Невская; в г. Пернове (Пярну) – Св. Екатерининская; в г. Верро (Выру) – Св. Екатерининская; на мызе Раппино (Ряпина) Верровского уезда – Свв. Захария и Елизаветы; в г. Аренсбурге (Куресаари) – Св. Николаевская; в г. Дерпте (Тарту) – Св. Успенская; в селе Черное (Мустевеэ) Дерптского уезда – Скорбященская; в погосте Нос Дерптского уезда – Св. Покровская церковь. Четыре церкви находились в Курляндской губернии: в г. Либаве (Лиепая) – Св. Николаевская, в г. Митаве – Свв. Симеона и Анны; в Якобштадте (Екабпилсе) – Святодуховская; на мызе Альт-Гринвальд (Вецгринвалде) Иллукстского уезда – Св. Николаевская церковь. Остальные три церкви викариатства были полковыми.

В 30-х годах XIX века на огромном пространстве от губернского города Митавы до крайней точки губернии – местечка Поланген (Паланга) проживали всего около тысячи православных, большинство из которых служили в пограничной страже. Для них раз в год из Ковно (Каунаса) приезжал священник. В результате, месяцами новорожденные оставались некрещенными, некому было отпеть умерших, обвенчать брачующихся и т.д. Неоднократно малочисленное православное население курляндского побережья Балтийского

моря обращалось в Св. Синод с просьбой решить вопрос их духовного окормления. Наконец, 22 мая 1834 года был принят указ Св. Синода об учреждении в г. Либаве (Лиепая) за счет Министерства финансов православной «подвижной» (передвижной) церкви и назначении к ней причта в составе одного священника и 2 причетников. Эта церковь была оборудована в деревянном жилом доме, принадлежащем городу. Она была освящена в сентябре 1834 года священником Виктором Зимницким во имя Св. Чудотворца Николая.

В 30-40-х XIX века в самой Либаве проживали 260 православных (из них 140 – военные), а в приходе Св. Николаевской церкви (уезды Гробинский, Гольдингенский, Виндавский и Газенпотский) насчитывалось 969 православных. Причт Св. Николаевской церкви взял на себя окормление пограничников, дислоцированных на курляндском берегу Балтийского моря. Знаменательным событием для Либавы было первое посещение города православным епископом (в 1845 году Св. Николаевский храм посетил викарный епископ Рижский Филарет [Гумилевский]).

В 1845 году в помещении Виндавского (Вентспилсского) замка, в котором ранее была ев.-лютеранская церковь, была оборудована Всехсвятская церковь. Указом Рижского Духовного правления от 12 февраля 1846 года ее окормление была отдана территория Виндавского, Гольдингенского и Газенпотского уездов. В свою очередь, в 1859 году к приходу Либавской Св. Николаевской церкви была приписана вся Курляндская бригада пограничной стражи, расположенная на балтийском побережье от Полангена до Туккумса, поэтому причт церкви составляли уже два священника и два псаломщика.

8 августа 1866 года в Либаве состоялась закладка Св. Троицкого храма, который должен был заменить Св. Николаевскую

церковь. Св. Троицкая церковь была освящена 6 августа 1868 года (расширена в 1894-1895 гг.)¹⁶. Город стремительно рос, поэтому уже в 70-х годах XIX века у Св. Троицкой церкви было 780 прихожан, из них 219 человек – пограничники Рижской бригады пограничной стражи с членами своих семейств, многие из которых проживали на расстоянии 140 км от Св. Троицкой церкви¹⁷.

В 1845-1848 годах в православие перешло 110 222 латышских и эстонских крестьянина Лифляндской губернии, в результате чего было открыто 67 новых православных приходов. Переход в православие затронул лишь Лифляндскую губернию, однако отдельные попытки сменить вероисповедание наблюдались и в Курляндской губернии. Так, яacobштадтский священник о. Александр Мутовозов в 1845 – начале 1846 года миропомазал в православие 381 курляндского крестьянина.

В 1848 году викарный епископ Рижский Филарет (Гумилевский), узнав о желании крестьян восьми курляндских имений перейти в православие, обратился к начальнику Прибалтийского края, рижскому генерал-губернатору А.А. Суворову за разрешением на посылку в Тальсен (Тальси) походной православной церкви, однако Суворов, боясь недовольства курляндского прибалтийско-немецкого дворянства, лютеранского по своему вероисповеданию, не позволил епископу это сделать¹⁸.

25 февраля 1850 года Николай I утвердил доклад Св. Синода о преобразовании Рижского викариатства в самостоятельную епархию (открыта 1 июля 1850 года). В юрисдикцию Рижской епархии входили территории Курляндской и Лифляндской губерний, а с 1865 года и Эстляндская губерния с Ревельским (Таллинским) викариатством. В 1850 году на территории епархии было 146 183 православных верующих, 109 церквей, 117 приходов и два монастыря – Илукстский мужской и заштатный

Яacobштадтский. С целью расширения и качественного улучшения подготовки священно- и церковнослужителей Рижское Духовное училище было преобразовано в Духовную семинарию с усиленным преподаванием латышского и эстонского языков. Для учащихся семинарии было выделено 120 казенных стипендий, что предоставило детям неимущих слоев населения прибалтийских губерний возможность бесплатно получения среднего образования¹⁹.

Прибалтийские губернии Российской империи традиционно были ареной столкновений политических интересов – великодержавных и региональных, а также национальных чувств – немцев, латышей, эстонцев, русских. И любые изменения в соотношении этих сил так или иначе сказывались на положении Православной Церкви в этом регионе. В период правления Николая I была предпринята пока еще очень робкая, но попытка укрепить престиж православия в прибалтийских губерниях (выделение государственных субсидий на строительство православных храмов, открытие самостоятельной Рижской епархии, повышение жалованья духовенству и др.), в свою очередь, правительство Александра II было более заинтересовано в поддержке реформ со стороны прибалтийско-немецкого дворянства, поэтому не стимулировало укрепление позиций Православной Церкви в прибалтийских губерниях.

В начале 50-х годов XIX века в Рижской епархии было 11 благочинных округов: Митавский (Елгавский), Венденский (Цесисский), Волмарский (Валмиерский), Рижский уездный, Рижский градский, Зельбургский (с центром в Илуксте), Дерптский (Тартуский), Феллинский (Вильяндский), Перновский (Пярнуский), Верровский (Вырусский) и Эзельский (Сааремааский) округ.

Из пяти церквей Митавского благочинного округа четыре располагались во

временных помещениях – Виндавская в замке; Либавская, Гольдингенская и Тальсенская (несмотря на то, что приход назывался Тальсенским, центр его был в Тукумсе) – в арендуемых домах. Тукумский приход был открыт в 1852 году указом Св. Синода от 22 мая 1850 года. Св. Николаевский храм в Тукумсе был построен лишь в 1871 году²⁰. Собственно в Тальсене (Талси) молитвенно-школьный дом был освящен в 1867 году (самостоятельный приход был открыт лишь в феврале 1886 года, Св. Троицкая церковь построена в 1889 году).

В 1850 году был открыт православный приход в Гольдингене (Кулдиге). До 1871 года церковь в Гольдингене находилась в наемных помещениях, 5 декабря 1871 года был освящен новый кирпичный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В 1856 году был открыт Бауский приход (до 1866 года – приписной к Митавскому собору, затем – самостоятельный; Св. Георгиевский храм в Бауске был построен в 1878-1881 гг.). В 1857 году был открыт Фридрихштадский (Яунелгавский) приход, в 1873 году – Газенпотский (Айзпутский) приход.

В другой курляндский благочинный округ – Зельбургский (Селпилсский), который охватывал территорию Илукстского уезда, в начале 50-х годов входило девять приходов с постоянными церквями, однако четыре из них (Скрудалиенская, Хрщевская, Фабиановская и Салиенская) нуждались в срочном капитальном ремонте. Салиенская Крестовоздвиженская церковь в 1859 году была «из-за ветхости» разобрана, так как в любой момент могла обвалиться. По этой же причине в 1869 году было разобрано ветхое здание Скрудалиенской Покровской церкви. Капитальный ремонт Фабиановской Св. Георгиевской церкви, в результате которого удалось сохранить старый деревянный храм, был проведен в 1853-1858 годах, однако спустя двадцать лет (в 1875 году) и это здание пришлось разобрать.

В конце 50-х годов XIX века был сделан капитальный ремонт и в деревянной Хрщевской Покровской церкви. Аналогичная ситуация была во всех приходах Рижской епархии²¹.

Бедность и даже убогость первых православных храмов в Прибалтийском крае была вызвана материальными трудностями, которые испытывала Православная Церковь на территории Латвии и Эстонии в первой половине XIX века, истинные правители которой – прибалтийско-немецкие землевладельцы – в подавляющем большинстве своем по вероисповеданию были лютеранами, поэтому нужды православных приходов их совершенно не волновали. Кроме того, они считали, что через укрепление православия в регионе усилится центральная власть империи, край утратит свою самобытность и более тесно будет связан с Россией. По словам рижского генерал-губернатора в 1866-1870 гг. П.П. Альбединского, прибалтийско-немецкое дворянство старается «сохранить во что бы то ни стало свои выгодные условия существования, невзирая на то, что при этом иногда страдает охранительный принцип в главном своем значении... Всякий новый порядок, затрагивающий сколько-нибудь немецкое преобладание и имеющий в виду всех жителей края, встречает на всех пунктах дружное противодействие, облаченное в такие искусные и благовидные формы, что его нельзя иначе назвать, как верноподданническим»²². Поэтому крупные землевладельцы не только не поощряли распространение православия в Прибалтике, но, наоборот, всеми силами препятствовали развитию этого процесса, в том числе строительству новых и благоустройству старых православных храмов.

Между тем, скромность интерьера первых храмов Рижской епархии, не являясь самоцелью их причтов, больше отвечала самой природе местного крестьянина,

более привыкшего к скудности убранства ев.-лютеранских церквей, чем к восточному великолепию классического православного храма. В результате, скромные деревянные приходские храмы как бы «приучали» местное население к православию, их скудный интерьер крестьянам психологически был более понятен и доступен. Кроме того, постоянные заботы, связанные с поддержанием первых церковных зданий в относительном порядке, с благоустройством их, сплывали причт и паству, однако психологическое состояние самих участников этого процесса, живших в обстановке холодного равнодушия к нуждам православных храмов со стороны губернской администрации и насмешек со стороны своих иноверных соседей, было крайне тягостным.

К концу 60-х годов XIX века в Рижской епархии было 142 прихода, общее количество православных – 178 185 человек. По-прежнему больше всего приходов (121 приход) и большее количество прихожан (165 113 человек) находилось на территории Лифляндской губернии. 14 православных приходов было в Курляндской губернии (8 952 прихожанина), 7 приходов – в Эстляндской губернии²³.

В мае 1869 года епископ Рижский и Митавский в 1867-1874 годах Вениамин (Карелин) обратился к рижскому генерал-губернатору П. П. Альбединскому с просьбой разрешить командировать в Митаву инспектора Рижской Духовной семинарии о. Михаила Дрекслера, который до конца мая присоединил к православию 125 курляндских крестьян, приехавших в течение 1869 года под разными предлогами в Ригу. Эти присоединения происходили в Рижской Благовещенской церкви, в которой уже с 1866 года совершалось богослужение на латышском языке. 24 мая 1869 года часть новоприсоединенных курляндских крестьян подали епископу Вениамину прошение командировать о. Михаила Дрекслера в Митаву. На встрече

с архиереем генерал-губернатор заявил, что присоединение к православию курляндских крестьян не отвечает воле Александра II, который будет этим крайне недоволен. По мнению Альбединского, присоединение к православию в Курляндской губернии «не согласуется с видами правительства», так как, по имеющимся у него от администрации Курляндской губернии сведениям, часть крестьян, перешедших в православие, потребовал на этом основании отвести им казенные земельные наделы, доказав тем самым «неискренность своего присоединения». Альбединский заявил, что главное – укреплять центры православия, т.е. те места, в которых «оно успело пустить корни и утвердиться», в свою очередь, дальнейшее распространение православия может лишь усложнить обязанности духовенства, раздробить материальные средства Церкви и «породит новые затруднения для правительства».

Таким образом, в очередной раз дело о переходе нескольких десятков прибалтийских крестьян в православие было представлено местной администрацией как «дело политическое», которое имеет цель «возбудить крестьян против помещиков». В результате шума, поднятого администрацией Прибалтийского края вокруг перехода курляндских крестьян в православие, 31 октября 1869 года Александр II утвердил правило, по которому впредь все желающие перейти в православие на территории Рижской епархии должны были давать предварительную подписку в том, что «не ожидают от присоединения никаких материальных видов перед лютеранами»²⁴.

Несмотря на тяжелейшие условия служения, на равнодушие правительства и местной администрации, на негативное, а иногда даже откровенно враждебное отношение к православию со стороны прибалтийско-немецких землевладельцев, Православной Церкви в 60-70-х годах XIX

века удалось сохранить в прибалтийских губерниях свою паству. И заслуга в этом принадлежала не столько официальному запрету в Российской империи на переход из православия в другие конфессии, неукоснительное следование которому в прибалтийских губерниях в этот период не требовалось, сколько терпению и упорству руководства Рижской епархии, работе приходского духовенства по укреплению в вере своей паствы, активности православных братств, преданности православию самих православных латышей и эстонцев.

В 1870 году в Митавское благочиние по-прежнему входили приходы следующих храмов: 1. Митавского Симеоно-Аннинского; 2. Либавского Св. Троицкого; 3. Виндавского (Вентспилсского) Всехсвятского (в Виндавском замке); 4. Гольдингенского (Кулдигского) Покровского; 5. Тукумского Св. Николаевского; 6. Бауского Св. Георгиевского храма²⁵.

Основные положения церковной политики правительства Александра III в прибалтийских губерниях были сформулированы обер-прокурором Св. Синода в 1880-1905 годах К.П. Победоносцевым. Он считал, что правительство должно укрепить положение Православной Церкви в Прибалтике и тем самым «освободить религиозную совесть в крае от угнетений лютеранской исключительности». Победоносцев назвал прибалтийско-немецкое дворянство «историческим врагом» русского правительства; меры, принимаемые правительством в этом регионе, лишь покончат со «стеснением в крае всяких попыток к единению с общим отечеством его – Русским Государством, в особенности с Православной Церковью». В прибалтийских губерниях правительство ведет оборонительную борьбу, так как «знаменем лютеранства в Остзейском крае прикрываются грубые земные побуждения и война во имя мирской корысти и земной власти,

а не во имя «Царства не от мира сего». Лютеранская школа и Ев.-лютеранская Церковь старались оторвать латышей и эстонцев от России и «привлечь к Германии», православие же местные «дворяне и пасторы отождествляют с русской национальностью. Действуя против правительства, они укрепили свою власть, и искали в этом гарантии против реформ крестьянского быта, управления и суда». По словам Победоносцева, правительство «не может оставаться равнодушным, когда оно ясно видит, какие преступные стремления прикрываются именем религиозной совести в наших западных окраинах, т.е. в бывших польских областях и в Остзейском крае»²⁶. Под руководством К.П. Победоносцева правительство разрабатывает планы распространения православия административным путем, при этом даже не принимая во внимание отношение к этому рижских архиереев и приходского духовенства.

По мнению губернатора Курляндской губернии Д. С. Сипягина в 1888-1891 годах, в Прибалтийском крае необходимо утвердить «российские начала»: «Путь для такого слияния, по моему убеждению, лежит через Православную Церковь и школу. Наблюдение многих местных условий указывает на то, что Церковь могла бы здесь явиться действительным орудием претворения здешних инородческих элементов в состав русского государственного организма и, несомненно, что она, как и всегда в русской исторической жизни, проявлялась бы и в настоящем деле истинно-творческой силой. Поэтому расширение православной паствы должно бы быть одной из главных задач местной духовной власти. Такой же, как и Церковь, ассимилирующей силой была бы и русская школа, которой предлежало бы нести здесь службу не только просветительскую, но и отчасти государственную... Таким путем школа и Церковь, действуя солидарно и влияя неразрывно

друг на друга, явились бы мощными двигателями русских начал в здешнем крае». С этой точкой зрения Сипягина полностью согласился Александр III²⁷.

С 1883 года началось новое движение прибалтийских крестьян в православие. Это движение затронуло в основном Эстляндскую губернию и, в отличие от движения 40-х годов XIX века, искусственно стимулировалось местными органами государственной власти. На начало нового массового перехода в православие оказала влияние и senatorская ревизия Н. А. Манассеина, проверявшая методы административного управления, налоговую систему и положение крестьян прибалтийских губерний. В ходе ревизии ряд дел о незаконных действиях местной администрации и помещиков по отношению к крестьянам был решен в пользу последних, т.е. правительство встало на защиту крестьян.

6 мая 1883 года 124 эстонских крестьянина деревни Леаль Гапсальского (Хапсальского) уезда Эстляндской губернии направили прошение епископу Рижскому и Митавскому в 1882-1887 гг. Донату (Сokolову-Бабинскому) и губернатору Эстляндской губернии в 1875-1885 гг. В.П. Поливанову со словами: «возымели твердое намерение в день коронации нашего возлюбленного Монарха, Самодержца всея России Александра III принять православие». Представители православных латышей и эстонцев были приглашены на коронацию. В 1883 году только в Эстляндской губернии к православию было присоединено 2 469 человек. Узнав об этом из отчета Поливанова, Александр III заметил: «Это весьма важное и знаменательное движение, которое для меня весьма утешительно. Необходимо правительству поддержать вновь обратившихся и не давать их в обиду». В 1884 году в православие перешел 941 крестьянин прибалтийских губерний (в основном в Эстляндской губернии, а также латыши

в Тальсенском уезде Курляндской губернии); в 1885 году – 3 662 человека (из них 1 173 человека – в Курляндской губернии, а именно – в Талси и Пилтене, остальные – в Эстляндской губернии); в 1886 году – 5 745 человек (687 человек в Лифляндской губернии, 1 081 человек – в Курляндской губернии, остальные – в Эстляндской губернии). В целом, с 1883 по 1887 год включительно на территории Рижской епархии в православие перешли 15 652 человека, в результате чего было открыто 17 новых приходов²⁸.

В 1887 году в православие перешли 2 044 человека (в Лифляндии – 1 005, в Эстляндии – 734 и в Курляндии – 305 человек); в 1888 году – 1 096 человек (в Лифляндии – 598, в Эстляндии – 265, в Курляндии – 233 человек); в 1889 году – 1 047 человек (в Лифляндии – 583, в Эстляндии – 276, в Курляндии – 188 человек); в 1890 году – 1 140 человек (в Лифляндии – 619, в Эстляндии – 386, в Курляндии – 135 человек); в 1891 году – 1 167 человек; в 1892 году – 1 144 человека; в 1893 году – 1 128 человек; в 1894 году – 1 202 человека²⁹.

В 80-90-х годах XIX века благодаря поддержке правительства росло материальное благосостояние Православной Церкви, ее влияние в прибалтийских губерниях. Однако политика русификации, в русле которой правительство оказывало материальную помощь Православной Церкви, потерпела в прибалтийских губерниях сокрушительное поражение. Вместо планируемого сближения местных народов с «великой русской семьей» эта политика вызвала среди местного населения обратную реакцию. Если до начала реализации этой политики коренное население Прибалтики видело в центральном правительстве потенциального союзника в борьбе с прибалтийско-немецким привилегированным меньшинством, то в ходе ее эстонцы и латыши от лояльного отношения к правительству переходят к непримиримой позиции.

Русификаторская политика нанесла болезненный удар по эстонским и латышским православным приходам. «Богу Богово, кесарю – кесарево» было забыто правительством, но не православной паствой. Несмотря на то, что духовенство Рижской епархии в целом старалось не вмешиваться в политику правительства, среди местного населения распространялась мысль о политическом характере Православной Церкви, о православных латышах и эстонцах, как о «русских», и, как следствие этого, определенная индифферентность к православию и к религиозной Вере в целом. И не поощрительные меры правительства и Св. Синода, не щедрая материальная поддержка сохранили и укрепили православные приходы в прибалтийских губерниях, а мудрое руководство епархией опытными архиереями, незаметное, смиренное служение Господу и людям приходского духовенства, имевшего «веру нелицемерную» (2 Тим. 1,5).

В 80-90-х годах XIX века в Курляндской губернии были основаны следующие православные приходы: Домесненский (Колкасагский, открыт в 1885 году; церковь с 1885 по 11892 г. располагалась в бараке спасательной станции, 8 ноября 1892 года была освящена Христорождественская церковь); Сасмакенский (Валдемарпилсский, приход открыт в 1885 году, церковь во имя Св. Предтечи и Крестителя Иоанна была освящена 16 декабря 1890 года)³⁰; Тальсенский (самостоятельный приход открыт в 1886 году, Св. Троицкая церковь построена в 1889 году); Пилтенский (приход открыт в 1886 году, Воскресенская церковь построена в 1889 году); Фрауэнбургский (Салдусский) приход (Гольдингенский уезд, приход открыт в 1891 году, Богоявленская церковь освящена 15 ноября 1898 года); Кюльцемский (Кульциемский) приход (Тальсенский уезд, приход был открыт в 1891 году, Св. Арсениевская церковь построена в 1895 году); Угаленский приход (Виндавский

уезд, приход открыт в 1892 году, церковь во имя Св. Сергия Радонежского построена в 1894-1895 гг.)³¹. В результате увеличения числа приходов было принято решение разделить Митавское благочиние на два округа – Митавский благочинный округ и Либавский благочинный округ.

В составе Митавского благочиния были следующие приходы: Митавский Симеоно-Аннинский приход, Тукумский, Фридрихштадтский (Яунелгавский, Спасо-Преображенский храм был построен в 1896-1897 гг.), Сасмакенский, Кюльцемский, Тальсенский, Виндавский, Угаленский, Дундагский (приход открыт в 1900 году, церковь во имя Св. Константина и Елены была построена в 1911 году) и Домесненский приходы. В Либавский благочинный округ вошли приходы: Либавский Св. Троицкий, Либавский Св. Николаевский железнодорожный (был оборудован на II этаже здания железнодорожного вокзала, освящен 28 марта 1899 года), Либавский Св. Алексеевский (храм построен в 1905-1907 гг.), Либавский Александро-Невский (храм был освящен в 1891 году), Гольдингенский, Фрауэнбургский, Бауский, Газенпотский (Айзпутский, приход открыт в 1873 году, Св. Николаевская церковь был оборудована в 1881 году) и Полангенский приход.

Указом Св. Синода от 14 июня 1895 года был открыт Полангенский (Палангский) приход. Вот как описали это событие современники: «Местечко Поланген расположено на границе с Пруссией среди разнородного иноверческого населения, большей частью католиков, и до последнего времени не имело православной церкви и причта. Ближайшая православная церковь находится в 12 верстах от Полангена – в м. Крентингене Ковенской губернии, сообщение с которой весьма затруднительно вследствие неудобных путей сообщения, а ближайшая церковь Рижской епархии – Либавская отстоит в 75 верстах от Полангена. Поэтому

бедственно было положение православных жителей м. Полангена в религиозно-нравственном отношении, так как они лишены были участия в общественном богослужении. С открытием же в Полангене православного прихода помещением для церковных богослужений избран поместительный зал Полангенской прогимназии, который заботами начальства Рижского учебного округа и местного гимназического приспособляется для этой цели. Как велика была радость и благодарность православных полангенцев по случаю открытия у них прихода и дарования причта, видно из следующей телеграммы их, посланной Высокопреосвященному Арсению³² по выслушании первой Литургии: «Прихожане новооткрытого Полангенского прихода, отслушав сегодня Божественную Литургию, впервые здесь совершенную, и благодарно помолившись о благоденствии Вашего Высокопреосвященства, приносят Вам, любвеобильный и благопопечительный Владыка, беспредельную благодарность за заботы о назначении им отдельного духовного пастыря и смиренно просят Вашей Святительской молитвы и Архипастырского благословения». Владыка, разделяя радость православных верующих Полангена, ответил им телеграммой: «Душевно радуюсь; всем Божие благословение». В настоящее время православные полангенцы с нетерпением ожидают того дня, когда будет освящен их храм»³³.

Причт Св. Николаевской церкви неоднократно обращался в консисторию с просьбой помочь приходу построить свой храм. Наконец, весной 1914 года вопрос о постройке церкви для Полангенского прихода был решен положительно, однако начавшаяся Первая мировая война не позволила осуществить мечту православных Полангена³⁴.

Накануне Первой мировой войны Рижская епархия, ее курляндские приходы, в частности, жили своей налаженной,

размеренной жизнью. К началу Первой мировой войны на территории Рижской епархии действовали 210 приходов (в том числе 49 с латышским языком богослужения, 99 – с эстонским, 29 – с русским, т.е. церковно-славянским, 32 смешанных русско-латышских и русско-эстонских, один – шведский приход). В храмах епархии служили 260 священников, 45 диаконов, 405 псаломщиков, общее количество православной паствы – 273 023 человека³⁵. Однако тревога уже поселилась в умах православного духовенства. Уже в канун XX века прозвучали слова, поражающие своим пророческим смыслом: «Что принесет нам новое столетие? Ужели оно будет для нас тем роковым временем, когда число отступников превзойдет число верных чад Церкви; когда нечестие наполнит наши города, наши дома, рынки, государственные учреждения, а благочестие останется достоянием сел и деревень, в городах же оно будет находить себе место только в запустелых храмах»³⁶.

1 августа 1914 года германский флот обстрелял Поланген, 2 августа – Либаву, и в Курляндскую губернию пришла Первая мировая война, которая внесла полное расстройство в государственную и общественную жизнь прибалтийских губерний. Весной 1915 года российские войска терпят одно поражение за другим. В апреле 1915 года германская армия вторглась в Западную Литву и через нее – в Курляндию. Курляндскую губернию предполагалось оставить врагу разоренной и без гражданского населения, поэтому полмиллиона человек по распоряжению военного командования эвакуировалось или просто бежало от наступающей германской армии. Были эвакуированы промышленные предприятия, учебные заведения, материальные ценности, архивы, библиотеки и др. В результате наступления германской армии уже к началу сентября 1915 года была прервана связь между курляндскими православными

приходами и приходами, находившимися в Лифляндской и Эстляндской губерниях. В июле 1915 года по приказу российских военных властей была проведена эвакуация церковного имущества, наиболее ценной утвари и ризницы, колоколов, церковных архивов и библиотек, а также Рижской Духовной семинарии и высшего духовенства Рижской епархии. Последняя архиерейская служба в Риге была совершена 3 июля 1915 года, после которой епископ Рижский и Митавский Иоанн (Смирнов, епархиальный архиерей с 1910 года) в сопровождении большой группы духовенства отбыл в эвакуацию, в Юрьев (Тарту). Ему более не суждено было вернуться в Ригу. 20 ноября 1917 года Иоанн (Смирнов) был назначен архиепископом Рязанским и Зарайским.

8 августа 1917 года Рижское епархиальное собрание единогласно избрало викарным епископом Ревельским Платона (в миру – Павла Кульбуша, в 2000 году прославлен в лике святых РПЦ и Константинопольской Церкви). 31 декабря 1917 года Платон был хиротонисан в викарного епископа Ревельского. Тем временем германские войска продолжали наступать по Прибалтике, а на не оккупированной немцами территории разворачивалась Гражданская война. В такой обстановке отсутствие архиерея вносило в жизнь обескровленных войной, разорванных линией фронта приходов Рижской епархии еще больший хаос и сумятицу. В этой связи руководством РПЦ было принято решение передать в руки

епископа Платона управление всей Рижской епархией. После этого Платон выехал в Ревель (Таллинн), а оттуда через Тарту – в оккупированную немцами Ригу. Несмотря на условия военного времени епископ Платон попытался установить связь с приходами епархии и донести до них решения Поместного Собора 1917-1918 гг. В ночь с 14 на 15 января 1919 года в Тарту епископ Ревельский Платон был злодейски замучен большевиками. Рижская епархия вновь осталась без духовного главы.

16 февраля 1918 года было провозглашено о восстановлении независимого Литовского государства, 24 февраля 1918 года была провозглашена независимая Эстонская Республика, 18 ноября 1918 года – независимая Латвийская Республика. Тем самым было ликвидировано губернское деление территории Прибалтики. В связи с созданием новых независимых государств постановлением Св. Синода РПЦ от 10 мая 1920 года Святейший Патриарх Тихон (Беллавин) даровал Эстонской Церкви автономию. Аналогичный акт о предоставлении автономии Латвийской Церкви в решении хозяйственных и политических дел был подписан Патриархом Тихоном 19 июля 1921 года. На территории Литвы была сохранена Виленская и Литовская епархия РПЦ. Закончилась история приходов Рижской епархии на территории Курляндской губернии, началась история православных приходов на территории независимых прибалтийских стран.

Примечания

1 См., например: Индрик Страумит. Записки православного латыша // Окраины России. Вып. 2. Прага, 1868; Kruus H. Talurahva käärimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndal aastail. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts 1930; Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Филокалия: Рига. 1999. С.73-183.

2 Православие и лютеранство в России. Лейпциг. 1890; Тобин А. Лифляндское аграрное законодательство в 19 столетии. Том 1. Рига. 1900; Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб. 1912; *Buchholtz A.* Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig. 1888; Высоцкий И. И. Очерки по истории объединения Прибалтики

- с Россией (1710-1910). Вып.3. Часть 2. Рига.1910; Добрышин Б.К. К истории православия в Прибалтийском крае.СПб.1911; [Филарет]. Откуда коренные жители Лифляндии первоначально получили христианство, с востока или запада? // Москвитянин. Т. 4. 1843. С. 85-102; Чистович И. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащей к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856. С. 124-127; Самарин Ю. Ф. Православные латыши. Период первый // Сочинения. Том 8. Москва.1890; Период второй // Сочинения. Том 10. Москва.1890. и др.
- См. также оценки этих споров в современной историографии: *Brüggemann K. An Enemy's "Outpost" or "Our West"? Some Remarks about the Discourse of Russian Pribaltika in the Russian Empire and the Soviet Union. // Ethnic Images and Stereotypes – Where is the Border Line? (Russian-Baltic Cross-Cultural Relations). Narva, 2007. Pp. 81-98. Rosenberg T. Die russische baltische Historiographie in der zweiten Hälfte des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts. // Estland und Russland. Aspekte der Beziehungen beider Länder / Hrsg. O. Mertelsmann. Hamburg, 2005. S. 77-108. Назарова Е. А. Ю. Труусман о православии и католичестве в Ливонии XII-XIII вв. // Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века. М., 1991. С. 15-17 и др.*
- 3 См. работы латышских и эстонских археологов – А.Стубавса, Э.Мугуревича, А. Цауне, М.Мяги, П. Лиги, М.Ауна и др.
  - 4 См., например: Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии. М., 1999; серийное издание сборников статей «Православие в Латвии. Исторические очерки» (под ред. А. В. Гаврилина. Вып.1-9, 1993-2011); Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. Москва. 1997; научно-справочное издание В. Барановского и Г.Поташенко по истории староверов «Староверие Балтии и Польши. Краткий исторический и биографический словарь». Aidai.2005 и др.
  - 5 См., например, *Johansen P. Nordische Mission, Revals Gründung und die Schwedensiedlung in Estland. Stockholm, 1951; Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg/Lahn, 1972; Казакова Н.А. «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV-начало XVI в. Л-д, 1975; Матузова В.И., Назарова Е. Л. Крестonosцы и Русь. Конец XII в.-1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002; Selart A. Livland und die Rus» im 13. Jahrhundert. Köln: Böhlau, 2007 и др.*
  - 6 См., например: Поммер А. Православие в Латвии. Рига.1931; Сахаров С. П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836-1936).Краслава.1937; Заволоко И. Н. О старообрядцах г. Риги. Исторический очерк.Рига.1933 и др.
  - 7 По этому вопросу см., напрмер: *Brüggemann K. An Enemy's "Outpost" or "Our West"? Some Remarks about the Discourse of Russian Pribaltika in the Russian Empire and the Soviet Union. // Ethnic Images and Stereotypes – Where is the Border Line? (Russian-Baltic Cross-Cultural Relations). Narva, 2007. Pp. 81-98, и др.*
  - 8 Бескровных Ст. Екабпилский Свято-Духов мужской монастырь (Исторический очерк). Екабпилс. 2004. С.8-9.
  - 9 Там же. С.9.
  - 10 Латвийский Государственный Исторический архив (далее ЛГИА), ф.4754, оп.1, д.322; Рукописный архив С.-Петербургского Отделения Института Материальной Истории АН РФ (далее РАСПОИМИАНРФ), ф.4. Д.155, С. 240-249; «Церковные Ведомости». 1900. №11, С.435; «Прибавления к Церковным Ведомостям». 1888. №27. С.734-739.
  - 11 Российский Государственный Исторический архив (далее РГИА), ф.796, оп.170, д.493, С.1-27; ЛГИА, ф.4754, оп.1, д.322, С.50-53; «Рижские Епархиальные Ведомости». 1893 г., С.103-106; 1902 г., С.50-51; 1907 г., С.88-89, 159-163, 212-216, 346-353, 383-396, 487-498; Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып.II. Часть III. 1898, С.368-369, 571-576.
  - 12 Цит. по: «Прибавления к Церковным Ведомостям». 1893. №2. С.60.
  - 13 Архим. Иоким, свящ. Владимир Плисс. Высокопреосвященный Арсений (Брянцев), архиепископ Рижский и Митавский и десятилетнее управление его Рижской епархий. Рига.1897. С.186-187.
  - 14 Архив церкви Свв. Симеона и Анны в Елгаве.
  - 15 www.vesture.en/index.php/Kurzemes_un_Zemgales_hercogiste; Первая всеобщая перепись населения Российской империи.1897 г. Курляндская губерния.1905 г.ЦСК МВД.
  - 16 РАСПОИМИАНРФ, ф.4, д.984.
  - 17 ЛГИА, ф.4754, оп.2, д.105.
  - 18 Гаврилин А.Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия.1999. С. 57,178- 180.
  - 19 Там же. С.189-190.
  - 20 РАИМИАНРФ, ф.4, д.155, 943.
  - 21 Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия.1999. С.200-203.

- 22 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф.1016, оп.1, д.970, л.39, 43.
- 23 Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия.1999. С.256.
- 24 ЛГИА, ф.7462, оп.1, д.80; РГИА, ф.821, оп.5, д.182, д.245.
- 25 ЛГИА, ф.47544, оп.1, д.273.
- 26 Цит. по: Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия.1999. С.280-281.
- 27 Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. II, часть II. Рига.1898. С.126-127.
- 28 Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия.1999. С.280-281. –С.287-288.
- 29 Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. II, часть III. Рига. 1898. С.332.
- 30 Интересно отметить, что в 1802-1846 гг. в 12 верстах от Сасмакена в имении Тингерн существовала домовая православная церковь. В 1802 году имение Тингерн купил купец И.Н. Бах, у которого была православная жена и православные дворовые. Для них Бах во флигеле помещичьего дома оборудовал православную церковь. Однако, несмотря на просьбу помещика, архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский Ириной не освятил ее. Известно, что изредка в этой церкви служили полковые священники. В 1846 гоу имение Тингерн было продано фон Саккену, который распорядился уничтожить домовую церковь (Выборка из сведений, доставленных Императорскому Московскому Археологическому обществу православным духовенством по распоряжению Рижского архиепископа Арсения. Москва. 1896. С.124-128).
- 31 Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. II, часть II. Рига.1895. С.111; Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. II, часть III. Рига. 1898. С.335-338.
- 32 Епископ (с 1893 года – архиепископ) Рижский и Митавский в 1887-1897 годах Арсений (Брянцев).
- 33 Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. II, часть III. Рига. 1898. С.338-339.
- 34 Там же, ф.4754, оп.1, д.280.
- 35 Там же.
- 36 Епископ Томский Макарий. Беседы в новолетие 1900 года// «Прибавления к Церковным Ведомостям». 1900 г. С.135-139.

Священник Виталий Серапинас (Литва-Великобритания)

Православная Церковь в Литве в межвоенный период, 1918-1939гг.

Данная работа посвящена жизни Литовской Православной Епархии, оказавшейся в межвоенный период в двух разных государствах и разных юрисдикциях. Первая часть работы охватывает период 1918-1923 годов, в который образуются новые государства и восстанавливается церковная жизнь, однако в совершенно новых условиях.

I часть.

Раскол Литовской епархии, 1918 – 1923 гг.

1. ОКОНЧАНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Для того, чтобы понять положение Православной Церкви в Литве в 1918 г., необходимо упомянуть предшествующие события, т.е. Первую мировую войну, революцию в России и Гражданскую войну.

В 1915 году Первая мировая война приблизилась к территории Литовской епархии. Святейший Синод обратился к архипастырям и пастырям Русской Православной Церкви с воззванием следующего содержания: «В наступившее тяжёлое время ободрите паству вашу, укрепляйте её в вере православной, охраняйте от всяких

соблазнов, направляйте жизнь её по Заповедям Божиим, поддерживайте в народе любовь к Церкви и Родине. Сугубо творите молитвы, моления, прошения за человека, в бедах войны сущия...»¹.

С декабря 1914 года по июнь 1917 года Литовской епархией управлял архиепископ Тихон (Белавин), в Ковенской губернии с 1911 г. его викарным епископом был Елеферий (Богоявленский). С приближением фронта, в Вильно стали размещаться госпитали. Один из госпиталей устроили сестры Св.-Мариинского Виленского монастыря, руководимые монахиней Верой². Духовенство участвовало в сборе пожертвований на содержание госпиталей. Владыка Тихон

напутствовал воинов на брань. Служились молебны, по палатам госпиталей носили икону Божией Матери Виленской «Одигитрия». Часть духовенства была отправлена Владыкой в действующую армию, для духовного окормления воинов. Фронт приближался и возникла необходимость в эвакуации церковного имущества и духовных учебных заведений. Она прошла в июле – августе 1915 года. В Москву была эвакуирована консистория и вспомогательная касса, а также епархиальный Училищный совет, который разместился в Свято-Даниловом монастыре. 9 августа были эвакуированы мощи св. Виленских мучеников. Они были доставлены в московский Донской монастырь и находились там в Большом храме на правом клиросе, а Виленская икона Божией Матери «Одигитрия» – на левом клиросе³.

3 августа vicарный епископ Ковенский Елевферий эвакуировал из Ковенского Пожайского монастыря чудотворную икону Божией Матери и из Сурдегского мужского монастыря – чудотворную Сурдегскую икону Богородицы⁴. Виленская Духовная семинария была перевезена в г.Рязань. Виленский Мариинский женский монастырь с настоятельницей, монахиней Верой во главе, 114 насельницами и приютом в 50 человек переехал вначале в Минск, а затем в Петроград⁵.

4 сентября 1915 года Владыка Тихон оставил г. Вильно, который уже на следующий день заняли германские войска. Линия фронта прошла по восточной части Литовской епархии, большая часть которой была оккупирована германской армией. Управление епархией осуществлялось из г. Дисна (Западная Белоруссия), находившемся на северо-восточной границе епархии. Согласно распоряжению военного командования, эвакуации подлежало всё духовенство Литовской епархии. Несколько насельников Виленского Свято-Духова монастыря: отцы Савватий, Макарий и Никодим испросили

благословение у Высокопреосвященнейшего архиепископа Литовского и Виленского Тихона остаться в обители⁶. Получив благословение, они безотлучно пребывали в обители и отстаивали её святыни от посягательств оккупационных властей. Вскоре после оккупации иеромонах Макарий был командирован германскими властями в лагерь военнопленных для их окормления, а затем отправлен в Гродненскую епархию, где стал единственным православным пастырем. На его богослужения собирались тысячи людей. Детей для причастия передавали на руках через головы молящихся. Иеромонах Макарий был арестован германскими властями за отказ отступить от уставного порядка богослужения и заключён на полгода в лагерь, где продолжил пастырское служение⁷.

В западной части бывшей Ковенской губернии оставались лишь четыре православных пастыря. В Кретинге служил протоиерей Николай Введенский, в Тельшай (Тельшы) – иерей Михаил Павлович, в Скуодасе (Шкуды) – иерей Александр Дружиловский и в селе Колайняй (Благовещенское) – иерей Симеон Онуфриенко⁸. На местах оставались два сельских священника Виленской губернии⁹. Таким образом, на всей территории Литовской епархии с конца 1915 года по начало 1918 года было не более 10 священнослужителей вместе с монахами.

Протоиерей Николай Введенский скончался в преклонном возрасте 1 мая 1915 года, когда Кретинга уже была оккупирована кайзеровскими войсками. По просьбе родственников и прихожан его погребение совершил лютеранский пастор, выполнивший эту миссию с большим уважением к почившему¹⁰.

В 1916 – 1917 годах в Ковно (Каунас) изредка приезжали иеромонахи Виленского Свято-Духова монастыря или же священники Виленской губернии. Значительная

часть православного населения осталась без пастырей и без богослужений. Многие в эти трудные годы не имели возможности причаститься Святых Даров, некому было крестить детей и отпевать усопших¹¹. В среде православных распространялись слухи о поголовном выселении из их домов православных с конфискацией имущества, раздавались призывы сменить вероисповедание.

23 июня 1917 года на съезде духовенства и мирян Московской епархии архиепископ Тихон (Белавин) был избран на московскую кафедру, в результате чего стал митрополитом Московским. Викарий Литовской епархии епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский) 28 июня 1917 г. был назначен временно управляющим Литовской епархией.

Владыка Елевферий (в миру – Дмитрий Богоявленский) родился 14 октября 1868 года в семье псаломщика Иакова Богоявленского в городе Новый Оскол, Курской губернии. Низшее духовное образование получил в Старооскольском Духовном училище, среднее – в Курской Духовной семинарии, которую окончил в 1889 году со званием студента семинарии. Начальной ступенью его служения была должность учителя в церковно-приходской школе, каковую он исполнял один учебный год. В 1890 году вступил в брак. 25 ноября 1890 года его рукоположили во священники и направили в Покровскую церковь села Тростянца Новооскольского уезда. Через год после рождения сына Григория о. Дмитрий овдовел. В 1900 году о. Дмитрий поступил в Петроградскую Духовную Академию. В то время инспектором, а затем ректором Академии был архимандрит Сергей (Страгородский). Учась в Академии, о. Дмитрий принял иноческий постриг с именем Елевферий. По окончании Духовной Академии, став кандидатом богословия, был назначен преподавателем гомиластики в Каменец-Подольской Духовный

семинарии. С 1906 года служил инспектором Холмской Духовной семинарии. Правящим архиереем Холмской епархии был тогда митрополит Евлогий (Георгиевский), ректором Холмской семинарии – архимандрит Дионисий (Валединский). С 1909 уже в сане архимандрита Елевферий стал ректором Смоленской семинарии. В то время Смоленской епархией управлял епископ Феодосий (Феодосьев). 21 августа 1911 года над архимандритом Елевферием была совершена хиротония во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. Наконец, указом Святейшего Синода от 28 июня 1917 года епископ Елевферий был назначен управляющим Литовской епархией.

15 августа 1917 г. в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви. От Литовской епархии в работе Собора принимали участие: епископ Ковенский Елевферий, управляющий Литовской епархией; уездный наблюдатель церковно-приходских школ протоиерей Павел Кубаевский; диакон Св. Николаевского кафедрального собора Николай Ливай; от духовных учебных заведений – преподаватели Виленской Духовной семинарии В.В.Богданович и В.К.Недельский; от мирян – директор народных училищ Виленской губернии И.А.Огиевич. Кроме того, в работе Поместного Собора участвовали: архиепископ Минский Георгий (Ярошевский), викарий Волынской епархии епископ Кременецкий Дионисий (Валединский), викарий Гродненской епархии епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий), епископ Смоленский и Дорогобужский Феодосий (Феодосьев) и др.¹².

3 марта 1918 г. в городе Брест-Литовском был подписан мирный договор между Советской Россией и Германией. Согласно договору Советская Россия отказалась от части своих территорий, среди которых были Литва и часть Польши, входившие в состав России с 1795 года. Польша и Литва имели

древние традиции государственности. Однако если в XVIII в. Речь Посполитая объединяла в себе Королевство Польское и Великое Княжество Литовское, то в XX веке восстановители польской и литовской государственности долго не могли решить вопрос о границе. Между польскими и литовскими войсками шли боевые действия, в ходе которых ценой крови павших солдат была, наконец, установлена государственная граница. Военные кладбища 1919-1920 годов в окрестностях Вильнюса и в самом городе и в наши дни напоминают о безответственности и амбициях политиков того времени.

Образовавшаяся Литовская Республика включила в свой состав территорию практически всей бывшей Ковенской губернии. Город Каунас стал временной столицей. Вильнюс (Вильно) – резиденция литовских князей, оказался за пределами Литовской Республики. На территории бывшей Виленской губернии, включая г. Вильно, появилось государственное образование под названием «Средняя Литва», которую Польское государство рассматривало как свою часть. Версальский трактат, принятый 28 июня 1919 г., узаконил границы Польской Республики без Средней Литвы. Граница между Польшей и Советской Россией была установлена Рижским договором от 18 марта 1921 г. Однако 8 февраля 1922 г. Средняя Литва официально вошла в состав Польши и была преобразована в Виленское воеводство. Каноническая территория Литовской епархии Русской Православной Церкви оказалась разделённой между двумя враждебно относящимися друг к другу государствами.

2. Ковенская часть епархии

После подписания Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. началась эвакуация населения. В начале 1918 года на

территории Польши и Литвы были лишь два епископа: викарий Литовской епархии епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский), управляющий Литовской епархией, и викарий Волынской епархии епископ Кременецкий Дионисий (Валединский).

Епархиальное управление и епископ Ковенский Елевферий находились в небольшом уездном городке Дисна (Западная Белоруссия). В ноябре 1918 г. у Владыки Елевферия появилась возможность вернуться в Виленский Св.-Духов монастырь¹³. К началу 1918 г. на территории епархии оставалось не более десяти священнослужителей¹⁴. Многие храмы были закрыты или вовсе разрушены военными действиями. По воспоминаниям самого Владыки Елевферия, он с ноября 1918 г. находился все время в Вильно «сначала при немецком оккупационном правительстве, затем при Тарибе, при польском, при советском русском и вновь при польском»¹⁵

До Первой мировой войны Литовская епархия занимала обширную территорию, включавшую Виленскую и Ковенскую губернии. На 1914 г. в епархию входили следующие благочиния: Виленское городское, Виленское уездное, Трокское, Шумское, Вилкомирское, Ковенское, Вилейское, Глубокское, Воложинское, Дисненское, Друйское, Лидское, Молодеченское, Мядельское, Ново-Александровское, Шавельское, Ошмянское, Радошковичское, Свяцанское, Щучинское. По данным на 1913 г. в епархии насчитывалось 444 374 прихожанина. К 1920 г. их численность уменьшилась до 338 000 человек¹⁶.

В 1918 г. некоторые из эвакуированных священников стали возвращаться на свои приходы, однако многие не вернулись никогда, погибнув в войне, революции, во время церковных гонений. Святейший Патриарх Тихон благословил находившихся в Петроградской епархии сестёр эвакуированного Виленского Св.-Мариинского

монастыря вернуться в свою обитель. В конце 1918 г. оставшиеся 20 сестёр во главе с монахиней Ниной прибыли в Вильно¹⁷.

В части епархии, оказавшейся в Литовской Республике, ситуация была иной. Канонический епископ и епархиальный центр оказались в соседнем недружественном государстве, связь с ними была затруднительна. Если на территории Польши было до 5 млн. православных¹⁸, то в Литве их было только 23 000 человек¹⁹. Основную часть православных Польши составляли жители Западной Белоруссии и Западной Украины. Эти территории назывались «Крэсами Выходными», т. е. восточными окраинами. Хотя Литовская епархия и была разделена, но епископ был один. При этом епархиальное управление и епископ находились в виленском Св.-Духовом монастыре, т. е. в Средней Литве. Часть паствы оказалась в Литовской Республике, часть – в Средней Литве, часть – в Польской Республике. Такое положение продолжалось до 8 февраля 1922 г., когда Средняя Литва официально вошла в состав Польского государства.

По возвращении в Вильно Владыка Елевферий попытался восстановить церковную жизнь. Вместо Литовской Духовной консистории был создан выборный орган – Литовский Епархиальный Совет, который стал проводить епархиальные собрания. Возглавлял Совет епископ Елевферий. В конце 1918 г. во все благочиния епархии было послано распоряжение Епархиального Совета предоставить отчёты о состоянии приходов, храмов, клира и паствы. Отчёты были получены, однако часть епархии, оказавшаяся в пределах Литовской Республики, была недоступна. На все попытки Владыки Елевферия посетить паству в «Ковенской Литве» он получал отказ от властей²⁰. Сообщения между Польшей и Литвой тогда не было, связь осуществлялась лишь через случайных перебежчиков. Тогдашнее литовское

Архиепископ Елевферий
(Богоявленский). 1924 год

правительство, враждебно настроенное к Польше, видело опасность в духовном окормлении части своих граждан «польским епископом», и не признавало «kokios tai stačiatikių Eparchijos Tarybos Vilniuje, apie kurią Lietuvos Valdžia nieko nežino» («какого-то православного Епархиального Совета в Вильнюсе, о котором литовские власти ничего не знают»)²¹.

Помочь епископу Елевферию вызвался священник Николай Савицкий, который одним из первых вернулся в Литву. 18 ноября 1918 г. он написал рапорт епископу Елевферию, на основании которого был назначен Владыкой уполномоченным представителем Виленского Епархиального Совета в Литовской Республике. В сентябре 1918 г. о. Николай составил «Проект организации православных приходов в Литве»²². Владыка Елевферий в целом одобрил этот проект, однако формально епископ Елевферий не был признан литовскими властями главой православных в Литве, да и управление православными приходами на территории Литвы из Вильно было неудобно и неэффективно.

Между тем всё больше беженцев возвращались домой. В свои приходы возвращались священники, открывались церкви, в

которых вновь стали совершаться богослужения, создавались приходские советы. Церковная жизнь возродилась стихийно. В 1919 г. в Литве действовали уже 10 приходов: в Каунасе, Укмерге, Паневежисе, Кедайняй, Скуодасе, Юрбаркасе, Ужусалай, Йонаве, Шяуляй, Расейняй²³. Все эти приходы признали своим архиереем Владыку Елевферия. 10 ноября 1918 г. в Воскресенской кладбищенской церкви в Каунасе состоялось первое приходское собрание. На нём был избран староста П. Когончовский²⁴.

Чтобы узаконить стихийную деятельность православных приходов, Министерство Внутренних Дел Литвы через священника Николая Савицкого объявило, что до 15 сентября 1919 г. все приходы должны пройти обязательную регистрацию. Не прошедшим регистрацию запрещалось совершать богослужения. 14 мая 1920 г. президент Литвы Антанас Сметона и премьер-министр Е. Галванаускас узаконили существование 10 православных приходов: в Каунасе, Кедайняй, Калайняй, Паневежисе, Расейняй, Скуодасе, Жемайčiu Наумиестясе, Тельшяй, Укмерге, Ужусалай. В состав этих, уже зарегистрированных приходов были включены и некоторые малочисленные приходы. Причту зарегистрированных приходов были установлены оклады из государственного бюджета²⁵. С 1921 по 1924 г. возродились ещё 14 приходов: в Каунасе церковь Св. Андрея, в Аникщай, Интруке, Юрбаркасе, Каралишкисе, Каунатаве, Кибартай, Меркине, Семелишках, Шяуляй, Ужпалай, Виекшняй, Вевисе, Зарасай.

18 апреля 1920 г. представителем Владыки Елевферия в Литве был назначен протоиерей Евстафий Калисский²⁶. С 1921 г. положение православных в Литве изменилось. По благословению Святейшего Патриарха Тихона Священный Синод РПЦ издал постановление № 1001 от 11 июля 1921 г. «О возведении Управляющего

Литовской епархией епископа Елевферия в сан архиепископа Литовского и Виленского и назначении его священноархимандритом Виленского Свято-Духова монастыря».

25 июня – 8 июля 1921 г. на заседании Епархиального Совета в Вильно по инициативе архиепископа Елевферия было принято решение с целью улучшения управления литовской частью епархии и взаимодействия Церкви с литовскими властями учредить в городе Каунасе Ковенское Православное Духовное Правление. В Правление вошли: Ковенский благочинный прот. Евстафий Калисский – председатель, протоиерей Антоний Лихачевский, и один представитель мирян²⁷.

7 – 8 сентября 1921 года Духовное Правление провело в Каунасе Собор духовенства и мирян «Ковенской Литвы». На нём было избрано 5 членов Церковного Управления: председатель – протоиерей Евстафий Калисский, священник из Кедайняй о.А.Лихачевский, священник Каунаской Св.-Андреевской церкви о. В.Недвецкий и два мирянина – А.Соколов и В. Энглер²⁸. Собор принял обращение к литовскому правительству. Однако руководство Литвы не признало новый церковный орган, и по вопросам положения православных приходов по-прежнему обращалось к протоиерею Евстафию Калисскому.

20 декабря 1921 года Святейший Патриарх Тихон обратился к президенту Литовской Республики Александрасу Стульгинскису с просьбой признать архиепископа Литовского и Виленского Елевферия главой православных в Литве: «...прошу Вас, Господин Президент, оказать содействие к признанию Литовским Правительством означенного назначения Преосвященного Елевферия»²⁹.

Всё это время литовские власти не позволяли Владыке Елевферию посетить свою паству. В декабре 1920 г. он послал священника Виленской церкви Св.Александра

Невского о. Понтия Рупышева с поручением ознакомиться с жизнью приходов «Ковенской Литвы». Отец Понтий посетил Тракай, Вевис, Семелишки, Аукштаварис, Стривининки, Круонис и Меркине. Затем в Каунасе он встретился с протоиереем Е. Калиским. По возвращении в Вильнюс о. Понтий составил отчёт о своей поездке³⁰.

16 сентября 1921 года в Вильно состоялось очередное заседание Литовского Епархиального Совета, на котором был заслушан рапорт настоятеля Ковенской Св.-Андреевской церкви священника Василия Недвецкого. От имени о. Евстафия Калисского о. Василий представил план организации приходской жизни в Каунасе. Совет принял следующее постановление: «Ввиду слишком долгой неяви протоиерея Ковенского собора А. Зверева и иерея А. Должанского (они не вернулись в Литву), считать их уволенными от епархиальной службы. Протоиерея Евстафия Калисского назначить настоятелем Ковенского собора (в этой должности о. Евстафий находился до своей смерти в 1954 году – свещ. В. С.). Священника Василия Недвецкого назначить вторым священником Ковенского собора. Соборному притчу поручить заведывание Кладбищенской и Зеленогорской церквами. Ввиду отнятия Ковенского собора, назначение его как храма исполняет Кладбищенская церковь. Приходы Кладбищенский и Зеленогорский объединяются с собором в хозяйственном отношении. Совершение служб в обеих церквах должно совершаться неопустительно, поседмично или по взаимному соглашению»³¹.

Таким образом, вместо огромного Петро-Павловского кафедрального собора, находившегося в центре города, отнятого властями и отданного Министерству Охраны края, кафедральным собором стала небольшая Кладбищенская церковь.

С 1922 года Литовское правительство установило строгие требования для

возвращающихся в страну беженцев. Основными были два: литовское гражданство, на которое не могли претендовать активные сторонники царского режима, и знание литовского языка. Доминирующим было первое требование. На его основании не получили разрешения вернуться в Литву бывший настоятель церкви в Расейняй священник П. Преображенский, прослуживший там 20 лет, и священник Таурагской церкви о. Н. Фалевич, прослуживший в Таураге 10 лет. Также все приходское делопроизводство должно было вестись на литовском языке.

29 марта 1922 года Кабинет Министров Литовской Республики вынес постановление, согласно которому архиепископ Литовский и Виленский Елевферий признавался главой православных в Литве³². 1 августа 1922 года Учредительным Сеймом Литовской Республики была принята Конституция. В параграфе 86 было записано, что всем религиозным организациям (в том числе, и Православной Церкви) даётся право организовываться по своим канонам, свободно декларировать своё вероучение и совершать богослужения, строить и содержать храмы, школы, благотворительные организации и приюты, собирать для своих нужд со своих членов денежные сборы, иметь движимое и недвижимое имущество. Религиозным организациям предоставлялось право юридического лица. Эти положения были подтверждены и Конституциями 1928 и 1938 годов³³. На основании этого Православная Церковь в Литве, наконец, получила правовой статус.

14 октября 1922 года архиепископ Елевферий был арестован и выслан из Вильнюса в Краковский Камалдульский монастырь. Об этом сообщили литовские газеты³⁴. Литовское правительство опротестовало действия польских властей в Лиге Наций. В декабре 1922 года 16 православных приходов направили Литовскому правительству

Бывший православный кафедральный, ныне – католический костел Свв.Петра и Павла в Каунасе. 2004 г.

петицию с требованием ходатайствовать о возвращении в Литву канонического епископа, признанного главой православных в Литве³⁵. На основании этой петиции Литва вновь подняла в Лиге Наций вопрос об архиепископе Елевферии. И только тогда польские власти вывезли Владыку в Литву. 6 февраля 1923 года он прибыл в Каунас. А 8 февраля архимандрит Смарага (Латышенко) застрелил в Варшаве митрополита Георгия (Ярошевского)³⁶. Ранее Владыка Елевферий выдал архимандриту Смарага, родившемуся на территории Литовской епархии, свидетельство о рождении его и его отца для получения польского гражданства³⁷. Возможно, это обстоятельство могло бы осложнить положение архиепископа Елевферия, если бы он не успел уехать из Польши. С прибытием Владыки Елевферия для Православной Церкви в Литовской Республике начался новый этап. 20 мая 1923 г. премьер-министром В.Караблисом были подписаны «Временные правила, нормирующие отношение Литовской Православной Церкви с Литовским правительством» («Lietuvos Stačiatikių Bažnyčios santykiams su Lietuvos vyriausybe normuoti taisyklės»).

3. ВИЛЕНСКАЯ ЧАСТЬ ЕПАРХИИ

После Брестского мирного договора Советской России с Германией 3 марта 1918 г. началось массовое возвращение беженцев и в Виленскую часть епархии. Находившееся весь период военных действий, с конца

Икона Свв. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, пострадавших от язычников в 1347 году

1915 года по ноябрь 1918 года, в городе Дисна (нынешняя Витебская обл. Беларуси),

Кладбищенская Воскресенская церковь в Каунасе. 2004 г.

Епархиальное управление во главе с епископом Елевферием переехало в Вильно. В конце 1918 года по всем благочиниям Литовской епархии было разослано распоряжение благочинным составить отчёты о состоянии приходов³⁸. Благочинные присылали свои отчеты в течение 1919 – 1921 годов, по мере возвращения из эвакуации духовенства и прихожан. Вместо бывшей до войны Литовской консистории 1 января 1919 г. был организован, первоначально из назначенных, а с 1920 г. – из выборных членов, Литовский Епархиальный Совет, возглавляемый правящим архиереем³⁹.

Церкви в благочиниях Литовской епархии понесли значительный урон и от немецкой оккупационной армии, и от боевых действий между большевиками и польскими легионерами, и от грабежей и осквернения храмов «товарищами»⁴⁰.

С возрождением церковной жизни встал вопрос и о возвращении главной святыни Литовской епархии – мощей Святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, эвакуированных 9 августа 1915 года в Москву. Первоначально мощи Святых Виленских мучеников находились в

Донском монастыре, в главном храме у правого клироса⁴¹. Но ненавидящая Бога и человека коммунистическая власть издала два декрета: 1 февраля 1919 года Наркомат юстиции Советской России издал постановление об организованном вскрытии мощей, а 23 марта 1920 года вышел циркуляр Наркомата юстиции местным исполкомам о передаче мощей в музей⁴².

Православные Литовской епархии оставались в неведении о судьбе мощей Святых Виленских мучеников, пока в августе 1921 года одному мирянину из Вильно не удалось побывать в московском музее, в котором находились мощи Святых. Этот мирянин направил письмо в редакцию «Литовских Епархиальных Ведомостей», в котором сообщил о местонахождении святыни. Святые мощи Мучеников в застеклённой витрине вместе с мощами святителя Иосафа Белгородского находились в качестве экспоната на гигиенической выставке в Москве, расположенной по адресу ул. Петровка, д. 18. Над витриной с мощами Святых красовалась надпись: «Эти три мумифицированных трупа приписываются церковью без всякого основания Иоанну, Антонию и Евстафию, которые якобы погибли в борьбе за православие против язычников и католиков в 1347 году. Подлинных доказательств чьи эти трупы не имеется. В 1919 году народным судом было установлено, что иеромонах Досифей и игуменья Серафима использовали эти трупы в целях религиозного обмана и противореволюционной агитации. Пусть здесь эти трупы неизвестных людей послужат к просветлению народного сознания»⁴³. Епархиальная власть неоднократно ходатайствовала о возвращении святых мощей, но безрезультатно.

Административно православные епархии, оказавшиеся в Польше, подчинялись Московской Патриархии и пока ещё не были объединены в митрополичий округ. 24 мая 1920 года в Вильно состоялось

совещание по вопросу о положении Православной Церкви в Польской Республике (хотя формально Вильно и Виленский край вошли в состав Польши лишь 8 февраля 1922 года). Созвано это совещание было Преосвященным епископом Ковенским Елевферием (Богоявленским), управляющим Литовской епархией, и епископом Гродненским Владимиром (Тихоницким). На нём присутствовали делегат польского Министерства исповеданий министерский советник господин Г. Пештак и представитель Отделения Генерального комиссариата восточных земель по национальностям и вероисповеданиям господин К. Акулич, а также делегат от православного населения города Варшавы господин Соловьёв. Итогом этого совещания явился документ следующего содержания: *«После обсуждения вопроса о положении Православной Церкви на территории Польской Республики делегат Министерства исповеданий сообщил, что Министерство было бы согласно предоставить епископу Гродненскому в пределах бывшего Конгрессового Царства Польского и трёх воссоединённых уездов бывшей Гродненской губернии на переходное время, до окончательного урегулирования законодательным путём, следующие права: право посещения православных приходов; право канонического управления; право гродненской консистории заниматься бракоразводными делами. Эти права предоставляются на следующих условиях. Епископ должен признать постановление Министерства исповеданий о временном учреждении 29 православных приходов в пределах бывшей Холмской губернии. Епископ соглашается с проектом Министерства исповеданий учредить в 1920 году еще 29 православных приходов на остальной территории бывшего Конгрессового Царства Польского и трёх воссоединённых с ним уездов. Открытие новых приходов или их филиалов, равно как всякие перемены и территориальные разграничения приходов, назначение и*

устранение священников в приходах, можно осуществлять только после изъявленного в каждом данном случае согласия Министерства исповеданий. Преосвященный Владимир (Тихоницкий) принципиально согласен и выражает желание на время переходного периода иметь в г. Варшаве вспомогательный орган в форме Епархиального Совета с правами и обязанностями, определёнными положениями Всероссийского Церковного Собора. Епископ имеет право открывать по ходатайству местных приходов филиалы существующих приходов, с доведением о сём до сведения Министерства исповеданий»⁴⁴.

Таким образом, этим документом предполагалось всё управление православными приходами временно передать в руки епископа Гродненского Владимира (Тихоницкого). Однако этот проект никогда не был осуществлен.

4. СТАНОВЛЕНИЕ ИЕРАРХИИ В ПОЛЬШЕ

Последующие события заставили польские власти искать послушного им епископа, который мог бы возглавить независимую от Московской Патриархии церковную структуру. В 1920 году их выбор был небольшим, лишь три викарных епископа: викарий Литовской епархии епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский), управляющий Литовской епархией; викарий Гродненской епархии епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий), управляющий Гродненской епархией, и викарий Волынской епархии епископ Кременецкий Дионисий (Валединский). Так как большая часть епархии епископа Елевферия находилась на территории Средней Литвы, т.е. на не признаваемой мировым сообществом части Польской Республики, то выбор ещё более сузился. Владыка Владимир не хотел прерывать канонического общения с Московской Патриархией. Польским властям вскоре стало ясно, что рассчитывать

на Преосвященного Владимира невозможно. Выполняя поручение Святейшего Патриарха Тихона, он 17 апреля 1921 года совершил вместе с Владыкой Елевферием в Свято-Духовом монастыре в Вильно хиротонию во епископа Бяло-Подляшского Сергия (Королёва)⁴⁵. Хиротония не была согласована с польскими властями, которые не позволили епископу Сергию занять предназначенную ему кафедру. В результате он был вынужден находиться в Яблочинском монастыре, а в 1922 году был выслан в Чехословакию.

В июне 1921 г. епископ Кременецкий Дионисий (Валединский) был вызван в Варшаву, где министр исповеданий Ратай предложил ему подготовить проект организации Высшего управления Православной Церковью в Польше. Тем временем польское правительство продолжало искать более авторитетного архиерея для управления Православной Церковью в стране.

По Рижскому договору от 18 марта 1921 г. часть бывшей Минской епархии вошла в состав Польского государства. На основании этого было принято решение пригласить для управления этой, вновь включённой епархией бежавшего от советской власти архиепископа Минского и Туровского Георгия (Ярошевского). Архиепископ Георгий находился в это время в Италии. В «Виленских Епархиальных Ведомостях» №1 от 1922 г. о нём написано следующее: «... он был видным церковно-общественным деятелем: два года состоял ректором Петроградской Духовной Академии; последовательно занимал должности: епископа Калужского, архиепископа Минского (занимая эту должность участвовал во Всероссийском Поместном Соборе), управляющего Харьковской архиепископией (занятой белыми войсками)...».

Архиепископ Георгий (Ярошевский), покинув Харьков, в конце 1919 года оказался в Екатеринодаре. Митрополит Евлогий

Митрополит Георгий
(Ярошевский). 1922 год

(Георгиевский) в своих воспоминаниях так описывает Екатеринодар того периода: «Тут помещалось Кубанское Епархиальное управление во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). В доме – точно ярмарка. Архиереи, монахи, священники... Среди братьев встретил епископа Гавриила Челябинского, архиепископа Георгия Минского... и много других. Все обменивались впечатлениями и обсуждали тревожный вопрос: что же будет дальше?»⁴⁶. Из Екатеринодара архиепископ Георгий вместе с митрополитом Евлогием и ещё тремя архиереями добрался на поезде до Новороссийска, а оттуда 16 января 1920 г. на пароходе «Иртышъ» отплыл в Константинополь. Из Константинополя Владыка Георгий переехал в Салоники, и, наконец, 5 февраля 1920 года прибыл в Белград, откуда проследовал в итальянский город Бари⁴⁷. Архиепископа Георгия сопровождал архимандрит Александр (Иноземцев), которого 4 июня 1922 года, уже будучи митрополитом Варшавским, Георгий хиротонисал во епископа Люблинского.

«Вестник Православной Митрополии в Польше» писал в 1923 году: «В августе 1921

года в Варшаву прибыл для управления частью отошедшей к Польше своей Минской епархии Высокопреосвященнейший Георгий (Ярошевский), архиепископ Минский и Туровский. В беседах с преосвященным Дионисием он сразу же стал на его точку зрения и, как старший иерарх, намеченный при том в Экзархата Православной Церкви в Польше, он предложил 1 октября 1921 года в Почаевской Лавре провести съезд всех православных епископов»⁴⁸. Примерно в то же время в Польшу приехал и епископ Пантелеимон (Рожновский), назначенный Патриархом Тихоном на вновь учрежденную кафедру Пинскую и Новогрудскую. К осени 1921 г. в Польше было уже 6 архиереев, считая епископа Сергия (Королёва). Из этих епископов польские власти выбрали для переговоров лишь трёх, а именно: архиепископа Георгия, епископа Дионисия и епископа Пантелеимона, поляка по происхождению. С ними и было решено вести переговоры об устройении Православной Церкви в Польше. Все трое были вызваны в Варшаву в Министерство исповедований, где министр Ратай в ходе длительной беседы прямо и решительно заявил, что польское правительство не мыслит иного управления Православной Церковью в Польше, как лишь на основах автокефалии. Иерархи, посоветовавшись между собою, дали свое согласие, отметив, что на это необходимо получить благословение Святейшего Патриарха Тихона, о чем был составлен и подписан соответствующий акт⁴⁹. С 1921 года архиепископ Георгий находился в Варшаве.

В августе 1921 года польское правительство поручило своему посланнику в Москве господину Филипповичу связаться со Святейшим Патриархом Тихоном по вопросу об автокефальном устройстве Православной Церкви в Польше. На просьбу представителя польского правительства Святейший Патриарх Тихон ответил следующее: «Если бы Польша была православной

страной, мы дали бы ей автокефалию. Но так как православное население в Польше составляет меньшинство, то ни каноны, ни разум не дают нам права даровать автокефалию Польской Церкви»⁵⁰. 15 ст.ст./28 н.ст. сентября 1921 года Святейшим Синодом Русской Церкви был издан указ за №1424 «Об учреждении в Польше Экзархата и Высшего Церковного Управления с правами широкой автономии и наделении главы Экзархата правами областного митрополита».

Как уже отмечалось, 28 июня/11 июля 1921 года Священный Синод возвел Владыку Елевферия в сан архиепископа Литовского и Виленского. Сделано это было по просьбе Литовского Епархиального Совета, учитывая заслуги Владыки Елевферия и особое положение Литовской епархии.

В начале 1920-х годов православное общество в Польше разделилось на сторонников автокефалии и противников ее. Польское правительство из 6 архиереев выбрало лишь трёх, остальных же проигнорировало. Оказавшиеся в оппозиции иерархи объединились и сами попытались организовать церковную жизнь. Архиепископ Елевферий пригласил в Вильно епископа Владимира (Тихоницкого) и епископа Сергия (Королёва). Позднее, в ноябре 1922 г., митрополит Георгий (Ярошевский) отметил в указе Синода: *«Ставши довольно неожиданно из епископов-викариев Ковенских сразу Архиепископом Виленским, Преосвященный Елевферий вообразил почему-то себя распорядителем судеб Польской Православной Церкви, хотя Вильно до месяца февраля сего года не входило в состав Польши, и в отношении к Польше Архиепископ Елевферий был совершенно чужим и посторонним. Так, он созвал Собор 17 сентября старого стиля 1921 года в Вильно и занялся устройением Церковной области другого государства. Вместе с епископом Владимиром и епископом Сергием на названном незаконном Соборе он начал*

утверждать незаконно учреждённый епископом Владимиром для всей Польши «Церковный Совет»... навязывая сей Совет, переименовавшийся в «союз приходов», без согласия епархиальных архиереев Волынского и Пинско-Новогрудского всей Православной Польше»⁵¹.

Как уже упоминалось, на 1 октября архиепископом Георгием был назначен съезд всех православных иерархов Польши, который должен был собраться в Почаевском монастыре. Накануне отъезда в Почаев архиепископ Георгий получил указ Синода Русской Православной Церкви за № 1424, в котором говорилось: «Ввиду выяснившейся невозможности для Преосвященного Варшавского Серафима отбыть в Варшаву для управления епархией, поручить временное управление сею епархией Вашему Преосвященству и назначить Вас Патриаршим Экзархом Православной Церкви в Польском государстве с предоставлением Вам, в отношении сей Церкви, прав областного митрополита согласно церковным правилам. О чём уведомить Ваше Преосвященство и сообщить от имени Святейшего Патриарха Польскому правительству»⁵².

Когда окончательно стало ясно, что архиепископу Серафиму (Чичагову) не будет разрешен въезд в Польшу, он подал прошение об увольнении с Варшавской кафедры, которую он занимал до войны. По просьбе Польского правительства архиепископу Георгию, назначенному в январе 1922 года вместо архиепископа Серафима на Варшавскую кафедру, Синодом РПЦ был пожалован титул митрополита, однако уже без упоминания об экзархате⁵³. Митрополит Георгий не был «митрополитом всей Польши» и уже не был экзархом, то есть не имел канонической юрисдикции «областного митрополита»⁵⁴.

Намеченный архиепископом Георгием на 1 октября в Почаеве съезд епископата Польской Православной Церкви не

состоялся, так как Владыки Елевферий, Владимир и Сергей на нем не присутствовали, хотя накануне архиепископ Георгий встречался в Гродно с архиепископом Елевферием и епископом Владимиром, пытаясь убедить их изменить свою позицию⁵⁵. Ещё до этого съезда, в августе 1921 года, в Варшаве должен был состояться съезд представителей православных приходов Польши. Инициативу созыва этого съезда взял на себя Православный Церковный Совет. Идея съезда была одобрена епископами Елевферием и Владимиром. Предполагалось обсудить правовое положение Церкви в Польше, создание церковно-общественных органов, организацию приходов и др. Однако и этот съезд не состоялся, так как епископ Дионисий (Валединский) считал, что съезду мирян и духовенства должен предшествовать Собор епископата и в этом его поддержало польское правительство.

В начале февраля 1922 года Святейший Синод Русской Православной Церкви издал «Проект Положения об Управлении Православной Церковью в Польском государстве». Этот документ был выслан польскому правительству. Как писал незадолго до кончины Святейший Патриарх Тихон, «в акте об Управлении Православной Церковью канонической юрисдикции «Областного митрополита» покойный (митрополит Георгий) не имел, так как «Положение о Высшем Управлении Православной Церковью в Польском государстве», выработанное при Патриархии Московской и своевременно посланное Нами на отзыв польского правительства, последним до сих пор не возвращено и отзыва с его стороны по содержанию «Положения» не получено... Поэтому «Положение» окончательного утверждения Нашего не получило и в законную силу не вошло. 25. 03. 1925»⁵⁶. К началу 1922 года Польский Экзархат был упразднён, проект устройства Польской Церкви с правами автономного

митрополичьего округа не был утверждён, в результате чего Георгий остался почётным митрополитом Варшавским и Холмским, но не главой Польской Церкви. Этот факт тщательно скрывался от церковной общности в Польше.

В ноябре 1924 года в ответ на запрос Святейшего Патриарха митрополиту Варшавскому и Волынскому Дионисию (Валединскому) дать отчёт о состоянии Церкви, в 4-х номерах «Вестника Православной Митрополии в Польше» было опубликовано так наз. «Письмо Собора епископов». В этом документе митрополит Георгий называется «экзархом» и рассматривается в качестве главы Польской Церкви⁵⁷. Сам проект «Положения» Синода РПЦ правительство Польши полностью отвергло,⁵⁸ однако на практике митрополит Георгий руководствовался отдельными пунктами этого «Положения».

Ещё до получения из Москвы описанных выше указов, 24 января 1922 г. митрополит Георгий собрал в Варшаве Собор епископов в составе: самого митрополита Георгия, епископа Дионисия и епископа Пантелеимона. Епископ Владимир был лишь на последнем заседании этого «Собора», епископ Сергей игнорировался властями и в том же году был выслан в Чехословакию, а архиепископ Елевферий находился на территории Средней Литвы, и, хотя и прибыл в Варшаву, на Собор допущен не был. В работе Собора в качестве секретаря участвовал верный спутник Владыки Георгия архимандрит Александр (Иноземцев), а также ректор Волынской семинарии протоиерей Александр Громадский. В том же году архимандрита Александра (Иноземцева) хиротонисали во епископа Люблинского (4. об.1922 г.), затем он стал епископом Пинским и Полесским. Протоиерея же Александра Громадского постригли в монахи с именем Алексей, после чего возвели в сан архимандрита. 3.09.1922 года он был

хиротонисан во епископа Луцкого, викария Волынской епархии, а с 1923 года стал епископом Гродненским.

В целом митрополитом Георгием было проведено три Собора епископов. На первом Соборе 24 января 1922 года предполагалось подготовить конкордат с властями «О положении Православной Церкви в Польше». После ряда заседаний текст конкордата был подготовлен и подан правительству. Директор Департамента исповеданий Пекарский, ознакомившись с текстом конкордата, заявил, что «отрицательное отношение к конкордату было бы для польского правительства весьма печальным событием и могло бы самым нежелательным образом отразиться на судьбах Православной Церкви в Польше». Однако несмотря на угрозы, епископы Владимир и Пантелеимон отказались подписать конкордат, поэтому Собор закончился лишь принятием так наз. «Временных Правил об отношении Церкви к государству». Эти «Правила», составленные на основе текста конкордата, были 30 января 1922 года изданы правительством. На последнем заседании собора митрополит Георгий заявил, что он снимает с себя ответственность за возможные репрессивные меры со стороны правительства⁵⁹. На следующий день после окончания Собора его участники должны были в Министерстве исповеданий подписать «Временные Правила». Епископ Пантелеимон отказался поставить свою подпись и принять «Правила» к исполнению. За это он был лишён кафедры и отправлен в Мелецкий монастырь. Епископ Владимир покинул Варшаву, не дождавшись подписания «Правил».

В своём стремлении отделить православных Польши от кириархальной Русской Православной Церкви, польские власти полностью игнорировали условия, необходимые Церкви для получения автокефалии. Канонически для получения церковной

областью автокефалии необходимы следующие условия:

1. Политическая самостоятельность территории, на которой находится церковная область.

2. Географическая отдалённость.

3. Этнические отличия региона от основной территории кириархальной Церкви.

4. Стремление к автокефалии подавляющего большинства верующих, духовенства и епископата.

5. Получение автокефалии возможно, если управление кириархальной Церкви уклонилось в ересь или раскол.

Автокефалию дарует кириархальная Церковь. Власть поместного епископата распространяется лишь в пределах своей поместной Церкви.

К этому следует добавить, что 1 марта 1922 года Патриарх Константинопольский Мелетий IV (Метаксакис) заявил о том, что Константинопольский Патриархат окормляет всю православную диаспору и православных в рассеянии, т.е. православных всех национальностей, живущих за пределами автокефальных Церквей⁶⁰.

5. СОПРОТИВЛЕНИЕ РАСКОЛУ ЕПАРХИИ

12 марта 1922 года Владыки Елевферий, Владимир и Сергей послали Святейшему Патриарху Тихону доклад о состоявшемся январском Соборе. Таким образом, Патриарх был проинформирован о конкордате, предложенном польским правительством, по которому провозглашалась, впрочем не называя ее этим словом, автокефалия. В апреле 1922 года Святейший Патриарх Тихон по обвинению в саботаже был арестован советскими властями. Согласно указу Синода РПЦ за №362 от 20 ноября 1920 г., церковные области, в случае невозможности управления Церковью Высшей Церковной Властью, имели право Собором епископов, созванного по инициативе

старшего из них, образовывать Высшее Церковное Управление. Согласно посланию митрополита Агафангела (Преображенского) от 18 июня 1922 г., временно замещавшего Святейшего Патриарха, это право получили отдельные епархии⁶¹. Ссылаясь на эти решения, польское правительство и митрополит Георгий попытались оформить автокефалию Церкви.

В конце мая 1922 года в Почаевском монастыре был созван второй Собор епископов. К этому времени Средняя Литва вошла в состав Польской Республики, поэтому архиепископ Литовский и Виленский Елевферий смог принять участие в работе Собора. Кроме него и митрополита Георгия на Соборе были епископ Владимир (Тихоницкий) и епископ Дионисий (Валединский). Предполагалось обсудить положение, создавшееся в связи с арестом Патриарха Тихона, образовать Высшее Церковное Управление, а также принять решение о хиротонии во епископа Люблинского архимандрита Александра (Иноземцева). Преосвященные Елевферий и Владимир подали на Соборе официальное заявление, в котором, ссылаясь на ст. 37 и примечание к ней «Положения о Православной Церкви в Польше», утверждали, что Высшее Церковное Управление образуется Собором, который определяет его состав, права и обязанности⁶². При этом они отметили, что на Соборе отсутствуют епископы Пантелеимон и Сергей и указали на необходимость созыва Поместного Собора Польской Церкви. Так как их заявление отсталось без внимания, Владыки Елевферий и Владимир покинули Собор. Вопрос о хиротонии во епископа архимандрита Александра был решён лишь на майском Соборе, уже в отсутствие оппозиции. Как уже отмечалось, 29 марта 1922 г. правительство Литвы признало Владыку Елевферия главой православных на территории Литвы.

14 июня 1922 года в Варшаве был созван третий Собор епископата Польской Церкви. К этому времени был выслан из страны епископ Бельский Сергей (Королёв), но появился новый епископ Люблинский Александр – друг и сторонник митрополита Георгия. В работе Собора участвовали митрополит Георгий, архиепископ Елевферий, епископ Владимир, епископ Дионисий, епископ Александр, т. е. три сторонника митрополита Георгия и два оппозиционера. Знаменательно, что третий, последний Собор был открыт речью министра-президента Польши, который выразил желание правительства оформления «иерархического устройства Православной Церкви в Польше и безотлагательного принятия, ввиду устранения в Москве канонической власти Православной Церкви, решения о самостоятельности Православной Церкви в Польше на началах автокефалии»⁶³. Епископы Елевферий и Владимир сделали письменное заявление, в котором подчеркнули, что такое положение московского церковного руководства лишь временное и не даёт право обсуждать такие чрезвычайные меры, как вопрос об автокефалии. Они предложили созвать местный Областной Церковный Собор с участием представителей мирян и клира. Но для польских властей и выразителя их воли, митрополита Георгия, мнение народа не имело значения. Архиепископ Елевферий удалился в свою епархию, а епископ Владимир не участвовал в голосовании. Собором было принято три решения: «*Вследствие прекращения деятельности в Москве законного Высшего Церковного Управления все дела, касающиеся Православной Церкви в Польше, имеет решать на месте Собор Православных Архиереев, причём обычные текущие дела решает малый Собор Архиереев или Синод Православной Церкви в Польше.*

Собор Архиереев постановляет – не принимать никаких распоряжений от

образовавшегося в Москве неканонического церковного управления.

Собор Православных Архиереев, в следствии церковной смуты и разрухи в России, ничего не имеет против автокефалии Православной Церкви в Польше и готов работать в Польше на началах автокефалии, уверенный в добром сотрудничестве с Польским правительством на основах Конституции, однако с тем, что польское правительство получит на автокефалию благословение Константинопольского и других Патриархов, а равно глав Автокефальных Церквей – Греческой, Болгарской и Румынской, а также Патриарха Московского, если последний возвратится к власти и если Патриархат в России не будет упразднён»⁶⁴.

15 июня 1922 года митрополит Георгий назначил постоянный состав Священного Синода, в который, кроме него самого, вошли епископ Дионисий и епископ Александр.

15 июня 1922 года Литовский Епархиальный Совет в Вильно издал указ о возношении за богослужениями после Святейшего Патриарха Тихона имени митрополита Варшавского Георгия: «...о господине Высокопреосвященнейшем Георгии, Митрополите Варшавском». Впоследствии, уже после отстранения архиепископа Елевферия, его, среди прочего, обвиняли также в том, что при возношении имени митрополита не было слова «нашего»⁶⁵. Имя митрополита Георгия возносилось потому, что хотя и не было указа о введении в действие «Положения о Православной Церкви в Польше», однако на майском Соборе было решено, что «данное «Положение» является для всех польских епископов морально необходимым статутом»⁶⁶.

После третьего Собора епископов Польской Церкви Владыки Елевферий и Владимир приняли решение созвать в своих епархиях съезды духовенства и мирян. Архиепископ Елевферий обратился с письмом

к главе государства, в котором попросил разрешения провести Епархиальный съезд. В Вильнюсе такое собрание прошло с 27 июня по 1 июля 1922 года. Оно началось с коленопреклоненного молебна в Свято-Духовом монастыре об избавлении от уз Святейшего Патриарха Тихона.

Заседание под председательством архиепископа Елевферия открылось в помещении столовой бывшей Литовской Духовной семинарии. Обязанности секретаря исполнял В. В. Богданович. К собранию с приветственным словом обратился управляющий Отделом исповеданий при Департаменте Внешних дел г. Нарвойш. В собрании участвовали представители Гродненской епархии. Было решено избрать товарища председателя. Кандидатами были намечены священники Владимир Юзвюк, Алексей Василевский, Александр Миронович и Александр Левицкий. Большинством голосов был избран священник Владимир Юзвюк. От Гродненской епархии выступил протоиерей Давид Якобсон.

Были созданы три секции, по которым распределена работа собрания: 1. общих дел; 2. финансов; 3. просветительская. Обсуждались вопросы: как противостоять захвату церковью и имущества; о духовной школе в крае; о работе русской и белорусской гимназий; о сборе епархиальных налогов; о свечном складе и др. Наконец, в ходе 4-го заседания был поднят вопрос об автокефалии. Было принято следующее решение: *«...с душевной горечью отмечая, что три иерарха Православной Церкви в Польше, в том числе и Митрополит Варшавский Георгий, пользуясь теми потрясениями, которые в настоящее время переживает Церковь Российская, употребляют все усилия, чтобы отделить себя и свои паствы путём, непредусмотренным никакими канонами, и не имея на то соборного волеизъявления своего народа, от своей Матери-Церкви, Епархиальное Собрание духовенства и мирян Литовской*

Епархии вынуждено заявить от лица всей Литовской паствы, что она по-прежнему, доколе этот вопрос не решится в каноническом порядке, считает себя нераздельной частью той Церкви, к которой она до сего времени принадлежала... что она глубоко скорбит об отделяющихся и умоляет их во имя мира Христова не делать этого шага таким путём, а для решения этого вопроса, равно как и других дел, связанных с устройством церковного управления в Польше, созвать полный церковный областной Собор... Доколе же этот Собор не состоится... воздержаться от всяких распоряжений, связанных с провозглашением автокефалии». Было решено послать это постановление митрополиту Варшавскому Георгию, Польскому правительству, всем епархиальным архиереям, Русскому Церковному Управлению за границей, всем Автокефальным Церквям, Светлейшему Патриарху Тихону⁶⁷.

Собрание заявило о своей верности и полном единении со своим Архиепископом, архиепископом Елевферием. На собрании также выступил представитель той части Литовской епархии, которая находилась в пределах Литовской Республики, с предложением литовского правительства назначить в Литву викарного епископа⁶⁸.

Подобное же собрание или Епархиальный съезд 14-15 июля 1922 года был проведён в Гродно. На нём были приняты аналогичные решения об автокефалии, которые также были разосланы по всему православному миру.

6. НА ПОРОГЕ ПОЛЬСКОЙ АВТОКЕФАЛИИ

Епархиальные съезды подтолкнули Польское правительство и митрополита Георгия перейти к репрессивным мерам против архиепископа Елевферия и епископа Владимира. 6 сентября митрополит провёл заседание Священного Синода, который

был избран на третьем Соборе епископов 15 июня. Священный Синод Православной Митрополии в Польше имел в 1922 году следующий состав: председатель – митрополит Варшавский Георгий (Ярошевский), члены Синода – архиепископ Волынский и Кременецкий Дионисий (Валединский) и епископ Люблинский Александр (Иноземцев). На основании прочитанного митрополитом Георгием доклада «О вредной и угрожающей Церкви смутной деятельности Архиепископа Виленского Елевферия» был принят указ Синода. Обращает на себя внимание то, что из титула архиепископа Елевферия исчезло слово «Литовский». Скорее всего это связано с тем, что 29 марта 1922 года власти Литовской Республики признали его главой православных в Литве. В дальнейшем архиепископ Феодосий (Феодосиев), возглавлявший часть Литовской епархии, попавшей на территорию Польши, носил титул Виленского и Лидского.

Указ Синода Православной Митрополии в Польше от 6 сентября – это обвинительный документ, на основании которого позднее Владыка Елевферий был лишён Виленской кафедры. 1-ый пункт указа начинается словами: «Ставши довольно неожиданно из епископов-викариев Ковенских сразу Архиепископом Виленским...». Во 2-ом пункте утверждалось, что Владыка Елевферий «вместе с еп. Владимиром на незаконном соборе в Вильно 30 сентября 1921 г. начал утверждать незаконно учреждённый еп. Владимиром для всей Польши «Церковный Совет»». В 3-ем пункте документа за подписью митрополита Георгия говорилось о том, что «не считаясь епископом Польским, Преосвященный Елевферий самовольно, без зова Экзарха явился на Собор архиереев 25 января 1922 г., и неопущенный Правительством к участию на нём, всё время Собора оставался в Варшаве, возбуждая недовольство, поддерживая оппозицию, занимаясь агитацией». В 4-ом пункте митрополит

Георгий заявлял, что Елевферий не признавал его «областным митрополитом»; в 5-ом пункте о том, что Владыка Елевферий «сделанные мною распоряжения отдавал на рассмотрение Епархиального Совета»; в 6-ом пункте о том, что он «игнорировал и не разослал по церквам моего Пасхального послания, составленного мною согласно «Положению»». В 7-ом пункте Владыка Елевферий обвинялся в том, что «распорядился о возношении моего имени без наименования меня «нашим»»; в 8-ом пункте, что он «не признаёт, образованного Собором Архиереев в Варшаве, Священного Синода»; в 9-ом пункте, что «не исполнил предписания Свящ. Синода о предоставлении на должность ректора Виленской семинарии лица в духовном сане, ссылаясь на то, что ректором сей семинарии якобы считается архимандрит Анатолий, хотя прекрасно знает, что последний, как не польский гражданин, не может прибыть в Вильно, и всячески удерживает почему-то светское лицо на этом месте»; в 10-ом пункте архиепископ Елевферий обвинялся в том, что «не желает признать награждения Свящ. Синодом наместника Св. Духова Виленского монастыря иеромонаха Савватия саном игумена за военные заслуги по представлению военного протопресвитера Василия Мартышева, о чём и сообщил нам»; в 11-ом пункте в том, что «позволил присутствовать на Виленском Епархиальном Собрании Гродненским представителям». В 12-ом пункте указа Владыка Елевферий обвинялся в том, что «допустил непосредственные сношения Виленского Епархиального Собрания с Патриархами, Автокефальными Церквами и Начальником Государства, как будто его епархия автокефальна и в Польше не существует Митрополита»; в 13-ом пункте в том, что «28 июня с. г. письмом просил Начальника Государства соизволить собрать собор из епископов, клириков и мирян и сделать по сему поводу соответствующие распоряжения подлежащим

властям, призывая таким образом светскую власть к вмешательству в церковные дела и нарушая сим права своего областного Митрополита»; наконец, в 14-ом пункте архиепископу предъявлялись обвинения в том, что он «обращается к Председателю «Высшего Русского Церковного Управления за границей», ныне уже упразднённого Св. Патриархом и Московским Синодом, вовлекая его и всё «Церковное Управление» к вмешательству в дела Православной церкви в Польше, что способствует развитию смуты и анархии в церковной жизни в Польше»⁶⁹. На основании этих обвинений Синод Польской Церкви принял следующее решение: «...уволить Архиепископа Елевферия от управления Литовской и Виленской Епархией в пределах Польши, считая его архиепископом Литовским только в пределах Ковенской Литвы»; «временное управление Виленско-Литовской епархией, с названием её только Виленской, поручить Высокопреосвященнейшему митрополиту Варшавскому»; «об увольнении архиепископа Елевферия сообщить польскому правительству, для соответствующих с его стороны распоряжений...»⁷⁰.

«Соответствующие распоряжения» не заставили себя ждать. В канун праздника Покрова Божией Матери, то есть вечером 13 октября 1922 года, Владыка Елевферий служил Всенощное Бдение в Свято-Духовом монастыре. После службы он отправился к себе в покои, где его уже ожидали административные и полицейские чиновники, которые, предложив взять самое необходимое, сопроводили архиерея на вокзал, а затем на поезде до Кракова. Здесь он был помещён в католический монастырь «Молчальников» («Samaldules») в пригороде Кракова, в местечке Беяны.

С ноября 1918 года по октябрь 1922 года Владыка Елевферий проделал большую работу по возрождению огромной Литовской епархии. В очень сложной политической

ситуации были налажены все стороны церковной жизни. Кроме всего прочего, для польской и литовской общественности православие и русские ассоциировались с «царизмом», с национальным унижением и гнётом. Православный кафедральный собор в Варшаве был уничтожен как «памятник польской неволи»⁷¹. В Каунасе Свято-Петро-Павловский кафедральный собор на Лайсвес аллее (аллее Свободы) был отдан властями Министерству охраны края. Русское православное население из доминирующего большинства в одно мгновение превратилось в национальное меньшинство. Государственными языками стали польский или литовский. Все культовые здания и монастыри, которые когда-либо ранее использовались католической или униатской Церквами, даже если это было 200 лет назад, у православных отбирались. Польские власти называли это «ревиндикацией», то есть возвращением. Публично выказывалось уничижительное отношение к православию. Эти процессы происходили и в Литве, и в Польше, только масштабы были разными. Так, например, Сурдегский мужской монастырь под Паневежисом, оставленный насельниками в 1915 году, был отобран у православных на том основании, что там ранее находился униатский монастырь. Как следствие эвакуации, в первые послевоенные годы значительно сократилась численность православного населения в городах. Например, если на 1913 год вместе взятые Виленское городское, Виленское уездное, Троцкое и Шумское благочиния объединяли 37 754 прихожан, то в 1920 году их осталось только 6 000 человек⁷². Литовский Епархиальный Совет и сам Владыка стали опорой и надеждой многих русских людей. В это время в России происходили страшные политические события, сопровождавшиеся гибелью многих тысяч граждан, а в храмах водворялась «Обновленческая Церковь». Ни

в Польском, ни в Литовском государствах такого не было. Здесь быстро налаживалась общественная жизнь, были приняты Конституции, уже с 1923 года начался процесс экономической стабилизации.

13 октября 1922 года, в день ареста архиепископа Елевферия, митрополит Георгий, временно управляющий Виленской епархией, издал распоряжение №1140 о том, что Епархиальный Литовский Совет решением Священного Синода от 8 сентября упразднен, а вместо него учреждается Виленская Духовная консистория. Её членами были назначены: член Варшавской Духовной консистории архимандрит Антоний (Марценко) и местные протоиереи Александр Сосновский, Михаил Плисс, а также преподаватель Белорусской гимназии Симеон Рак-Михайловский. Секретарём консистории был назначен преподаватель Белорусской гимназии Николай Красинский⁷³. Архимандрит Антоний был также назначен, на правах настоятеля, временным управляющим Свято-Духова монастыря. Отдельным указом был уволен временно исполняющий обязанности ректора Виленской Духовной семинарии Вячеслав Васильевич Богданович, уже тогда избранный в Сенат Польской Республики.

Участь изгнанника постигла и Владыку Владимира (Тихоницкого). 12 октября 1922 года Священный Синод Польской Церкви принял решение о лишении его кафедры. Однако выслали его польские власти только 14 октября 1924 года. Митрополит Евлогий, управляющий Западно-Европейским митрополичьим округом, назначил его викарным архиепископом Ниццким.

Архиепископ Елевферий находился в Камалдальском монастыре с октября 1922 г. до начала февраля 1923 г. За четыре года до него в этом же монастыре находились под надзором митрополиты Евлогий (Георгиевский) и Антоний (Храповицкий). Вот как описывает Камалдальский монастырь,

место своего вынужденного затворничества, митрополит Евлогий: *«Нас направили в монастырь, расположенный под городом, на берегу Вислы, в местечке Беляны. Это была обитель монахов-молчальников («camaldules»).* Устав этого монастыря сочетает уставы Василия Великого и св. Бернара. Живут они не общежительно, а в домиках, которых настроено множество. Каждый затворник имеет свой домик с маленьким огородом; по желанию монахи разводят на грядках капусту, землянику, цветы, табак; камалдулы – курильщики завзятые, и табак разводят почти все. Монастырские постройки окружают прекрасный сад. Высокие двойные стены отделяют эту обитель молчания от всего мира. Одежду монахи носят грубую, шерстяную, никогда её не снимая – ни ночью, ни в летний зной; донашивают её до полной ветхости; периодически монах её сам стирает в прачечной – и опять на плечи. Странное впечатление поначалу произвёл на нас этот монастырь. Монахи молчат, скользят тенями... Тишину нарушает только стук их сабо: хлоп-хлоп-хлоп... Приветствуют друг друга неизменным «*temento mori, frater*» («помни о смерти, брат») – и опять молчание. На богослужение все собираются в костёл. Мрак такой, что едва различаешь фигуры, гробовая тишина, один из монахов служит перед престолом: ни возгласов, ни пения, ни чтения, – только немые жесты, поклоны, движения... Прямо жутко от этой немоты и темноты... Поют они только «девятый час», но их пение более похоже на завывание, чем на пение; от долгого молчания голоса теряют благозвучие, и всё сливается в одно гулкое уу...уу..уу.. С нами разговаривали только три монаха: настоятель, магистр, или начальник послушников, очень добрый и весёлый старик, и библиотекарь... Остальные монахи, хоть с нами и не разговаривали, но их добро, ласковое отношение мы чувствовали.

Религиозный подвиг сказывался. Чудные были монахи»⁷⁴.

Владыка Елевферий был из вдовых священников и имел сына Григория Божоявленского, который безуспешно хлопотал о разрешении свидания с отцом⁷⁵. Владыка обращался к властям, чтобы ему прислали православного иеромонаха, который смог бы исповедывать его и причастить, но ему отказали и в этом. Паства и духовенство любили своего архипастыря, переживали за него. Один молодой священник Виленской епархии, о. Анатолий Кирик, остриг волосы и бороду, и в светской одежде, спрятав под одеждой Святые Дары, приехал в Камальдильский монастырь под видом паломника. Он рассказал отцам камальдулам о цели своего визита, и они открыли ворота своей обители перед Святыми Дарами, и архиепископ Елевферий приобщился Святых Тайн⁷⁶.

Как уже упоминалось, православная общественность Литовской Республики неоднократно обращалась к правительству с просьбой защитить своего архиерея. Литовские власти подняли этот вопрос в Лиге Наций и польское правительство было вынуждено сделать соответствующие распоряжения.

6 февраля 1923 года архиепископ Елевферий прибыл в Каунас. А два дня спустя, 8 февраля, архимандритом Смарагдом был убит митрополит Георгий. До сих

Надгробный мраморный аналой на месте захоронения митрополита Георгия (Ярошевского). Храм на Воле, Варшава. 2005 г.

пор отношение к памяти митрополита Георгия в разных церковных юрисдикциях неоднозначно. Если в Русской Православной Церкви его, в целом, воспринимают негативно, то в Польской Православной Автокефальной Церкви митрополит Георгий (Ярошевский) почитается мучеником, пострадавшим за Церковь, хотя он и не канонизирован.

Трагической кончиной митрополита Георгия закончился первый послевоенный восстановительный период жизни разделённой Литовской епархии. Церковь оказалась в совершенно новых политических и социально-экономических условиях, однако, несмотря на все сложности своего нового положения, сохранила свою структуру, авторитет и продолжила свою миссию.

Сокращения названий источников

ЛЕВ – Литовские Епархиальные Ведомости
ВЕВ – Виленские Епархиальные Ведомости
ГАПЕ – Голос Литовской Православной Епархии
А.Свитич – А.Свитич. Православная Церковь в Польше и её автокефалия, Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997
LCVA – Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas (Литовский Центральный Государственный Архив)

ВПМ – Вестник Православной Митрополии в Польше, Варшава
LVIA – Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas (Литовский Государственный Исторический Архив)
В.Цыпин – В.Цыпин «История Русской Церкви 1917-1997 гг.», издание Сретенского монастыря, Москва, 1999

Примечания

- 1 Черепица В.Н.. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине. Гродно, 2000.- С.95.
- 2 Монахиня Варвара. Марииинской обители 100 лет, 1865-1965 гг. (машинопись). Вильнюс, 1965. – С. 9.
- 3 Митрополит Елевферий (Богоявленский). Неделя в Патриархии//Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М.,1995. – С.207.
- 4 Литовские Епархиальные Ведомости, /ЛЕВ/, 3, январь 1924 г., Вильно. – С.46.
- 5 Монахиня Варвара. Марииинской обители 100 лет, 1865-1965г.г. (машинопись). Вильнюс,1965. – С.9.
- 6 Литовские Епархиальные Ведомости, 4-5, декабрь 1921г., Вильно. – С.6.
- 7 Виленские Епархиальные Ведомости, 4-5, декабрь 1921 г. – С.6.
- 8 Литовские Епархиальные Ведомости, 3, январь 1924г., Вильно.- С.47
- 9 Свитич А.. Православная Церковь в Польше и её автокефалия, Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. – С.92.
- 10 Литовские Епархиальные Ведомости 3, январь 1924 г., Вильно. – С.47.
- 11 Там же.
- 12 Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918г.г. Обзор деяний. Москва, 2002. I том. – С.229.
- 13 Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas (LCVA), F377, A9, B25, L7. Вестник Православной Митрополии в Польше /ВПМ/, Варшава 11-12, июнь 1923 г. – С.8.
- 14 Свитич А. Православная Церковь в Польше и её автокефалия, Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997.- С.92
- 15 LCVA, F377, A9, B25, L7.
- 16 Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas (LVIA), F605, A2, B2472, L82.
- 17 Монахиня Варвара. Марииинской обители 100 лет, 1865-1965г.г. – С.11.
- 18 Афанасий (Мартос), архиеп.. Беларусь. Минск, 2000. – С.312.
Цыпин В.. История Русской Церкви 1917-1997 гг. Москва: Издание Сретенского монастыря, 1999. – С.222.
- 19 Marcinkiaivičius Andrius, Kaubrys Saulius. Lietuvos Stačiatikių Bažnyčia 1918 – 1939 m. /LStB/, VAGA, Vilnius, 2003. – С.85, 116.
- 20 LCVA, F377, A9, B25, L125, 126, 127, 128.
- 21 LCVA, F377, A9, B25, L10.
- 22 LCVA, F377, A9, B25, L43.
- 23 Marcinkiaivičius Andrius, Kaubrys Saulius. Lietuvos Stačiatikių Bažnyčia 1918 – 1939 m. – С.62.
- 24 LVIA, F1004, A1, B81, L1.
- 25 LCVA, F377, A9, B87, L62.
- 26 Marcinkiaivičius Andrius, Kaubrys Saulius. Lietuvos Stačiatikių Bažnyčia 1918 – 1939 m.- С.56.
- 27 «Эхо», 11, сентябрь 1921г., Каунас.
- 28 Литовские Епархиальные Ведомости 2, сентябрь 1921г., Вильнюс.
- 29 LCVA, F377, A9, B25, L32.
- 30 . LVIA, F1004, A1, B38, L28.
- 31 ЛЕВ, 3, октябрь 1921г.
- 32 LCVA, F377, A9, B25, L50.
- 33 Marcinkiaivičius Andrius, Kaubrys Saulius. Lietuvos Stačiatikių Bažnyčia 1918 – 1939 m. – С.69.
- 34 Газета «Laisve», Каунас, 31 октября 1921г.
- 35 Газета «Эхо», Каунас,12 января 1923 г.
- 36 ЛЕВ, Каунас, 1, ноябрь 1923 г.- С.9.
- 37 LVIA, F1004, A1, B105, L1.
- 38 LVIA, F1004, A1, B33, L1.
- 39 ГЛПЕ, 5-6, 1936. -С.4.
- 40 LVIA, F1004, A1, B33, L2-44.
- 41 Митрополит Елевферий. Неделя в Патриархии. – С.209.
- 42 Цыпин В. -С.67, 68.
- 43 Литовские Епархиальные Ведомости, 1-4, май 1922 г.- С.8.
- 44 LVIA, F1004, A1, B33, L44.
- 45 Цыпин В. -С.224, 762;Свитич А. -С.97.
- 46 Митрополит Евалогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М.,1994. – С.324.
- 47 Митрополит Евалогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М.,1994. – С.331,332.
- 48 ВПМ, 11-12, июнь 1923 г.- С.13.
- 49 Свитич А.. – С.97.
- 50 ГЛПЕ, 3, 1935 г. -С.19.
- 51 ВЕВ, 1, ноябрь 1922 г. – С.1.
- 52 Свитич А.- С.99.
- 53 ГЛПЕ, 1, 1925 г.- С.18.
- 54 ГЛПЕ, 1, 1925 г. – С.100.
- 55 Цыпин В. -С.225.
- 56 ГЛПЕ, 1, 1925 г. – С.18,19.
- 57 ВПМ, 35, 30 ноября 1924 г. -С.1.
- 58 ВПМ, 35, 30 ноября 1924 г. – С.1.
- 59 Свитич А. – С.103.
- 60 Православная энциклопедия. Москва, 2000. Том I. – С.200,201.
- 61 ВПМ, 35, 30 ноября 1924 г.
- 62 Свитич А.- С.105.
- 63 ВПМ, 35, 30 ноября 1924 г. -С.3.
- 64 ВПМ, 35, 30 ноября 1924 г.- С.3.

- 65 ВЕВ, 1, 1 ноября 1922 г.- С.2.
66 ЛЕВ, 7, 14 июля 1922 г. -С.5.
67 ЛЕВ, 8-9, 14 сентября 1922 г. – С.7.
68 ЛЕВ, 8-9, 14 сентября 1922 г. -С.7.
69 ВЕВ, 1, 1 ноября 1922 г. -С.1-3.
70 ВЕВ, 1, 1 ноября 1922 г.- С.1-3.
71 Свитич А. – С.94.
- 72 LVIA, F605, A2, B2472, L82.
73 ВЕВ, 1, 1 ноября 1922 г. – С.4.
74 Мит. Евлогий. Путь моей жизни. – С.308, 309.
75 ВЕВ, 1, 1 ноября 1922 г. – С.11.
76 Свитич А. – С.97, 98.

Сергей Мянник (*Эстония*)

Архиепископ Павел (Дмитровский)

Поминайте наставников ваших,
которые проповедывали вам
слово Божие, и взирая на кончину
их жизни, подражайте вере их
(Евр. XIII.7)

«Редкое церковное таинство – возведение в сан епископа – событие у нас в Нарве небывалое, и, возможно, даже неповторимое. Такие события входят в историю Православной Церкви. Хиротония популярного и любимого пастыря о. Павла Дмитровского была встречена с большим религиозным подъемом в кругах верующего населения.»¹ Такими словами начиналось описание событий, происходивших в Нарве в 1937 году и связанных с епископской хиротонией одного из известнейших архипастырей Эстонии – архиепископа Павла (Дмитровского).

Владыка Павел родился 15 января 1872 года в селе Большая Белозерка, близ Мелитополя, в семье псаломщика местного храма Григория и Ксении Дмитровских. В 1884 году по окончании начальной школы Павел поступил в Симферопольское Духовное училище, откуда перешел в

Таврическую Духовную семинарию, которую закончил в 1894 году по первому разряду со званием студента. По окончании семинарского курса молодой человек был назначен на должность псаломщика Архангело-Михайловской церкви села Михайловка Мелитопольского уезда и учителем местной школы. В апреле 1896 года Павел Дмитровский женился. 5 мая того же года он был рукоположен во диакона, а на следующий день – во священника и назначен настоятелем Борисо-Глебской церкви села Астраханка – очень известного в истории южного сектанства села. В нем проживали молокане, евангелисты, баптисты и др. В 1899 году о. Павел из-за болезни жены Анастасии, согласно поданному прошению, был переведен в Крым, в село Зуя Симферопольского уезда, где являлся членом Симферопольского Училищного Совета, а также служил законоучителем в

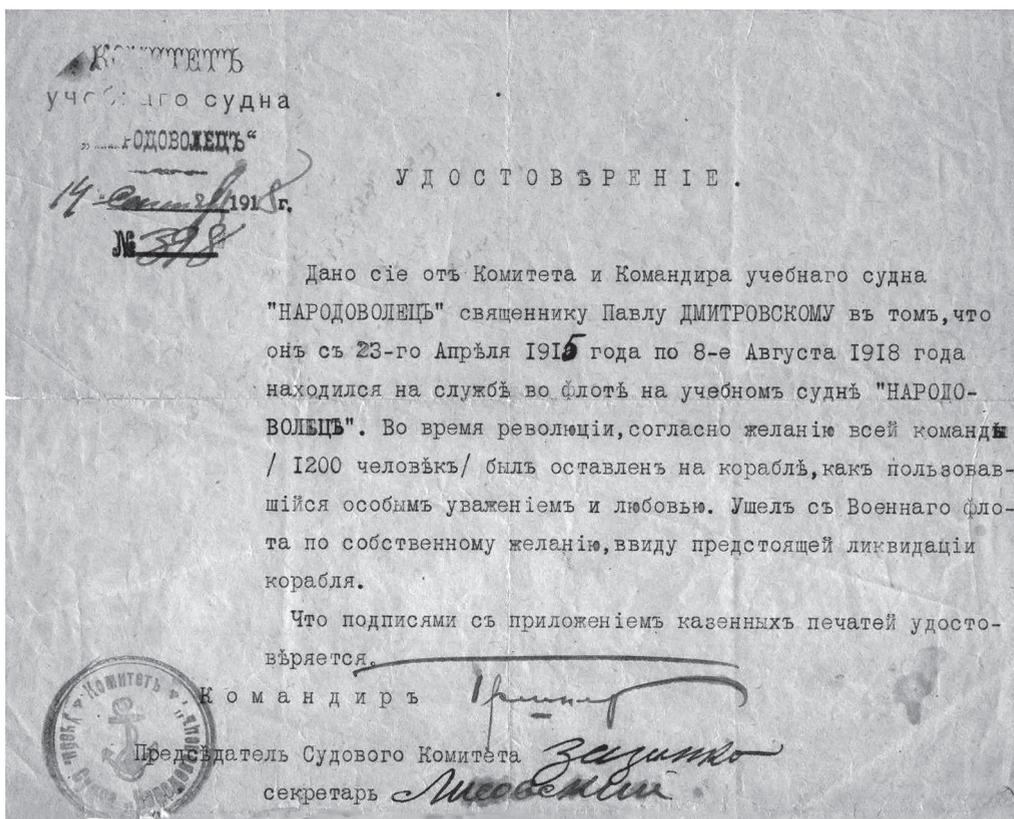
Священник Павел Дмитриевский с матушкой Анастасией. 1901 г.

нескольких школах. Однако смена климата не помогла матушке о. Павла. В 1901 году она скончалась. В 1945 году архиепископ Павел написал в своей автобиографии: «Чтобы как-то благоустроить свою жизнь в 1902 году я перевелся на должность священника Архангело-Михайловской церкви села Михайловка Мелитопольского уезда, где в то время служил диаконом мой отец. Ввиду тяжелого семейного положения в 1908 году я оставил епархиальную службу и поступил в Петроградскую Духовную Академию».

Вольнослушателем Санкт-Петербургской Духовной Академии о. Павел был до 1911 года. Тяжелое материальное положение, неустроенность вынудили его обратиться с прошением к ректору Академии, епископу Ямбургскому Георгию² с просьбой разрешить поступить на епархиальную службу. О. Павел был назначен священником храма Св. Иоанна Богослова в селе Ивановское, Ямбургского уезда Петроградской епархии.

В 1915 году о. Павел по предложению протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского³ был назначен священником учебного судна «Народоволец» минного отряда Балтийского флота. В августе 1918 года при увольнении с корабля он получил следующее удостоверение: «Дано сие от Комитета и Командира учебного судна «Народоволец» священнику Павлу Дмитриевскому в том, что он с 23 апреля 1915 года по 8 августа 1918 года находился на службе во флоте на учебном эсминце «Народоволец». Во время революции, согласно желанию всей команды (1200 человек), был оставлен на корабле, как пользовавшийся особым уважением и любовью. Ушел с Военного флота по собственному желанию ввиду предстоящей ликвидации корабля». Удостоверение было подписано командиром корабля, председателем Судового комитета и секретарем, скреплено судовой печатью. Поскольку корабль в это время находился в Финском заливе, о. Павел остался в Эстонии.

Нелегко пришлось православному священнику-эмигранту на эстонской земле. В июле-августе 1919 года о. Павел служил приходским священником в Воскресенском храме г. Нарвы. С 1 сентября 1919 года он служил сверхштатным священником Нарвского Преображенского собора. Лишь спустя два года – 22 февраля 1925 года – о. Павел был утвержден митрополитом Таллинским и всея Эстонии Александром⁴ на должность второго священника собора. Вскоре ему предъявили тяжкие обвинения в нелояльности к Эстонскому государству. 16 июля 1925 года о. Павел был вызван в полицию, в которой ему объявили о запрещении проживания в городах Таллине, Печорах, Нарве, а также в некоторых уездах. Основанием для такого запрета послужило распоряжение министра Внутренних дел Эстонии от 10 июля 1925 года, в котором говорилось о том, что о. Павел

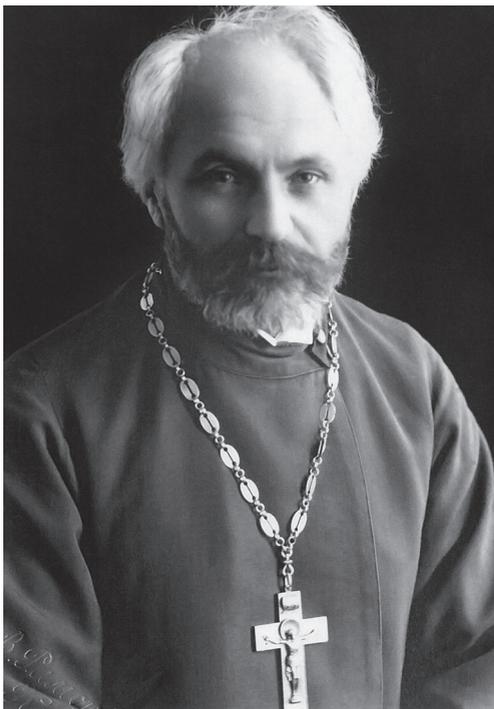

Удостоверение священника Павла Дмитровского, выданное 14 сентября 1918 г.

Дмитровский сеет «вражду среди слоев отдельных общественных организаций» и провоцирует тех, кто не имеет эстонского подданства. В газетных статьях по этому поводу сообщалось, что эта мера наказания вызвана противоэстонской пропагандой вышеуказанных лиц. В полиции о Павлу также пояснили, что это решение должно быть приведено в исполнение в течение одного месяца со дня его объявления. К этому времени священник Павел Дмитровский прожил в Нарве уже шесть лет, имел широкий круг знакомых, состоял членом некоторых общественных организаций. Именно поэтому Педагогический совет Нарвских курсов Комитета Русских эмигрантов в Эстонии решил ходатайствовать перед министром о возможности пересмотра этого дела⁵. В своем обращении Педагогический

совет отмечал: «Отец Павел Дмитровский состоит в числе преподавателей и воспитателей в течение уже 5 лет, т.е. с момента основания курсов, и является ценным сотрудником, отдающим все свои силы на воспитание и образование детей». В обращении к министру подчеркивалось, что о. Павел всегда призывал детей к чувству благодарности Эстонской республике за то, что она предоставила приют русской эмиграции; он требовал самого тщательного соблюдения всех законов и исполнения распоряжений эстонских властей.

Письмо в защиту священника Павла Дмитровского написал также Приходской совет Нарвского Преображенского собора⁶, призвав Синод ЭАПЦ просить министра Внутренних дел о проведении дополнительного расследования. В письме

Священник Павел Дмитриевский. 1934 год

отмечалось, что в течение шестилетнего служения в соборе священник Павел Дмитриевский не допускал никаких противостонских высказываний и не занимался политикой. К своим обязанностям всегда относился добросовестно, за что пользовался в приходе уважением и любовью. Большую часть своего досуга он посвящал обязанностям законоучителя и воспитателя на курсах для детей русских эмигрантов и работе в культурно-просветительных организациях города.

Ходатайства в защиту священника были отправлены, однако успеха они не имели. Последней попыткой спасти о. Павла от незаслуженного наказания стала поездка целой делегации православных Нарвы в Таллинн. В ее состав вошли известные горожане – профессор В. А. Рогожников, архитектор В. Г. Радлов, инженер М. Ф. Пантелеев и др. Делегацию снабдили соответствующими полномочиями и прошениями

Собрание Нарвской епархии. 9 июня 1937 года

от Приходского совета, от русской гимназии и «прошением-ручательством» жителей г. Нарвы, подписанным несколькими сотнями человек. Но министр Внутренних дел эту делегацию даже не принял. В результате священник Павел Дмитриевский был вынужден подчиниться распоряжению министра и выехать из Нарвы. Он поселился в поселке при железнодорожной станции Тапа, однако уже в декабре 1925 года эстонские власти разрешили ему вернуться из ссылки и вновь приступить к обязанностям священника Преображенского собора г. Нарва.

Отец Павел Дмитриевский был прирожденным пастырем, обладал даром проповедника. Он очень любил детей, много времени уделял работе с молодежью, был духовным лидером эстонского отделения Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). Не случайно, когда встал вопрос о замещении вдовствующей с 1932 года Нарвской кафедры, была одобрена кандидатура протоиерея Павла Дмитриевского. 9 июня 1937 года вопрос об избрании нового епископа обсуждался Нарвским Епархиальным собранием⁷, на котором представители 26 приходов проголосовали за избрание о. Павла. В тот же день был составлен акт об избрании епископом о. Павла Дмитриевского⁸. 10 июня 1937 года этот вопрос обсуждался на Соборе ЭАПЦ. В ходе закрытого голосования протоиерей Павел Дмитриевский получил 125 голосов «за» и 46 голосов «против».

2 октября 1937 года в 16 часов в Никольском приделе Нарвского Преображенского собора митрополит Таллиннский и вся Эстонии Александр (Паулус), митрополит Рижский и вся Латвии Августин (Петерсонс),⁹ архиепископ Карельский и вся Финляндии Герман (Аав)¹⁰ и архиепископ Печерский Николай (Лейсман)¹¹ в присутствии членов Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви и

Нарвского Епархиального совета, а также многих верующих совершили наречение протоиерея Павла Дмитриевского во епископа Нарвского и Изборского.

Воскресенье 3 октября стало днем главного торжества. Народ стал собираться возле Преображенского собора уже с 7 часов утра. Некоторые деревни даже прислали своих «ходоков». Пароходство, обслужи-

Крещение Господне, водосвятный молебен.
Нарва, конец 30-х годов XX века

вавшее Принаровье, организовало дополнительные рейсы, чтобы дать возможность всем желающим приехать в Нарву. К 9 часам утра церковь, вмещавшая 2 000 человек, была переполнена. Однако, несмотря на

Хиротония протоиерея Павла Дмитровского во епископа Нарвского и Изборского в Нарвском Преображенском соборе 3 октября 1937 года

огромное количество молящихся, в соборе соблюдался идеальный порядок. На правом клиросе находился объединенный хор нарвских храмов, на левом – приглашенные почетные гости. Хиротония популярного и любимого пастыря была встречена в кругах верующего населения с большим духовным подъемом.

В трудные годы пришлось епископу Павлу управлять Нарвской епархией. В 1940 году была восстановлена каноническая связь Эстонской Православной Церкви с Московским Патриархатом. 27 декабря 1940 года Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви принял решение о возвращении в состав Московского Патриархата на правах автономии. В марте 1941 года воссоединение произошло, однако автономия, дарованная в 1920 году Эстонской Церкви Патриархом Тихоном, была проигнорирована.

В 1942 году, во время немецкой оккупации территории Эстонии, митрополит Александр отступил от канонического единства с Московским Патриархатом.

Против этих самовольных действий выступил епископ Павел, призвавший в своем обращении к пастве от 29 мая 1942 года не разрывать связь с Матерью-Церковью. В тяжелых условиях военного времени Владыка предпринял поездку по всем приходам своей небольшой, однако обширной по разбросанности приходов епархии, объясняя пастве положение дел, убеждая причты и прихожан держаться Матери-Церкви. Епископу Павлу удалось повести за собой почти все русское духовенство, а также все русские приходы, причем не только Нарвской епархии, но и 14 приходов Печерского края, выдержав борьбу как с митрополитом Александром, так и с эстонской полицией и с немецкой администрацией. Епископ Павел и Нарвская епархия остались в духовном подчинении Патриаршего экзарха Прибалтики митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского).¹² 21 декабря 1942 года указом Экзарха-митрополита Сергия Владыка Павел был возведен в сан архиепископа. Таким образом, в 1942-1944 годах на территории Эстонии

функционировали две легальные православные структуры – Таллиннская епархия во главе с митрополитом Александром, окормлявшая эстоноязычные приходы, и Нарвская епархия во главе с архиепископом Павлом, окормлявшая русские приходы.

Во время войны Владыка Павел всюду, где только была в этом необходимость, направлял на помощь людям духовенство. Под его руководством протоиереи Георгий Алексеев¹³ и Иоанн Богоявленский¹⁴, священники Михаил Ридигер¹⁵ и Ростислав Лозинский¹⁶, а также псаломщики Вячеслав Якобс¹⁷ и Николай Немчинов посещали лагерь для военнопленных и беженцев Клоога, Пыллкюла, Палдиски и Вильянди, совершали там богослужения, церковные требы. Для пребывавших в заключении людей собирали одежду, продукты, деньги. Благодаря усилиям, в первую очередь о. Михаила Ридигера, удалось освободить из лагерей несколько священников из России – о. Валерия Поведского¹⁸, о. Василия Веревкина¹⁹, о. Иоанна Попова, а также диакона Петра Никольского.

Сам Владыка посещал в Нарве так называемые «красные амбары» на берегу Наровы, где в жутких условиях содержались советские военнопленные и свирепствовал тиф. В бывшем здании Нарвского городского общественного собрания и в здании городского лазарета находились раненые и больные военнопленные. В феврале 1942 года архиепископ Павел совершил в фойе лазарета воскресную Литургию, обошел все здание, причащая больных, которые лежали на полу на грязной соломе. Несмотря на военное время, ко второму посещению Владыкой лазарета нарвитяне собрали для больных две подводы продуктов и одежды.

В условиях военного времени архиепископ Павел старался совершать богослужения во всех храмах, сохранивших верность МП. «Он не назначил для себя соборного храма в Таллинне, а служил по очереди в

различных Таллиннских церквях, но чаще всего в Симеоновской, где сосредоточилась вся русская церковная жизнь»²⁰, вспоминает митрополит Таллиннский и всяя Эстонии Корнилий. Владыке Павлу приходилось решать самые различные проблемы приходов епархии. Он приложил все усилия для освобождения²¹ протоиереев Иоанна Богоявленского и Георгия Алексеева, арестованных немцами за помощь советским военнопленным, доказав, что священники помогали людям и не обращали внимания на то, кто стояли перед ними – военнопленные или нуждающиеся местные жители. Протоиереи Иоанн Богоявленский и Георгий Алексеев были оправданы судом, который признал, что они помогали военнопленным из милосердия, руководствуясь своими религиозными чувствами.

Архиепископ Павел был убежден, что в составе Нарвского Епархиального Совета должны быть миряне. Он считал, что миряне способны решать многие вопросы церковной жизни, особенно работая в структурах государственной или оккупационной власти. В своем письме к Экзарху-митрополиту Сергию от 3 мая 1942 года Владыка Павел отмечал, что «если общество верующих без епископа не Церковь, то и епископ без паствы тоже не представляет собою Церкви». Далее архиепископ Павел писал: «...Московский Собор 1917 г. призвал мирян к делу Церковного строительства. Если в России в силу особых политических условий это соборное определение не получило широкого распространения, то и отменять его нет оснований». В этом же письме митрополиту Сергию он заметил: «...Вы мне лично заявляли, что в Нарвской епархии я могу действовать согласно местным условиям». Итогом такой переписки была резолюция Экзарха от 11 мая 1943 года: «1. Ввиду настойчивых просьб Архиепископа Нарвского, разрешить ему устроение епархиальных органов по собственному

91

АКТЪ.

1937 года, Іюня 9 дня, Епархіальное собрание Нарвской епархіи, имѣло сужденіе о кандидатѣ на кафедру правящаго епископа Нарвской епархіи, вдовствующую со смерти Архіепископа Евсевія, и признавъ достойнѣйшимъ протоіерея Павла Григорьевича Дмитровскаго единодушно его избрало кандидатомъ на сію кафедру, въ удостовѣреніе чего и составленъ настоящій актъ.

Архидіаконъ [подпись] П. П. П.

Представители приходоѡ:

- Таллинской Николаевской ц. Протоіерей В. Чернышев
- Таллинской Симоновской ц. Протоіерей Валентинъ Боголюбский
- Таллинской Казанской ц. Священникъ Сергей Александровичъ
- Тартускаго Успенскаго Собора. Священникъ Николай Трапезникъ
- Нарвскаго Преображенскаго соб. [подпись]
- Нарвской Владимирской ц. [подпись]
- Нарвской Ивангородской ц. Священникъ Александръ Киселевъ
- Нарвской Знаменской ц. Діаконъ С. Карповъ
- Нарвской Св. Троицкой ц. Священникъ [подпись]
- Перновской Екатерининской ц. [подпись]
- Усть - Наровской ц. Священникъ О. Соловьевъ
- Кріушской церкви. — [подпись]
- Олешницкой церкви. Священникъ А. Яакобъ
- Низовской церкви. Священникъ Г. Анисимовъ
- Логозской церкви. Протоіерей Влад. Комаровъ
- Сиренецкой церкви. Священникъ Виталий Мадъ
- Носовской церкви. [подпись]

Акт от 9 июня 1937 года Епархиального собрания Нарвской епархии об избрании протоіерея Павла Дмитровскаго кандидатом на Нарвскую архіерейскую кафедру

A K T.

Oktoobrikuu 2 päeval 1937 a.k.4
 p.l. Narva Issanda-Muutmise peakiri-
 ku püha Nikolai kõrvalkirikus Tallin-
 na ja kogu Eestimaa Mitropoliid Alek-
 sandri, Riia ja kogu Lätimaa Mitropo-
 liit Augustini, Karjala ja kogu Soome-
 maa Peapiiskop Hermann ja ning Petsari
 Ülempiiskop Nikolai poolt, Eesti Ar-
 õigeusu Kiriku Sinodi ja Narva Piis-
 kopkonna Nõukogu liikmete ning palju-
 de usklikkude juuresviibimisel, nime-
 tati auvääriline Ülepreester Paavel
 Dmitrowski Jumalast kaitsetud Narva
 ja Irboska linnade piiskopiks, mil-
 lest on koostatud ja varustatud waa-
 tawate allkirjadega see akt.

A K T Ъ.

Октября 2 дня 1937 г. въ 4 ча-
 се полудни въ предѣльномъ Нико-
 лаевскомъ храмѣ Нарвскаго Преоб-
 раженскаго собора Митрополитомъ
 Таллинскимъ и всея Эстоніи Алек-
 сандромъ, Митрополитомъ Рижскимъ
 и всея Латвіи Августинимъ, Архиепи-
 скопомъ Карельскимъ и всея Фин-
 ляндіи Германомъ и Архиепископомъ
 Петсерскимъ Николаемъ, въ при-
 сутствіи членовъ Синода Эстоляскоі
 Апостольскоі Православной Церкви
 и Нарвскаго Епархіальнаго Совѣта
 и многихъ вѣрующихъ, совершенно
 нареченіе всечестнаго Протоіерея
 Павла Дмитровскаго во Епископа
 Богоспасаемыхъ градовъ Нарвы и
 Изборска, о чемъ и составленъ
 сей актъ за надлежащими подпи-
 сями.

Aleksander, Tallinna ja kogu Eestimaa Mitropolit
 Augustin, Riigausu wissis Latvijas Mitropolit
 Herman, Karjalaa ja kogu Suomea Peapiiskop.
 Petsari ülempiiskop Nikolai
 Sinodi liige Ülepreester Paavel Dmitrowski
 Sinodi liige
 Нарвскаго Епархіальнаго Совѣта Председатель Протоіерей Павел
 Преістер Георги Алексеев, Нарва Піскоповна Нõукогу liige
 Протоіерей Александр Статкин
 Протоіерей Павел Раккин

Акт от 2 октября 1937 года о наречении протоиерея Павла
 Дмитровского во епископа Нарвского и Изборского

усмотрению. 2. Сообщить ему, что на следующем Архиерейском совещании последует окончательное по этому вопросу суждение. Митрополит Сергей».

Перед немецкими властями архиепископ Павел держал себя очень независимо, твердо защищая интересы Православия.

Архиепископ Павел (Дмитровский). 1940-е годы

По словам А.П. Николаева, в пасхальную ночь «освещение в соборе было еще не полное, но свечи уже горели в руках у молящихся. В левом углу громадного соборного амвона я увидел прожектора, а за ними – немецких солдат. Во время третьего пения

этой молитвы Царские врата отверзлись и архиерей с протодиаконом вышли на амвон. У Владыки в руках кадило и трисвечие с крестом, у отца протодиакона громадная свеча, обвитая лентами и цветами. Включились прожекторы и осветили амвон. Яркий свет ослепил архиерея. (Я тогда сообразил, что это кинохроника: странный звук издавали операторы, катая свою аппаратуру). Владыка прикрыл глаза, отдал трисвечие протодиакону Владимиру, а кадило иподиакону Игорю, взял у меня жезл и уперся им об пол. «Старосту ко мне!», громко и строго произнес архиерей. Староста Николай Васильевич срочно пробрался сквозь народ к разгневанному архиерею. «Николай Васильевич! Уберите этих господ с фонарями. Они мешают богослужению», – указав перстом на обомлевших киношников изрек Владыка. Военные безоговорочно ретировались с амвона, но из храма все же продолжали снимать службу».²² В своих воспоминаниях А.П. Николаев также отмечал, что «...в их квартире одна комната была взята военной комендатурой под постой немецких офицеров. В ней квартировал прокурор-полковник преклонных годов. В пасхальный вечер он увидел мою матушку и сказал: «Уважаемая мадам, Нарва имеет очень строгого епископа». Старый полковник поведал маме о ночном инциденте в соборе, но без малейшего осуждения сердитого епископа».²³

В сентябре 1944 года митрополит Александр (Паулус) вместе с отступающими немецкими войсками покинул Эстонию. Он находился сначала в Германии, а с марта 1947 года в Швеции, где проживал до своей смерти в 1953 году. После отъезда митрополита Александра архиепископ Павел взял на себя временное управление Таллиннской епархией.

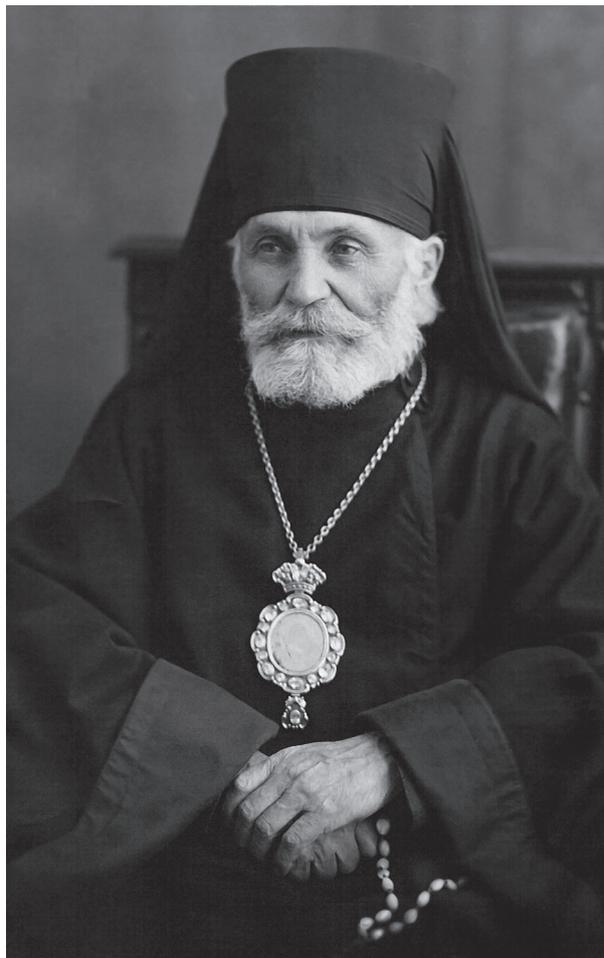
В январе-феврале 1945 года архиепископ Павел возглавлял делегацию Эстонской епархии²⁴ на Поместном Соборе Русской

Православной Церкви, на котором Патриархом Московским и всея Руси был избран Алексий (Симанский). Но силы покидали Владыку Павла. Во время Собора с тяжелейшим инфарктом он попал в клинику Склифосовского.

В ноябре 1944 года Синод ЭАПЦ²⁵ (Эстонской Апостольской Православной Церкви) под председательством протоиерея Христофора Винка²⁶ обратился к Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию²⁷ с прошением «принять клир и прихожан, находившихся в период немецкой оккупации в расколе, в каноническое ведение Матери-Церкви и восстановить статус ЭАПЦ как епархиальной Церкви»²⁸. В Таллинн прибыл архиепископ Псковский и Порховский Григорий²⁹, который провел совещание с членами Синода ЭАПЦ и в Никольском храме Таллинна совершил чин воссоединения клира и мирян, отколовшихся от Матери-Церкви.³⁰

9 марта 1945 года под председательством архиепископа Нарвского и Изборского Павла, временного управляющего Таллиннской епархией, состоялось совместное заседание Нарвского Епархиального совета и Синода ЭАПЦ, на котором было принято решение об упразднении Синода ЭАПЦ и учреждении единого временного (до решения Святейшим Патриархом и Священным Синодом вопроса о структуре Церкви) Епархиального совета, состоявшего из четырех членов и двух кандидатов в члены – поровну от русского и эстонского духовенства³¹.

Священный Синод Русской Православной Церкви под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия на своем заседании 12 апреля 1945 года заслушал доклад архиепископа Псковского и Порховского Григория о поездке в Эстонию и назначил архиепископа Нарвского

Архиепископ Павел (Дмитровский). 1944 год

и Изборского Павла на Таллиннскую и Эстонскую кафедру.

Но недолго сподобил Господь совершать архиепископу Павлу свое святительское служение в послевоенный период. Под его руководством к Пасхе 1945 года в Таллинне был вновь открыт (закрытый во время немецкой оккупации в 1941 году) Александро-Невский кафедральный собор. После Поместного Собора Владыка Павел часто болел, но, тем не менее, твердо стоял у руля своей епархии, направляя духовенство на восстановление церковной жизни, спасая своим авторитетом священников от репрессий, подбадривая паству в трудные послевоенные годы.

Архиепископ Павел почил 2 февраля 1946 года³². По распоряжению Святейшего

Патриарха Алексия (Симанского) отпевание в Таллиннском кафедральном соборе в сослужении местного духовенства совершил митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков).

Владыка Павел был добрым духовным отцом и воспитателем. Особенно он любил детей. Только после его кончины многие бывшие ученики Нарвской русской эмигрантской гимназии узнали, что плату за

их обучение в гимназии вносил их учитель Закона Божия – о. Павел Дмитриевский. Его кошелек был постоянно пуст, ибо все, что имел, он отдавал детям и бедным. Сам он жил очень скромно. За требовательностью и строгостью, а порой и даже резкостью Владыки скрывалось его любящее, снисходительное, всепрощающее, горячее сердце, всегда готовое помочь людям.

Использованная литература

Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917-1943. М., 1994.

Алексий II Патриарх Московский и всея Руси. «Православие в Эстонии». Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М., 1999. *Ашихмин Е., сост.* Нарвский архиерей. Нарва 1997. Журналы Московской Патриархии за 1945-1946 гг. Киреев Александр, протоиерей. Епархии и архиепископы Русской Православной Церкви в 1943-2002 годах. Москва, 2002.

Корнилий, митрополит Таллиннский и всея Эстонии. «О моем пути». Таллинн, 2009.

Православие в Эстонии. Исследования и документы в двух томах. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М. 2010.

Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. (Краткий исторический очерк) Таллинн, 1998.

Таллиннский пастырь. Протоиерей Валерий Поведский. Письма, проповеди, воспоминания. Православное издательское общество священномученика Исидора Юрьевского. Таллинн. 2001.

Примечания

- ¹ Газета «Старый Нарвский листок». 4.10.1937 г.
- ² Митрополит Георгий (Григорий Григорьевич Ярошевский, 1872-1923). В 1910-1913 гг. ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, епископ Ямбургский, викарий С.-Петербургской епархии. С 1918 года – архиепископ, с 1922 года – митрополит, Патриарший экзарх в Польше.
- ³ Шавельский Георгий Иванович (1871-1951), протопресвитер военного и морского духовенства (1911-1917), с 1920 года – в эмиграции в Болгарии.
- ⁴ Александр (Паурус, 1872-1953), митрополит Таллиннский и всея Эстонии. В 1944 году эмигрировал в Швецию.
- ⁵ ЕАА (Eesti Ajaloohiiv) 1655.2.2698.
- ⁶ ЕАА 1655.2.2698.
- ⁷ После вхождения в 1923 году Эстонской Православной Церкви в Константинопольский Патриархат Нарвское викариатство Санкт-Петербургской епархии было преобразовано в Нарвскую епархию. Первым правящим архиереем стал архиепископ Евсевий (Гроздов), бывший Псковский и Порховский. После его кончины в

1929 году епархией управлял митрополит Александр (Паурус).

⁸ ЕАА 1655.2.2895.

⁹ Августин (Петерсонс, 1873-1955), митрополит Рижский и всея Латвии. В 1944 году эмигрировал в Германию.

¹⁰ Герман (Аав, 1878-1961), архиепископ Карельский и всея Финляндии. Родился в Эстонии на острове Муху, в 1900 г. окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1904 г. рукоположен в сан священника, в 1922 г. Собором Финляндской Церкви был избран викарием архиепископа Финляндского и Выборгского Серафима (Лукьянова). С 1925 г. – глава Финской Православной Церкви, в 1960 г. ушел на покой.

¹¹ Николай (Николай Андреевич Лейсман, 1862-1947). В 1883 г. окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1887 г. – Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В 1887 г. рукоположен во пресвитера, с 1901 г. – протоиерей. В 1933-1940 гг. – епископ, а затем – архиепископ Печерский, настоятель

- Псково-Печерского монастыря. С 1940 г. на покое.
- ¹² Сергей (Воскресенский, 1897-1944), митрополит Виленский и Литовский, Патриарший экзарх Прибалтики.
- ¹³ Иоанн (Алексеев Георгий Михайлович, 1892-1966), архиепископ. В 1931 году рукоположен во священника, в 1937 году возведен в сан протоиерея. В 1955 году рукоположен во епископа Таллиннского и Эстонского. В 1961 году возведен в сан архиепископа и назначен на Горьковскую кафедру.
- ¹⁴ Исидор (Богоявленский Иван Яковлевич, 1879-1949), епископ. В 1905 году рукоположен во священника. С 1919 года в Эстонии. 1946-1947 гг. – ректор Ленинградской Духовной Академии и Духовной семинарии. В 1947 году рукоположен во епископа Таллиннского и Эстонского.
- ¹⁵ Ридигер Михаил Александрович (1902-1962). В 1941 году рукоположен во священника, в 1958 году возведен в сан протоиерея. Отец Святейшего Патриарха Алексия II.
- ¹⁶ Лозинский Ростислав Романович (1912-1994). В 1934 году рукоположен во пресвитера. В 1944-1957 гг. настоятель Успенского собора в Тарту. С 1957 году – клирик Ивановской епархии. 1969-1974 гг. настоятель храма Двенадцати Апостолов города Тулы. Доктор богословия, почетный гражданин города Тулы.
- ¹⁷ Корнилий (Якобс Вячеслав Васильевич), митрополит Таллиннский и всяя Эстонии. Родился 19.06.1924. В 1948 году рукоположен во пресвитера, служил настоятелем храма Марии Магдалины в Хаапсаду. 1951-1957 гг. – клирик Вологодской епархии. В 1957 году арестован и осужден на 10 лет лагерей, в 1960 году освобожден, в 1988 году реабилитирован. В 1960-1990 гг. – настоятель храма Иоанна Предтечи в Таллинне. В 1990 году пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Таллиннского. В 1995 году возведен в сан архиепископа, в 2000 г. – в сан митрополита.
- ¹⁸ Поведский Валерий Владимирович (1901-1973), протоиерей. Тайно рукоположен во пресвитера в 1938 году. Настоятель храмов в Таллинне: в 1944-1947 гг. – Скорбященского, в 1947-1959 гг. – Введенского подворья Пюхтицкого монастыря, с 1959 года и до кончины – Никольского храма на ул Вене.
- ¹⁹ Веревкин Василий Васильевич (1892-1958), протоиерей. Рукоположен во пресвитера в 1914 г., служил в Орловской епархии. Неоднократно подвергался арестам (в 1931, 1933, 1937 гг.). В 1943 году был привезен немцами в Эстонию. Освобожден из лагеря и назначен в храм Рождества Богородицы (Казанская церковь). Настоятель храма во имя Св.Николая в Копли (1944-1956). В 1946 году был арестован, но освобожден. С 1956 года на покое.
- ²⁰ Корнилий, митрополит. «О моем пути». Таллинн, 2009. С.54
- ²¹ ЕАА 1655.2.2908.
- ²² Газета «Мир Православия». №4 (97), апрель 2006 г. С.7.
- ²³ Николаев Алексей Павлович (1934-2009), диакон Таллиннского Александро-Невского собора (в 1977-1982 гг.), Нарвского Воскресенского соборов (в 1982-1991 гг.). С 1991 и до кончины за штатом.
- ²⁴ В состав делегации входили: протоиерей Иоанн Богоявленский, священник Александр Осипов и Вячеслав Якобс (ныне – митрополит Таллиннский и всяя Эстонии)
- ²⁵ Из состава членов Синода ЭАПЦ с митрополитом Александром эмигрировал лишь мирянин Т. Грюнвальд.
- ²⁶ Винк Христофор (1878-1972), митрофорный протоиерей. В 1901 году окончил Рижскую Духовную семинарию. 02.02.1908 г. рукоположен во пресвитера. Настоятель храма Иоанна Предтечи в Нымме в пригороде Таллина (в 1923-1960 гг.). Член Синода ЭАПЦ (в 1935-1937 гг.; в 1942-1945 гг.). С 1960 г. и до кончины – на покое.
- ²⁷ Алексей (Симанский Сергей Владимирович, 1877-1970), Патриарх Московский и всяя Руси (в 1945-1970 гг.). 28.04.1913 г. хиротонисан во епископа Тихвинского. В 1933-1945 гг. – митрополит Ленинградский и Новгородский
- ²⁸ Алексей, Патриарх Московский и всяя Руси. Православие в Эстонии. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М. 1999. С.421
- ²⁹ Григорий (Николай Кириллович Чуков, 1870-1955), митрополит. В 1895 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В 1924 –1935 гг. настоятель Николо-Богоявленского собора в Ленинграде. С 1927 года – магистр богословия. 14.10.1942 хиротонисан во епископа Саратовского, в 1944 –1945 гг. архиепископ Псковский и Порховский. С 7.09.1945 г. и до кончины – митрополит Ленинградский и Новгородский.
- ³⁰ Алексей, Патриарх Московский и всяя Руси. Православие в Эстонии. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М. 1999. С. 561-563
- ³¹ ЖМП, №4, апрель 1945 г. С. 3-6.
- ³² ЖМП, №7, июль 1946 г. С. 4.

Александр Гаврилин (Латвия)

Две земные жизни Петериса Курземниекса

«Воздаяние делающему вменяется
не по милости, но по долгу» (Римл. 4:4)

Несмотря на свою фамилию, Петерис Курземниекс¹ родился 22 марта 1891 года в Медзулской волости (Mēdzūlas pag.), Венденского (Цесисского, с 1925 года – Мадонского) уезда Лифляндской губернии. Следует отметить, что латышские уезды Видземе с 1840-х годов, т. е. с массового перехода латышей и эстонцев в православие, были местом концентрации латышских православных приходов. Так, в 1937 году из 51 православного видземского прихода в 49 приходах богослужение совершалось на латышском языке. Видимо, родители П. Курземниекса также перешли в православие в 40-х годах XIX века. В 1847-1850 гг. в Медзулской волости в православие перешли 315 человек. Сохранилось интересное свидетельство участника этого события, крестьянина Медзулской волости Иакова (Jēkaba) Кнаба, записанное в конце XIX века: в 1840-х годах в Медзуле «все только и говорили по углам и в тайне, перейдем в веру царя, там будет легче, будет правда, будет хлеб, будут и церковные господа»².

В конце XIX века Берзонский (Берзауне, Цесисский уезд) православный латышский священник Иоанн Борман (Jānis Bormanis) отмечал, что отличительной чертой видземского крестьянина является его необыкновенное трудолюбие, «которое у латышей считается главным достоинством как мужчины, так и женщины. Латыши малообщительны, по характеру вялы, молчаливы, мрачны и недоверчивы, что, нужно думать, происходит главным образом от того, что они живут отдельными, разбросанными дворами и смолоду свыкаются с одиночеством, с уединенной и однообразной жизнью. Каждый отдельный двор или усадьба – это свое самостоятельное царство»³. В свою очередь, настоятель Марциенской Св. Алексиевской церкви в 1895-1902 годах о. Иоанн Журавский выделял такую черту характера видземцев, как жажду знаний: «Латыши оказывают большое стремление идти вперед и обнаруживают сильную склонность к чтению, так что газеты и книги, издаваемые на их языке, разбираются

охотно»⁴. В начале XX века другой православный священник Петр Лепинь (Pēteris Lēpiņš) заметил, что православные латыши заметно отличаются от православных русских. Это различие, по мнению о. Петериса, можно объяснить тем, что «православие среди латышей существует всего пятьдесят с небольшим лет, а до этого времени латыши (говоря о массе) православных и не видели, следовательно, если не родители их, то деды их были обязательно лютеранами. Обращение (к православию – А.Г.) имело, сколько известно, большею частью характер обрядовый, внешний... Когда латыши присоединились, только тогда их стали знакомить с православием, и если родители еще не окрепли в познаниях о вере православной и ее обрядах, то, естественно, не могут сразу приучить и детей своих к исполнению этих обрядов. Неудивительно, если родители сами не соблюдают поста, ежедневно не совершают утренних и вечерних молитв, редко полагают на себя крестное знамение и дети не приучены к этому... В латышском населении еще имеется протестантская закваска, которую необходимо искоренять». Вместе с тем о. Петр отмечал высокий уровень религиозной нравственности среди православных латышей, их искренность в вере и готовность во имя ее на самопожертвование⁵.

Занимаясь крестьянским трудом, родители П. Курземниекса мечтали о том, что сын их получит хорошее образование и «выбьется в люди». Для православных латышей этот путь, как правило, лежал через церковно-приходскую школу и Духовное училище, после окончания которой лучшие продолжали учиться в семинарии. По этому пути и направили Курземниексы своего сына. Петерис Курземниекс окончил волостную школу и приходскую школы, в 1907 году – Рижское Духовное училище, в 1913 году окончил по 2 разряду Рижскую Духовную семинарию⁶.

Следует отметить, что Рижская Духовная семинария считалась одним из лучших средних учебных заведений прибалтийских губерний. Кроме того, в открытой в 1850 году семинарии было 120 казенных стипендий, с помощью которых дети неимущих слоев населения прибалтийских губерний могли бесплатно получить среднее образование. Семинария давала основательные знания по целому ряду богословских и гуманитарных дисциплин: Священному Писанию; обличительному богословию; литургики; гомилетики; по основному, догматическому и нравственному богословию; живописи; рисованию и иконописанию; философии; русской словесности; Всеобщей и российской истории; Библейской и церковной истории; логики; дидактики; немецкому, латышскому, эстонскому, французскому, еврейскому, латинскому, греческому языкам и др. Семинария отличалась своим преподавательским составом. Рижская епархия считалась миссионерской, православным форпостом в протестантском окружении, поэтому готовили будущих пастырей лучшие выпускники ведущих Духовных Академий Российской империи⁷.

Большинство выпускников Рижской семинарии после ее окончания принимали священнический сан, однако были и такие, которые, получив семинарское образование, продолжали учиться в светских учебных заведениях. К их числу принадлежал и Петерис Курземниекс. После семинарии он закончил бухгалтерские курсы Паэгле, чтобы в дальнейшем заняться бухгалтерским делом.

1 января 1914 года П. Курземниекс начал работать конторщиком Митавского (Елгавского) продовольственного магазина Интендантского ведомства XX армейского корпуса. 17 июня 1914 года Курземниекс стал помощником делопроизводителя Управления корпусного интенданта, с 12

сентября 1914 года – делопроизводителем. 17 июня 1915 года он получил чин коллежского регистратора, т.е. самый младший гражданский чин 14 класса, соответствующий прапорщику.

Во время Первой мировой войны П. Курземниекс продолжал работать в интендантской службе. 27 марта 1916 года он за «отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий», был награжден орденом Св. Станислава 3-ей степени, 18 сентября 1916 года был награжден орденом Св. Анны 3-ей степени, 12 февраля 1917 года – орденом Св. Станислава 2-ой степени. Несмотря на свою сугубо гражданскую должность, П. Курземниекс принимал участие в военных действиях и в подготовке военных операций, а также неоднократно попадал под артиллерийский и пулеметный обстрел⁸.

В связи с тем, что большевики распустили российскую армию, П. Курземниекс в феврале 1918 года демобилизовался. С 1918 по 1922 г. он был в Советской России, где, как он писал в своем личном деле, «находился на государственной службе»⁹. 22 сентября 1918 года П. Курземниекс обвенчался с Элизабете (Луизой, Елизаветой) Яковлевной (Jēkaba m.) Десс. Супруга была из семьи курляндских беженцев, эвакуированной в 1915 году в Центральную Россию. Луиза была на 6 лет старше своего мужа, родом из Бледенской волости Тукумского уезда. Будущий супруг настоял, чтобы венчание было в православном храме, поэтому Луиза перешла в православие. Обвенчал молодых настоятель православной церкви села Рудня Смоленской губернии о. Иоанн Бичевский¹⁰.

У супруги П. Курземниекса было слабое здоровье, поэтому в замужестве она никогда не работала и занималась домашним хозяйством. В семье Курземниексов не было детей, однако, судя по всему, Петерис и Луиза нежно любили друг друга. Во всяком случае,

Священник Петр Курземниекс со своей матушкой. 1948 год

П. Курземниекс всю свою земную жизнь называл Луизу в своих письмах не иначе, как «моя любимая супруга»¹¹.

В 1922 году чета Курземниексов вернулась в Латвию, и у Петериса начался новый период жизни – карьеры государственного чиновника Латвийской Республики. С 3 октября 1922 года по 7 февраля 1923 года П. Курземниекс работал внештатным чиновником канцелярии Налогового департамента Министерства финансов Латвийской Республики (ЛР); с 7 февраля 1923 года до 2 июля 1940 года – в Административном департаменте МВД: вначале – делопроизводителем Паспортного отдела, с 1925 года – старшим чиновником по особым поручениям, с 8 июля 1925 года – и. о. заведующего Паспортным отделом Административного департамента, наконец, с 1 апреля 1928 года – заведующим Паспортным отделом¹². Параллельно он закончил 4-годичный курс обучения Юридического отделения Народного Университета Латвии. Жалованье высокопоставленного чиновника позволяло Курземниексу снимать квартиру в самом центре Риги.

П. Курземниекс активно участвовал в приходской жизни Рижского кафедрального Христорождественского собора. Он неоднократно избирался членом Приходского Совета собора, несколько лет был вице-председателем Совета. В 1935 году Курземниекс вошел в состав Синода Латвийской Православной Церкви (ЛПЦ).

17 июня 1940 года Красная армия перешла государственную границу Латвии и в течение нескольких часов оккупировала латвийские земли. На следующий день в Ригу приехал эмиссар правительства СССР Андрей Вышинский, по указаниям которого было сформировано новое, просоветское правительство Латвии во главе с Августом Кирхенштейном, 14-15 июля были проведены выборы в Сейм. 21 июля Сейм провозгласил об образовании Латвийской ССР и уже 5 августа Латвия была принята в «семью братских народов» СССР, то есть перестала существовать как независимое государство, была аннексирована и инкорпорирована в состав СССР.

18 июля 1940 года П. П. Курземниекс обратился в Пенсионный отдел Министерства благосостояния с просьбой назначить ему пенсию по болезни, так как он не может более работать из-за «подорванного здоровья» и «не может работать без постоянной врачебной помощи»¹³. Кажется странным, что 49-летний мужчина внезапно решил уйти на пенсию по болезни. Интересно и то, что во время оформления документов на пенсию Курземниекс ссылался на факт своего длительного лечения у трех врачей, однако нигде не указал диагноз своего заболевания. Настоящая причина его ухода на пенсию, вероятно, была в советской власти. Новые хозяева уже в июле 1940 года начали чистку рядов государственных чиновников, меняя их на преданных коммунистическому режиму. Видимо, Курземниексу стало известно, что он рано или поздно будет уволен с государственной службы, поэтому и была придумана история о «подорванном на службе состоянии здоровья». Во всяком случае, советские органы власти с 1 декабря 1940 года прервали выплату Курземниексу пенсии, посчитав, что она ему начислена незаконно. Показательно и то, что бывший заведующий Паспортным отделом МВД после получения пенсии

переехал из столицы в маленький видземский городок Лубана. В условиях массовых арестов, развернутых коммунистическим режимом, такой переезд вряд ли можно объяснить только заботой Курземниекса о поправке своего «подорванного на службе здоровья», а скорее попыткой бывшего чиновника, располагавшего ценной для новой власти информацией, скрыться с глаз всемогущего НКВД. Не случайно уже в июле 1941 года, с начала немецкой оккупации, семья Курземниексов вернулась в Ригу, а с января 1942 года П. Курземниексу была возобновлена выплата пенсии.

Летом 1944 года война вновь пришла на территорию Латвии. По плану германского командования, разработанному в начале 1944 года, в случае приближения линии фронта к латвийской земле, ее необходимо было в течение четырех недель полностью обезлюдеть, однако стремительное наступление советских войск позволило лишь частично реализовать этот план. С августа 1944 года латвийскую территорию имели право покинуть все лица, старше 48 лет. Этой возможностью и воспользовалась семья Курземниексов, решив эвакуироваться на время военных действий. В августе 1944 года они оставили латвийскую территорию.

Следует отметить, что в этот период эвакуированных из Латвии людей отправляли на пассажирских пароходах или поездом на оккупированные немцами территории, где им предоставляли жилье, продовольственные карточки, обеспечивали медицинской помощью и т.п. Вплоть до середины осени 1944 года германская эвакуационная система функционировала очень четко, однако уже во второй половине октября из-за огромного наплыва людей начала давать сбои, чтобы весной 1945 года окончательно сломаться. Курземниексам в известной степени повезло, так как им были предоставлены жилье и пропитание. Осенью-зимой 1944 года они проживали в Берлине, а

затем выехали в Баварию, где вначале жили на статусе эвакуированных, а после мая 1945 года – в качестве так называемых «перемещенных лиц», т. е. Displace Persons (DP).

К концу войны на территории Центральной и Западной Европы скопилось около 7 млн. человек, отнесенных к перемещенным с территории СССР с начала Второй мировой войны, то есть с 1 сентября 1939 года, лицам, которых необходимо было репатриировать на родину. Западные державы, руководствуясь тем, что к моменту начала Второй мировой войны балтийские страны не входили в состав СССР, не считали беженцев и эвакуированных из Прибалтики советскими подданными и не понуждали их к репатриации. Осенью 1945 года в лагерях западной зоны оккупации было зарегистрировано свыше 150 тысяч выходцев из Латвии (в 1947 году – 120 тысяч). Они были разбросаны по 294 лагерям DP, расположенным на территории Германии, Австрии и Дании. Курземниксы оказались в американской зоне оккупации, в которой находилось 55% латвийских беженцев¹⁴.

У каждого «перемещенного лица» была крыша над головой, как правило, в общем бараке, ему выдавали продовольственные карточки, которые отоваривались только в том лагере, в котором был зарегистрирован DP. Согласно исследованию, проведенному в 1947 году Латышским Центральным Комитетом, никто из латышских «перемещенных лиц» не умирал с голода, однако большинство DP из-за недостаточного питания страдали от таких заболеваний, как малокровие, различных легочных, неврологических и желудочных заболеваний. Многие обитатели лагерей, не зная чем закончится их временное положение, находились в угнетенном психологическом состоянии, поэтому были согласны уехать куда угодно, лишь бы вырваться из лагеря¹⁵. Кроме того, большинство перемещенных лиц боялись, что их насильно вывезут в

СССР, что для многих означало верную гибель. В этой ситуации DP объединялись вокруг церквей, получая в них духовную помощь.

31 августа 1945 года в баварский лагерь Амберг прибыла группа латвийского православного духовенства во главе с епископом Рижским Иоанном (Гарклавсом, 1898-1983). Они наравне с духовенством Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) начали окормлять православных латвийских DP. К началу 1948 года группа латвийского православного духовенства во главе с епископом Рижским Иоанном (Гарклавсом) обслуживала 18 постоянных лагерных приходов, а также отдельные группы православных, которые не имели возможности в своих лагерях зарегистрировать приходы (общее количество прихожан – 2 800 человек)¹⁶.

20 ноября 1946 года на встрече епископа Рижского Иоанна и заштатного латвийского митрополита Августина (Петерсона, 1873-1955), состоявшейся в санатории Фелбахе (у Штутгарта), в котором митрополит находился на лечении, было подписано соглашение о создании новой церковной структуры – ЛПЦ в эмиграции. По этому соглашению ЛПЦ в эмиграции являлась автономной церковной организацией, руководителем которой считался митрополит Августин, а в случае его болезни или других обстоятельств, мешающих ему выполнять эту обязанность, Церковью управлял епископ Иоанн¹⁷. Этот пункт соглашения был чистой формальностью. Митрополит Августин безвылазно находился в туберкулезном санатории, поэтому его руководство ЛПЦ в эмиграции могло быть лишь «на бумаге», фактически же Церковью управлял епископ Иоанн и Синод.

Синод ЛПЦ в эмиграции с февраля 1947 по май 1949 года провел 12 заседаний, на которых решались актуальные вопросы церковной жизни. Православные латвийцы

переводились из одного лагеря в другой, кто-то эмигрировал в другие страны, поэтому отдельные приходы переставали функционировать. Вместе с тем необходимо было оборудовать храмы в тех лагерях, в которые перемещали православных латышей. В 1947 году Синод ЛПЦ в эмиграции принял решение освятить новые храмы в следующих лагерях ДР: в Фулде (Hessen), в Ансбахе (Ansbach), в Шорндорфе (Schorndorf), в Валке (Walk, православный приход в этом лагере был основан 30 ноября 1947 года). Тем не менее, общее количество приходов, признававших Синод ЛПЦ в эмиграции, постепенно сокращалось (в начале 1948 года Синод ЛПЦ в эмиграции признавали 18 приходов, к концу 1948 года – 11 приходов). К 1948 году из-за эмиграции духовенства и перехода отдельных латвийских православных священников в РПЦЗ с епископом Иоанном (Гарклавсом) осталось только 8 священников. Нужны были новые священники, однако подходящих кандидатов не было.

С 1947 года Курземниексы проживали в лагере Walk, где принимали самое активное участие в жизни прихода Вознесенской лагерной церкви. Идея рукоположения П. Курземниекса в священника была обоюдной: для окормления новых приходов епископу Иоанну нужны были пастыри, в свою очередь, сам П. Курземниекс всегда мечтал принять на себя священнический сан. Он прекрасно знал весь богослужебный цикл, знал клиросное пение, имел соответствующее для принятия сана образование, достаточный опыт церковной жизни.

23 апреля 1948 года П. Курземниекс попросил Владыку Иоанна «исследовать и признать меня ничтожного достойным принять на себя высокую и полную ответственности задачу, и не препятствовать посвящению моему в священника Вознесенской церкви латышских лагерей Valka и Fishbuch. Совет прихода попросил меня

взять на себя обязанность пастыря Вознесенской церкви»¹⁸. Уже на следующий день самый опытный священнослужитель латвийской православной группы протоиерей Николай Перехвальский (1874-1966) подвел П. Курземниекса к присяге, а 25 апреля в православной церкви лагеря Амберг епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) рукоположил его в диакона.

Интересно отметить, что рукоположение П. Курземниекса в священника задержало то, что в лагерях было невозможно найти еще одно священническое одеяние, а ни у Курземниекса, ни у Синода ЛПЦ в эмиграции не было средств, чтобы купить его. Только после неоднократных обращений в ИРО (The International Refugee Organization)¹⁹, наконец, удалось достать еще одну рясу и подрясник. 5 мая 1948 года протоиерей Николай Перехвальский вновь принял от о. Петра Курземниекса присягу. 6 мая во время Божественной Литургии в Вознесенской церкви лагеря Walk епископом Иоанном (Гарклавсом) диакон Петр Курземниекс был рукоположен в священника лагерных приходов Walk, Fishbuch, Dinkelsbül, Amberg и приступил к исполнению обязанностей настоятеля этих приходов. Позднее к списку лагерей, которые обслуживал о. Петр Курземниекс, добавились еще Augsburg, Karlsruhe и Ulm.

Так как сам о. Петр проживал в лагере Walk, его основным приходом считался Walk- Fishbuch, в котором находилась лагерная Вознесенская церковь. Как писал о. Петр, этот приход состоял из бывших латвийских, эстонских и российских подданных. В 1948 году общая численность прихожан составляла 211 человек (75 мужчин, 101 женщина и 14 детей в возрасте до 14 лет). 26 декабря 1948 года приходской Дамский комитет организовал елку, на которой 72 детям были вручены подарки.

Богослужения в Вознесенском храме лагеря Walk совершались каждые

Слева направо: о. Леонид Ладинский, о. Николай Виеглайс, епископ Иоанн (Гарклавс), о. Петр Курземниекс, о. Николай Перехвальский. 1948 г.

субботу-воскресенье, исключая первые субботу-воскресенье каждого месяца, когда о. Петр служил в лагере Karlsruhe. Богослужения в Вознесенском храме регулярно посещало около 40 человек. Сопровождал богослужения хор под управлением А. Пантелеева. Каждую среду читались Акафисты. Кроме того, богослужения совершались во все праздничные дни и накануне их, а также в государственные праздники Латвийской Республики. Священник отмечал также, что он преподает Закон Божий в лагере Walk – в гимназии (3 учащихся, 2 часа в неделю) и в основной школе (13 учащихся, 2 часа в неделю), а также в основной школе лагеря Fishbuch (5 учащихся, 1 час в неделю). Летом о. Петр раз в неделю проводил с молодежью беседы на религиозно-нравственные темы²⁰.

21 ноября 1948 года о. Петр Курземниекс за «усердие в исполнении своих обязанностей» был награжден саном протоиерея с

правом ношения камилавки и золотого наперсного креста²¹.

Еще 1 октября 1947 года епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) обратился к митрополиту всея Америки и Канады Феофилу (Пашковскому, 1874-1950) с просьбой принять его самого и подчиненное ему латвийское духовенство «в состав клира Вашей Автономной Церкви». В своем прошении Владыка Иоанн подчеркнул, что «в связи с постепенной эвакуацией моей паствы и общим положением, создавшимся с организацией IRO, по которому все перемещенные лица должны быть эвакуированы, мне кажется своевременным упорядочить мое положение и в смысле переселения, а также и церковно-канонического подчинения. Полагая, что значительная часть прибалтийцев найдет свою новую родину в Соединенных Штатах Америки и Канаде и войдет в состав Вашей паствы, прошу содействия Вашего Высокопреосвященства в

деле переселения меня и моих ближайших сотрудников в Соединенные Штаты»²². Собранный 12-13 ноября 1947 года в Сан-Франциско Собор епископов Северо-Американской Митрополии (САМ) удовлетворил просьбу епископа Иоанна. В результате, в 1948 году латвийская группа православных священников уже ожидала от американских властей формального разрешения на переезд в США. В мае 1948 года Синод ЛПЦ в эмиграции принял решение, что в случае переезда за океан епископа Иоанна административно-хозяйственное руководство приходами ЛПЦ в эмиграции на территории Баварии примет на себя протоиерей Леонид Ладинский, а в случае его отъезда – священник Петр Курземниекс²³.

Летом 1949 года о. Петр Курземниекс доложил епископу Иоанну, что лагеря, приходы которых он обслуживает, ликвидируются: «количество прихожан ничтожно, трудно организовать богослужение». В октябре 1949 года Курземниексов перевели в лагерь Ulm, где о. Петр стал совершать богослужения на церковно-славянском языке, так как все его прихожане были по национальности русскими. Кроме того, осенью 1949 года он служил также в лагерях Швейнфурт, Нирицбург, Диллинген и Аугсбург. Однако уже в ноябре 1949 года о. Петр писал, что его прихожане «уезжают, нет певцов и псаломщиков, как и людей, которые могли бы на местах организовывать богослужения. В декабре, надеюсь, смогу организовать богослужения во всех своих приходах, а в январе – не надеюсь, так как, вероятно, останутся лишь старики и дети»²⁴.

Наконец, настала очередь и самих Курземниексов покинуть германские лагеря DP. 12 марта 1950 года в порт Нью-Йорка вошел пароход «General Grelly», на борту которого была семья Курземниексов.

Вначале Митрополичий Совет САМ не смог подыскать о. Петру вакантный приход,

между тем, как у семьи Курземниексов не было никаких средств к существованию. Выручили знакомые, которые нашли о. Петру работу на ферме в штате Коннектикут. Как рассказал сам о. Петр, его с матушкой трудоустроили, «как вспомогательную рабочую силу в саду, во дворе и на уборке трех домов. В прошлое воскресенье явился наш работодатель и назначил мне работы... Работы в поле сейчас очень много. Содержат хорошо». Бывшего чиновника МВД Латвийской Республики совсем не смущала черная работа. По словам о. Петра, единственным неудобством в его новом положении было то, что работодатель отказался приютить супругу священника, для которой пришлось искать жилье в другом месте²⁵.

В августе 1950 года о. Петр был назначен на приход в Smoky Lake. Перед поездкой к месту своего назначения о. Петр побывал в Нью-Йорке, где присутствовал на венчании в Св. Покровском кафедральном соборе приемного сына епископа Иоанна (Гарклавса) – Сергея с Александрой Иовиной. На свадьбе, состоявшейся там же в соборе, были Владыка Иоанн (Гарклавс), протоиерей Николай Перехвальский с семьей, семьи Ладинских, Храмовых, Рейнгаузенных, Курземниексов, т.е. «почти весь православный Амберг-Герсбрук»²⁶. Это была последняя встреча латвийских священно и церковнослужителей в таком составе. В дальнейшем они жили и работали в разных концах США и Канады, поэтому встречались друг с другом лишь на Всеамериканских Соборах.

В приходе в Smoky Lake о. Петр Курземниекс впервые столкнулся с порядком, царившем в САМ, о котором его предупредил епископ Иоанн (Гарклавс): все в Церкви решал не митрополит или Митрополичий Совет, а приходские Церковные Комитеты, которые назначали настоятелю жалование, поэтому считали вправе

решать – принять или не принять на приход того или иного священника. Епископ Иоанн считал, что основной слабостью САМ было полное отсутствие церковной дисциплины – «каждый приход полностью независим, можно даже сказать, что автокефален, со своим уставом, и с Митрополией мало считается»²⁷. И, действительно, приход в Smoky Lake, на который был назначен о. Петр Курземниекс, отказался его принять. Этот приход, как многие приходы САМ, был украинским по своему национальному составу, а, по мнению приходского Комитета, о. Петр Курземниекс в недостаточной степени владел украинским языком²⁸.

После настойчивых просьб благочинного протоиерея Иоанна Ковальчука о. Петра Курземниекса согласился принять приход Петропавловской церкви в Washao Alberta, расположенный в Канаде. В ноябре 1950 года о. Петр подробно рассказал епископу Иоанну (Гарклавсу) о том, как его приняли в этом приходе: «Старшина Комитета сказал мне, что они думают мне назначить жалованье 200 долларов в год. Я на это ответил, что тогда я буду вынужден умереть с голода. Он ответил, что они еще обговорят этот вопрос... Понятно, что они пытаются использовать мое безвыходное положение». Оказалось, что в обязанности священника, помимо совершения богослужений и треб, входила также уборка церкви, заготовка дров и отопление церкви. Кроме того, священник должен был сам звонить в колокола.

Курземниекс начал с того, что вместе с матушкой тщательно вычистил помещение церкви, в которой давно не служили, поэтому весь пол был покрыт толстым слоем мертвых мух. Причтовый дом был также сильно запущен, так как в нем два месяца никто не жил. После приведения в порядок жилого дома о. Петр с матушкой два дня складывали дрова, привезенные

для отопления храма и причтового дома. Наконец, 13 октября о. Петр совершил свое первое на американском континенте богослужение.

Как написал потом священник, на первых двух его богослужениях присутствовала только его матушка Елизавета. 15 октября на богослужении было около 30 человек, 22 октября – уже около 50 человек. После этой службы о. Петр впервые в жизни прочитал проповедь на буковинском диалекте, которую ему помог подготовить его сосед-фермер. Уже с первых дней пребывания в приходе о. Петр стал пытаться говорить на языке своей паствы – «на помеси русского, украинского, буковинского, галицкого и английского языков». По словам священника, «местный народ зажиточный, но совсем малообразованный, отношение людей к нам доброе... 4 ноября буду служить в соседнем приходе, а 12 ноября в своем храме. Посмотрим, подойду ли я им, так как моего предшественника, который прослужил год, признали неподходящим, и последние 1,5 года этот приход обслуживал о. благочинный. Приход раскололся на две части, одна часть присоединилась к Автокефальной Украинской Церкви. Латышский священник, похоже, им более подходит, чем русский, хотя пока трудно понять, чего же они хотят»²⁹.

По словам о. Петра, его паства в Washao Alberta привыкла в священнике видеть «автомат, который за свою работу собирает гроши... Вообще народ странный, в нем мало заметны лучшие черты русских и украинцев. Оговоры, сплетни, зависть пустили здесь глубокие корни». Как настоящий христианин, о. Петр вину за проступки прихожан возлагал на своих предшественников и на самого себя, считая, что паства духовно запущена, поэтому нужно уделять ей больше внимания.

В конце 1950 года о. Петр познакомился с канадской зимой, когда «дни проходят

в борьбе со снегом и холодом... Во время праздничного богослужения пел хор, правда, слабый, читал дьяк, были молящиеся... Хотя и топили, но натопить наш очень большой и очень холодный храм невозможно... Из-за мороза люди мало ходят в церковь... По заснеженным дорогам объехал со святой водой почти все фермы своих прихожан и в каждом доме совершил молебен Св. Троице (величание) на многие лета». Так как из-за сильного мороза люди перестали приходить на службы, о. Петр стал совершать богослужения в большой комнате квартиры священника, которую можно было хорошо натопить³⁰.

В середине марта 1951 года приход о. Петра Курземниекса накрыл сильнейший снежный буран, в результате которого было прервано сообщение, и община оказалась «изолированной от всего мира. Это будет до того времени, пока уборщик снега не очистит дорогу от сугробов, которые местами выше человеческого роста»³¹. В свою очередь, снег сменился такой непролазной грязью, что было невозможно добраться даже до ближайшего соседа, а также густым туманом и проливным дождем. Правда, дождю о. Петр был даже рад, так как он ему напомнил о «нашей милой, старой Риге»³².

14 марта 1951 года епископ Детройтский и Кливлендский Иоанн (Гарклавс) обратился к митрополиту всея Америки и Канады Леонтию (Туркевичу, 1876-1965) с просьбой перевести протоиерея Петра Курземниекса на какой-нибудь другой приход, расположенный поближе к границам США. Свою просьбу Владыка Иоанн обосновал тем, что у о. Петра была только временная виза, которую каждые полгода нужно было продлевать. Между тем, его нынешний приход находился слишком далеко от канадско-американской границы, а жалованье Курземниекса не позволяло ему два раза в год совершать поездки в США для продления

визы. Епископ Иоанн напомнил митрополиту, что протоиерей Петр Курземниекс беспрекословно принял предложение епископа Бруклинского Иоанна (Шаховского, 1902-1988) назначить его настоятелем маленького, отдаленного канадского прихода, «который он обслуживает до сих пор, несмотря на то, что со стороны прихода были нарушены даже те скромные условия, которые ему были обещаны»³³.

В апреле 1951 года протоиерей Петр Курземниекс был назначен настоятелем Воскресенского прихода в Ванкувере. Он с восторгом встретил это назначение, назвав Ванкувер «прекрасным, величавым городом», а принадлежащую Русскому Православному обществу Ванкувера Воскресенскую церковь – «светлым, удивительным храмом». В Ванкувере ему понравилось буквально все: теплый и сердечный прием епископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского), «интеллигентные, доброжелательные» прихожане, встречи с бывшими рижанами. В отличие от предыдущего прихода, в Ванкувере о. Петр стал ежемесячно получать жалованье – 85 долларов. Правда, в новом приходе его нагрузка резко увеличилась, так как «надо работать в школе, которая действует при церкви, надо окормлять больных и пожилых людей, посещая их на дому. Это необязательно, но я это буду делать с удовольствием, чтобы, укрепляя других, укреплять и себя самого»³⁴.

Первый домовый православный храм в Ванкувере появился в 1925 году. Община быстро росла, поэтому уже в 1929 году был построен вместительный и благолепный храм во имя Воскресения Христова. Богослужения в ванкуверском храме совершались по субботам, воскресеньям, средам и на все праздники. Кроме того, о. Петр посещал больных в домах и больницах, совершал церковные требы. По словам Курземниекса, работы ему «всегда было достаточно. Работаю в субботней школе

и частично обслуживаю духовные запросы местной колонии сербов, так как у них нет своего священника». В Ванкувере проживали и латыши, все они регулярно навещали Курземниексов³⁵. В целом, о. Петр, действительно, был очень доволен своим новым положением и даже стал задумываться над постройкой нового, более вместительного здания церкви.

Настоящим праздником для протоиерея Петра Курземниекса и его паствы был приезд в Ванкувер в сентябре 1952 года епископа Иоанна (Гарклавса) с Тихвинским Чудотворным Образом и еще одного его земляка – протоиерея Алексия Ионова. Вторично Владыка Иоанн (Гарклавса) с Тихвинской иконой посетил Ванкувер в ноябре 1966 года. В это время о. Петр уже не служил в Воскресенском храме, однако специально приехал в Ванкувер, чтобы приложиться к великой православной святыне и встретить своего земляка.

В начале 1950-х годов городские власти приняли решение снести Воскресенскую церковь, так как она мешала постройке нового моста. Правление Русского Православного общества (РПО) Ванкувера во главе с С. М. Сергеевым решило на предложенные городом 50 тысяч долларов компенсации построить новый трехкупольный храм, зал РПО и дом настоятеля прихода. Местный архитектор Лорд подготовил проект, и в сентябре 1953 года Правление РПО в Ванкувере начало строительство нового храма. 26-27 декабря 1953 года произошло торжественное освящение закладки храма и уже к концу 1953 года над храмом возвели два купола, а причтовый дом перекрыли крышей. Рассказав епископу Иоанну (Гарклавсу) об этом радостном событии, о. Петр поделился с Владыкой Иоанном и своей бедой: «Одна большая беда и забота сжимает

Воскресенский собор в Ванкувере. 2011 год

мое сердце – тяжелая болезнь моей матушки. Третий месяц она привязана к постели инфлюэнцией, которая ее совсем замучила температурой и постоянным потом. Сейчас страдает от последствий инфлюэнции»³⁶.

Новый храм строился так быстро, что уже в мае 1954 года прихожане перенесли из старой в новую церковь иконостас и иконы. Протоиерей Петр Курземниекс не смог принять участие в этом торжестве. В начале мая он сообщил всем своим друзьям, что его «любимая и всегда отзывчивая матушка Елизавета 2 мая тихо уснула в Божием покое. Похоронили 5 мая протоиерей Павел Жиромский с диаконом Саниным из Сиэтла... Надо жить, надо работать и просить у Господа, чтобы дал покой и силы служить»³⁷.

После кончины матушки о. Петр целиком ушел в работу по завершению строительства нового храма и подготовке великого освящения. За заслуги в возведении нового Воскресенского храма в Ванкувере протоиерей Петр Курземниекс 25 июня 1954 года был награжден Благословенной Грамотой Митрополичьего Совета САМ. 11 июля 1954 года митрополит всея Америки и Канады Леонтий (Туркевич) совершил великое освящение нового Воскресенского храма в Ванкувере, после чего наградил о. Петра Курземниекса палицей.

Св. Николаевский храм в
Портланде. Начало XXI века

В 1955 году РПО привело в порядок участок земли вокруг храма и приобрело дом для настоятеля прихода. Строительство нового храма обошлось в 75 тысяч долларов, кроме того, за 6 тысяч долларов был куплен дом для настоятеля. Однако православная община горячо поддержала идею постройки нового храма, щедро жертвовала на него, поэтому уже к 1959 году РПО Ванкувера полностью расплатилось со всеми долгами и смогло найти средства для росписи храма и написания для него новых икон (эту работу в 1959–1960 гг. осуществил иконописец Н.С. Задорожный)³⁸.

Протоиерей Петр Курземниекс владел хорошим литературным русским языком. Заметив это, митрополит Леонтий благословил его на написание статей о жизни ванкуверской православной общины и на издание своих проповедей. В результате, во второй половине 1950-х годов в русскоязычных изданиях САМ, в основном – в журнале «Русско-Американский Православный Вестник» и в газете «Свет», вышел ряд публикаций о. Петра.

29 июня 1961 года Митрополичий Совет наградил протоиерея Петра Курземниекса золотым крестом с украшениями. Между тем, казалось бы, безоблачные отношения между Правлением РПО Ванкувера и настоятелем Воскресенского храма постепенно ухудшались. По мнению о. Петра, чем дальше, тем больше новое Правление

Общества во главе с А.Е. Портновым забывало о том, что в его названии есть прилагательное «Православное» и стало смотреть на Воскресенскую церковь, как лишь на одно из направлений деятельности РПО, такое же, как Кружок любителей сценического искусства, Дамский кружок и др.

Особенно обострились отношения о. Петра с Правлением РПО в 1961 году, когда один из попечителей РПО Р. Ивахник объявил о предстоящем осенью 1961 года венчании своей дочери и потребовал, чтобы молодых венчал о. Петр Курземниекс в сослужении со священником Московского Патриархата о. Иоанном Маргитичем. Настоятель Воскресенского храма наотрез отказался это делать, объяснив Правлению Общества, что сослужение со священником другой церковной юрисдикции ему может разрешить только правящий архиерей. Председатель Правления РПО А.Е. Портнов обратился за справкой к епископу Сан-Францисскому Иоанну (Шаховскому), который дал ему отрицательный ответ, поддержав позицию о. Петра. Такой же ответ Правление РПО получило и от архиепископа Бостонского и Нью-Инглендского Иринья (Бекиша, 1892–1981). В ответ на это Ивахник заявил, что впредь ни он сам, и никто из членов его семьи не будут помогать материально ни Воскресенской церкви, ни РПО Ванкувера. Несмотря на то, что о. Петр был прав в этом конфликте, Правление РПО было им недовольно, так как считало, что благодаря принципиальности Курземниекса РПО понесло значительные материальные убытки³⁹.

Зная о сложных взаимоотношениях о. Петра с Правлением РПО Ванкувера архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский Иоанн (Шаховской) в конце июня 1962 года предложил ему с 1 сентября перейти на Св. Николаевский приход г. Портланд (Портленд), штат Орегон. Протоиерей Петр Курземниекс

согласился принять это предложение, однако для того, чтобы занять это место, ему было необходимо оформить канадское или американское гражданство. На время оформления о. Петром необходимых документов архиепископ Иоанн освободил его от настоятельства Воскресенским храмом в Ванкувере и причислил к Св. Троицкому собору в Сан-Франциско с правом постоянного жительства в Ванкувере для занятия миссионерской деятельностью в Британской Колумбии. Наконец, все формальности были соблюдены, и 8 января 1963 года о. Петр вступил в должность настоятеля Св. Николаевского храма г. Портланд⁴⁰.

Один из самых живописных американских городов Портланд был основан в 1851 году в месте слияния рек Вилламет и Колумбия. К 60-м годам XX века население города достигло уже полмиллиона человек. В 1890 году в городе была построена православная часовня во имя Пресвятой Троицы. Численность православных в Портланде постепенно росла, и в 1927 году была зарегистрирована православная община, которая уже в 1928 году построила храм, освященный во имя Святителя Николая⁴¹.

Община Св. Николаевской церкви тепло приняла нового настоятеля. Немаловажным было то обстоятельство, что и эта община в 1960-х годах являлась русскоязычной, в свою очередь, о. Петр владел русским языком наравне с родным латышским. В мае 1964 года приходской Совет Николаевской церкви постановил учредить в Св. Владимирской Духовной семинарии стипендию имени покойного старосты Николаевского прихода Владимира Олейника. Стипендия выплачивалась в течение 7 лет в размере 500 долларов в год. Митрополит Леонтий, прочитав донесение о. Петра об учреждении стипендии, написал: «Радуюсь доброму почину и отзывчивости старейшего прихода. Вечная память рабу Божию Владимиру! Считаю нужным обеспечить

эту стипендию для православного жителя Аляски, который пожелает служить в священном сане у себя на Родине»⁴².

На Всеамериканском Соборе 1965 года митрополитом всея Америки и Канады был избран Ириней (Бекиш). Посетив в 1967 году канадские приходы, митрополит, познакомившись с протоиереем Петром Курземниексом, предложил ему принять сан епископа Монреальского и Канадского. Курземниекс отказался от этого предложения, сославшись на свой преклонный возраст. Тем не менее, чуть позднее митрополит Ириней повторил свое предложение, однако и на этот раз о. Петр отказался от хиротонии⁴³.

Определением Большого Собора епископов от 21 марта 1968 года протоиерей Петр Курземниекс был награжден митрой. К этому времени о. Петру исполнилось уже 77 лет, и он начал думать о пенсии. В июле 1970 года митрофорный протоиерей Петр Курземниекс попросил уволить его за штат, т.е. уйти на пенсию. Указ об увольнении о. Петра на пенсию архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский Иоанн (Шаховской) подписал 18 июля 1970 года, написав следующие слова: «Выражаю о. митрофорному протоиерею Петру свою самую сердечную признательность за его долголетнее жертвенное служение душам человеческим Портландского прихода. Призываю милостивое Божие благословение на жизнь его и молитвы за людей»⁴⁴.

Протоиерей Петр Курземниекс попросил приписать его сверх штата к ванкуверскому Свято-Воскресенскому храму, который он когда-то сам строил. Немаловажным для о. Петра было и то обстоятельство, что в Ванкувере была похоронена его горячо любимая супруга.

2 сентября 1970 года о. Петр сдал портландский храм священнику Иакову Лабо и отбыл в Ванкувер. Впредь он изредка служил в Свято-Воскресенском соборе

Ванкувера, подменяя настоятеля храма викарного епископа Эдмонтонского Иосафа (Антонюка, 1897-1978).

Митрофорный протоиерей Петр Курземникс скончался 16 апреля 1975 года, похоронен на кладбище Моунтэйн Вью в Ванкувере. Ушел из жизни человек, в котором

органически соединились две земных жизни, две ипостаси – успешно подымавшегося по карьерной лестнице чиновника, сначала российского, а потом латвийского, и православного священника – ревностного пастыря, молитвенника и бесребреника.

Примечания

- 1 «Курземникс» в переводе с латышского означает «родом из Курземе» (Западная Латвия), «курляндец».
- 2 Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии Наук (далее – НАИИМКРАН), ф.4, д.155, л.46-47.
- 3 Там же, л.3.
- 4 Описание церкви, кладбища, школ, местности в церковно-историческом и археологическом отношении, топографическом, этнографическом, бытовом, военном и вообще историческом по Марценскому православному приходу, Керстенбемского благочиния. Рижской Епархии. 1895 год// Православие в Латвии. Исторические очерки. Сборник статей под ред. А.В. Гаврилина. Вып.7. Рига. 2008. – С.149.
- 5 Лепинь Петр, свящ. Латышские стипендии при духовно-учебных заведениях в связи с обрусением латышей// «Полоцкие Епархиальные Ведомости». 1908 г. №17. – С. 361-371.
- 6 The Archive of the Orthodox Church in America (далее – АОСА). XVI. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Iesvētāmā Pētera Kurzemnieka nopratināšana. Hersbruka. 1948.g. 23.04. ».
- 7 Список лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Рижской епархии с краткими биографическими сведениями// «Рижские Епархиальные Ведомости». 1907 г. №21. – С.817-819.
- 8 Латвийский Государственный Исторический архив (далее – ЛГИА), ф.5213, оп.16, д.15503, л.12.
- 9 Там же, л.9.
- 10 АОСА. XVI. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Iesvētāmā Pētera Kurzemnieka nopratināšana. Hersbruka. 1948.g. 23.04. ».
- 11 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskapam Jānim (Garklāvam). 14.05.1954.g.».
- 12 ЛГИА, ф.5213, оп.16, д.15503, л.10.
- 13 Там же, л.9.
- 14 Latvija Otrajā pasaules karā (1939.-1945.). Apgāds «Jumava».2008. – 473.- 474.lpp.
- 15 АОСА. XVI. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Latviešu trimdinieku bioloģiskais sastāvs».
- 16 Там же, «Протоиерей Николай Виеглайс. Латвийская Православная Церковь в USA зоне».
- 17 Там же, «Latvijas Pareizticīgas Baznīcas Virsganu vienošanās protokols par Baznīcas organizāciju emigrācijā. 1946.g.20. oktobrī».
- 18 Там же, «Pētera Kurzemnieka lūgums bīskapam Jānim (Garklāvam). Hersbrukā, 1848.g.23.aprīlī».
- 19 Международная организация беженцев, созданная ООН 20 апреля 1946 года для оказания помощи беженцам, появившимся в результате Второй мировой войны.
- 20 АОСА. XVI. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Священник Петр Курземникс. Обзор деятельности православного прихода Валк-Фишбах в 1948 году».
- 21 Там же, «Rīgas bīskapa Jāņa rīkojums Pēterim Kurzemniekam.1948.g. 21. novembrī».
- 22 Там же, «Письмо епископа Рижского Иоанна митрополиту всея Америки и Канады Феофилу от 1 октября 1947 г.».
- 23 Там же, «Latvijas Pareizticīgo Baznīcas Sinodes emigrācijā 1948.g. 14. maijā sēdes protokols №5.».
- 24 АОСА. Manuscript Division: Papers of Archbishop John (Garklavs), «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskapam Jānim. 1949.g. 2. augustā», «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskapam Jānim. 1949.g. 13. oktobrī», «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskapam Jānim. 1949.g. 25. novembrī».
- 25 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskapam Jānim. 1950.g. 5. aprīlis. Brookfield, Conn.».
- 26 Там же, «Письмо епископа Иоанна (Гарклавса) Л. И. Андреевой от 8 сентября 1950 г.».
- 27 Там же, «Bīskapa Jāņa vēstule Pētera tēvam (P. Kurzemniekam). 1949.g. 20.decembrī», «Bīskapa

- Jāņa vēstule Jāņa tēvam (Jānim Baumanim). 1949.g. 21.decembrī».
- 28 Там же, «Письмо протоиерея И. Ковальчука епископу Иоанну (Гарклавсу) от 11 августа 1950 года».
- 29 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskāpam Jānim (Garklāvam). 1950.g. 13. novembris».
- 30 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskāpam Jānim (Garklāvam). 1951.g. 20. februāris».
- 31 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskāpam Jānim (Garklāvam). 1951.g. 21. marts».
- 32 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskāpam Jānim (Garklāvam). 1951.g. 22. aprīlis».
- 33 АОСА. XVI. Records of Clergy. Kurzemniek, Peter [Kurzemniek, Petr] 1943, 1947-1958, 1961-1965, 1968-1975, «Письмо епископа Детройтского и Кливлендского Иоанна митрополиту Леонтию от 14 марта 1951 г.».
- 34 АОСА. Manuscript Division: Papers of Archbishop John (Garklavs), «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskāpam Jānim (Garklāvam). 1951.g. 22. aprīlis».
- 35 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskāpam Jānim (Garklāvam). 1952.g. 1. jūlijs».
- 36 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskāpam Jānim (Garklāvam). 1953.g. 12. decembris».
- 37 Там же, «Pētera Kurzemnieka vēstule bīskāpam Jānim (Garklāvam). 1954.g. 14. maijs».
- 38 http://www.holyres.org/?page_id
- 39 АОСА. XVI. Records of Clergy. Kurzemniek, Peter [Kurzemniek, Petr] 1943, 1947-1958, 1961-1965, 1968-1975, «Донесение протоиерея Петра Курземникса архиепископу Бостонскому и Нью-Ингландскому Иринею от 8 июня 1961 г.».
- 40 Там же, «Указ архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского Иоанна протоиерею Петру Курземниексу от 26 июня 1962 года», «Резолюция архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского Иоанна от 8 октября 1962 года»
- 41 <http://www.stnicholaspx.org>
- 42 АОСА. XVI. Records of Clergy. Kurzemniek, Peter [Kurzemniek, Petr] 1943, 1947-1958, 1961-1965, 1968-1975, «Письмо Управляющего делами протоиерею Петру Курземниексу от 29 июня 1964 г.», «Донесение протоиерея Петра Курземниекса митрополиту Леонтию от 26 июня 1964 года».
- 43 http://www.stnicholaspx.org_58
- 44 АОСА. XVI. Records of Clergy. Kurzemniek, Peter [Kurzemniek, Petr] 1943, 1947-1958, 1961-1965, 1968-1975, «Указ архиепископа Иоанна, Сан-Францисского и Западно-Американского, об увольнении на покой митрофорного протоиерея Петра Курземникса от 5/18 июля 1970 года».

Мемуары

Воспоминания архитектора В. М. Шервинского

В номерах 7 и 8 сборника статей «Православие в Латвии», а также в № 10(1) журнала «Православие в Балтии» были опубликованы три части воспоминаний талантливого латвийского архитектора Владимира Максимовича Шервинского (1894-1975), который спроектировал и построил десятки зданий гражданской архитектуры. Будучи Синодальным архитектором, Шервинский разработал более 25 проектов новых или капитальной перестройки старых латвийских православных храмов.

Уникальность воспоминаний В. М. Шервинского состоит не только в том, что они в основном были написаны во время заключения автора в Устьвымлаге НКВД в 1951-1955 гг. Их

автор обладал феноменальной памятью, был эрудированным человеком, однако после возвращения в Ригу тщательно проверил свои заметки документами и фотографиями, хранившимися в богатейшем личном архиве. Следует напомнить, что Шервинский всегда сохранял всю проектную документацию и все, проведенные им работы, запечатлевал на фотопластинках или на фотопленке. В результате, несмотря на свой субъективный характер, воспоминания В. М. Шервинского являются ценнейшим историческим источником.

Как и первые три части воспоминаний, так и данную, четвертую часть, подготовил к публикации внук В. М. Шервинского архитектор Эйженс Упманис.

Немцы все уезжают и уезжают. Немцы сделали оценки своих недвижимостей, но не все сразу хотели окончательно сдавать свое имущество и поступило мне предложение взять на себя управление двумя домами под контролем УТАГ-а¹. Это была Дориса Цигра с Малой Кузнечной² № 4 и Евтанович с ул. Дартас 20. Не хотелось мне братья за управление домами, но Евтанович меня уговорил. Нужно мне было ходить проверять дворника, нужно было получать

деньги с квартирантов, нужно было делать очередные расходы, и нужно было, в конце концов, дать отчет УТАГ-у. Надо отдать справедливость Евтановичу, в доме у него порядок был образцовый, в ремонтах дом не нуждался, да в такое время все равно о них не думали бы. Был мне предложен месячный оклад, и все время от Евтановича приходили письма со всевозможными поручениями: то что-нибудь по дому, то по кладбищу, надо было делать взносы за уход за могилой и еще

за пять лет вперед. Он себе не представлял, что перемена сможет длиться дольше, не представлял себе возможность войны и еще больших перемен после войны. Цигра была маленькая старушка, тоже не представляла себе, что уезжает навсегда. Ее дом не был в образцовом порядке, там нужно было бы сделать много, но доход с дома был настолько ничтожен, что сделать ничего нельзя было, да при том квартиранты все стали просить снижения платы. Продолжалось это мое управление сколько-то месяцев, пока Кредитный банк не стал оформлять переход имущества на свое имя и на домах стали появляться маленькие желтые таблички.

Кредитный банк оценкам УТАГ-а не доверялся, и не помню уже как это случилось, но для работы по новой оценке немецких недвижимостей был приглашен и я. Латышей архитекторов было много, а потому и работа по оценкам была поручена многим, и мне их досталось что-то около сотни, но и то хорошо, тем более что некоторые показались в виде повторений. Были оценки в Риге, ездил я и в Сигулду, а вот дан был заказ на целый ряд недвижимостей в Плявиняс. Дирекция Кредитного банка потребовала, чтобы к оценкам были приложены и фотографии домов, и потому аппарат был всегда при мне. Походил я по Плявиням во все стороны, выходил и далеко на окраину, где тоже был покинутый домик, вернулся в город и стал заниматься последним объектом. Сделал все обмеры и описания и взялся за фотографический аппарат. Сфотографировал я домики во дворе и вышел на улицу прицелиться к главному дому, и нисколько меня не интересовало, что по соседству с этим домом находился полицейский участок, какое мне до этого было дело. Я щелкнул и собирался уходить, как передо мной появилась рослая фигура и потребовала следовать за собой. Я было запротестовал, спрашивая – в чем тут дело, что от меня ему нужно? А он только: «Пойдем, здесь

в участке все выясним». А был это человек особенно бдительный, время, конечно, было уже беспокойное, только в Польше прошла война, наши войска еще стояли на границе, и он решил, что если я фотографирую полицейский участок, значит я шпион. Начальника участка не было, и дежурный стал меня расспрашивать для чего я в Плявинях, что делал и почему фотографировал. Я, конечно, все основательно рассказал, но дежурный этим не удовлетворился и потребовал письменного доказательства, что я работаю для Кредитного банка, а у меня такого не было, мне не могла прийти мысль в голову, что мне что-то в таком роде может понадобиться. На мое несчастье было как раз воскресенье и в банке, конечно, никого не было и по телефону можно было только узнать у дежурного номер телефона заместителя директора Бергфельда, с которым я в банке имел дело. Он жил в Межапарке, но по телефону ответили, что его нет дома. Время шло, по телефону связаться не удалось, и начальник участка тоже не являлся – ведь было воскресенье. «Через двадцать минут поезд – мне надо ехать», потребовал было я, надеясь, что это может помочь. Но никаких – надо ждать прихода начальника, и никаких разговоров. Прошло 20 минут, поезд ушел, прошел час и еще час, а дело мое не продвигается. Я уже не на шутку стал беспокоиться, что подумают дома, уехал и не вернулся, и когда прошел еще час и время стало приближаться к отходу последнего поезда, я заявил, уже возмущенно, что осталось полчаса до последнего поезда и больше они меня задерживать не имеют права. Дежурный, видимо, и сам чувствовал, что получается неловко, списал все подробности с моего паспорта и отпустил меня. Больше четырех часов я просидел в участке. На счастье вся работа была закончена, и я поспешил на станцию. На следующий день я в банке рассказал о моем приключении, все смеялись, но все же поспешили выдать

мне охранную бумагу, которая, однако, мне больше не понадобилась. Больше меня никто не задерживал. Дали мне и бумагу в архитектурное управление Городской управы, но и она мне не была нужна, слишком мне все там были знакомы.

Никогда мне не забыть дня, когда 17 июня 1940 года к нам в контору пришел взволнованный архитектор Гайлис (строительный инспектор)³ и сказал: «Советские танки стоят около оперы!». Как это могло случиться? Не хотелось этому верить, но это была правда. Впечатление было громадное, хотя, конечно, мы совсем себе не представляли и не могли себе представить, какие последствия будут от этого события, не могли себе представить, сколько горя оно нам принесет. К вечеру были уже не только танки, но и грузовые машины, и не только около оперы. Солдат становилось все больше и больше, и заняли они всю аллею бульвара Свободы. Ходили они по всему городу, но только группами, в одиночку они чувствовали себя неуверенно. Работа не шла на ум, и мы все ходили по городу. Весь город кипел, но и вместе с тем затих. Все были заняты мыслью «Что будет?». Этот вопрос задавали все, но ответа не было. Внешне, кроме наличия чужих войск, все было по-прежнему. Движение по улицам происходило нормально, по-прежнему на перекрестках стояли полицейские регулировщики. Но что это – около регулировщика, на углу часов, стоит молодая женщина с корзинкой в руках. Неотступно она около него и видно очень сильно взволнована. И тут речь Ульманиса по радио: «Соблюдайте спокойствие, будьте все на местах работы, а я до последней минуты буду с вами, буду заботиться о вас». Но только три дня продолжалась такая неопределенность. На четвертый день исчезла полиция, ее заменили люди в штатском с винтовками в руках, а Ульманис исчез. Каждый день выходили новые распоряжения.

Пришла осень и началась вторая эвакуация, т.е., как ее называли, репатриация немцев. Кто еще не уехал в 1939 году, получил право уехать теперь. И опять хлынули оставшиеся немцы и еще больше не немцы, а выдававшие себя теперь за немцев и переделывавшие свои фамилии, чтобы хоть как – нибудь звучало по-немецки: Kalning, Ohsoling, Saaring и т.д. Уехали на этот раз и Озмидовы, Максим Николаевич с семьей и Евгения Николаевна⁴. Опустела наша Рига, очень, очень много знакомых не стало, и это при хождении по улицам сильно чувствовалось. Опять заработал УТАГ, опять надо было выезжать и оценивать, правда, оценок было не так много, как в прошлом году, но все же работы было достаточно. Чтобы объехать маленькие городки, трудно достижимые по железной дороге, взяли легковой автомобиль, и сделали турне – прямо до Двинска, там перемахнули Двину, остановились в Гриве, потом Иллуксте, Эглайне, Субате и обратно в Двинск. Из Двинска в Креславку. Немцы делали расчеты доходности имущества, я же обмерял и делал оценку строительной стоимости. Из Креславки мы поехали на север, через красивейший Саулескалнс на Аглону, Прейли, Ливани и обратно в Ригу. Поездка была замечательная, и неплохо было бы ее повторить.

Объектов для оценок не добавлялось, да и спор у нас вышел с Интельманом, он на нас обиделся, что мы высоко рассчитали наше вознаграждение и заявил, что больше давать нам оценок не будет и сдержал свое слово. К тому же обстоятельства так быстро менялись, что УТАГ вскоре ликвидировался и Интельман со всеми своими бумагами и штатом уехал в Германию. Но и тут получилась неожиданность. Оказалось, что все же не все оценки успели сделать, некоторые немцы, уезжая, не знали, что для получения в Германии нового имущества нужна оценка, другие предполагали, что сами скажут о стоимости оставленного ими. И в

Проектная контора и светопечатня В.М. Шервинского. Сарайная (Шкюню) улица, д.9. Фотография В.М. Шервинского

1944-м году летом появился в Риге немец Зиверт, он знал меня по прежним оценкам, и попросил ему помочь, так как сам в строительных вопросах не разбирался. Он не знал об угрозе Интельмана мне работу не давать и поручил мне целый ряд оценок. По воскресеньям мы выезжали всей семьей, т.е. мамочка, Таня⁵, я и Володя Дернаков⁶, он от нас не отставал. Хороши были поездки на взморье – в Дзинтари, Дубути, Меллужи, потом – Кемери, и в самой Риге- на Баластной дамбе, Буллюмуйжа, Старый Милгравис, Югла и Бишумуйжа, и заработок мой составил около трех тысяч марок. Когда уже все было сделано, к расчету вдруг появился Интельман: «Как, Вы опять делаете для нас оценки? Я же сказал, что больше Вам

работы давать не буду!»». Его вспышка гнева показалась мне шуткой, хотя была всерьез, а Зиверт мог только сказать, что ему о таком запрете ничего не было известно. И честно со мной рассчитались. Я забежал немного вперед, чтобы закончить с УТАГОм, а потому возвращаюсь.

Первые дни после прихода Советской Армии, как я уже сказал, все оставалось по-прежнему, только в воздухе чувствовалась напряженность. Полицейские регулировщики стояли на своих местах, но помнится, что на перекрестке около часов рядом с регулировщиком неизменно стояла какая-то женщина в платке и с корзинкой, видно, жена полицейского. Она была очень встревожена – то перебежала на тротуар, то опять возвращалась к мужу и все смотрела на него. Хорошо помнится последняя речь по радио Ульманиса, когда он сказал: «Друзья, соблюдайте спокойствие, я все время с вами, и вас не покину». Дня три продолжалось такое напряжение, потом вдруг все полицейские исчезли, а на их местах в синих рубашках появилась рабочая милиция. Приехал Вышинский⁷, говорил с балкона дома советского посольства. А работа в конторе то замирала, то опять возобновлялась и стали появляться покупатели светопечатной машины: некоторые просили, другие уговаривали, а были и такие, которые грозили. Но мы не пугались и не соглашались, нам все казалось, что еще можно будет работать и не хотелось расставаться с нашим детищем, с которым мы сжились, к которому привыкли и которое до известной степени нас всех кормило, благодаря ему у нас создалось большое знакомство и приходили различные строительные клиенты.

28 октября 1940 года было объявлено постановление о национализации домов. С большими домами все было ясно, но с маленькими домами начались споры, никому не хотелось их отдавать, если была хоть малейшая возможность сохранить. Один за

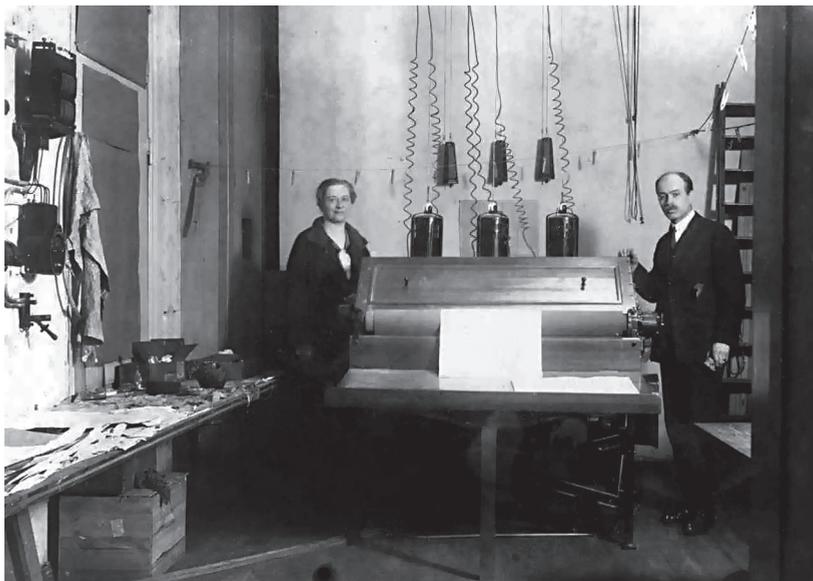
Основатели проектной конторы В.М. Шервинского:
архитектор В.М. Шервинский, его супруга А.Д. Шервинская
и инженер М.Д. Кривошапкин. 1924 год

другим приходили домовладельцы с просьбой обмерить дома и установить – подлежат ли они национализации. Восемнадцать домов я обмерил, и в большинстве случаев жилая площадь оказывалась меньше нормы. Но в некоторых случаях площадь была на грани, и тогда поднимались споры – а как печи, можно ли их высчитывать в жилую площадь, и даже дошло до плинтусов, как мерить комнату – от стены до стены или от плинтусов, и никто в точности не знал.

Организованно у нас в конторе все было очень хорошо. Была вывеска наружная, были надписи на двери: общая светопечатная машина каждого из нас. Были бланки для смет, которые печатала Вера на нашей пишущей машинке, был свой арифмометр, приобретенный нами на одной из выставок, были разные печати, журналы для записи, одним словом, все как полагается. Но вот вмешалось Инженерное управление ПриБВО (Прибалтийского военного округа) и через милицию нас известили, что мы контору должны ликвидировать и машину продать.

Машины не стало и, значит, не стало и конторы. С тяжелым сердцем мы покидали насиженное место, где проработали 17 лет, где я сделал больше 1500 проектов, около 600 оценок и около 400 судебных экспертиз. На Сарайной улице делать больше нечего было, мы отказались от помещений, часть вещей мы взяли к нам в квартиру, часть взял дядя Миша⁸, а громоздкие пульта снесли в подвал дома, где жили Кривошапкины⁹, на Сарайной 13, и там они и пропали. Семнадцать лет, проведенных на Сарайной, при воспоминании кажется очень большим периодом времени, а с тех пор с 1941 года прошло еще 18 лет, во время которых так много пережито, и все же эти последние годы не чувствуются, и нельзя себе представить, что прошло так много времени.

В церковных делах тоже произошли перемены. Из Москвы Патриарх¹⁰ прислал нам митрополита Сергия¹¹ для введения порядка в Церкви, нарушенного митрополитом Августин¹². Митрополит Августин вновь приехавшего не хотел

В.М. Шервинский у светокопировальной машины. Справа – секретарша конторы М. Д. Никифоровская

Архитектор В.М. Шервинский и М.Д. Никифоровская в приемной проектной конторы. 1930-е годы

признавать, не хотел с ним делить власть и был вызван в Москву. После сделанного ему разъяснения в Патриархии митрополит Августин принес свое официальное раскаяние в допущенных им ошибках и особенно в

отделении от Московской Патриархии, был прощен и вернулся в Ригу как викарный епископ. Но только стоило ему выйти из поезда, как он заявил, что раскаяние было вынужденное и что он митрополита Сергия

не признает¹³. В ответ на это Патриархия его запретила в священнослужении и он фактически остался не у дел.

Интригам не было конца, митрополит Сергей получал даже письма с угрозами быть побитым и даже убитым, а митрополит Августин прорывался в собор, стремился принимать участие в священнослужении и наводил дезорганизацию.

Особенно тяжело пришлось скромному священнослужителю, бывшему игумену Алексеевского монастыря о. Сергию. Человек редкой доброты и большой скромности, ему, как священнику кафедрального собора, пришлось служить по будням, и этим воспользовался митрополит Августин. По воскресеньям, когда служил ми-

Пасха 1944 года. Митрополит Сергей (Воскресенский), епископ Александр (Витолс), епископ Даниил (Юзвьюк), протоиерей Иоанн Янсон, протодиакон Василий Мельников, священник Николай Трубецкой и протоиерей Николай Лауцис

Епископ Иоанн (Гарклавс) выходит из кафедрального собора г. Риги. 1944 г.

трополит Сергей, Августин не решался показываться в соборе, зато в будние дни проходил в алтарь и смущал о. Сергия, которому было приказано не пускать Августина в собор.

Но тут началась война, митрополит Августин исчез, уехал куда-то, а митрополит Сергей, как верный своему долгу командир, остался со своей паствой. В начале 1944 года он произнес большую проповедь

в соборе. Не помню я ее содержания, но что-то он говорил об общем мировом положении и после службы, разоблачаясь, сказал: «Сегодня я вынес себе смертный приговор». Слова эти нам были непонятны. В ближайшее воскресенье митрополит уехал в Литву, так как и Литовской Епархией он временно управлял, а в соборе служил его заместитель епископ Иоанн Гарклав¹⁴. Вдруг во время службы епископ Иоанн во

Епископ Иоанн (Гарклавс) с келейником
отъезжают от кафедрального собора. 1944 г.

всем облачении вышел из придельного алтаря и мимо свечного ящика направился в крестильню. Никогда еще не случалось, чтобы епископ во время служения выходил из алтаря, но оказалось, что его вызвали к телефону по чрезвычайно важному делу. Через несколько минут епископ Иоанн вернулся в алтарь и видно было по его лицу, что он чрезвычайно взволнован. Все молящиеся стали шептаться, спрашивая друг друга, что там могло случиться, как шепот стал усиливаться, и со стороны алтаря мигом по собору распространилась весть: «Митрополит Сергей убит».

По пути из Вильнюса автомобиль, на котором ехал митрополит Сергей, был остановлен немецкой военной машиной. Люди в немецкой форме подошли к остановленной машине и в упор застрелили митрополита, его шофера и жену шофера, сидевшую на заднем сидении. Все было кончено, кто были стрелявшие, чей приказ они выполняли, нам осталось неизвестно, можно было только строить всевозможные догадки.

С началом эвакуации Риги епископ Иоанн уехал на Запад и взял с собой чудотворную икону Тихвинской Божией Матери, после нее в соборе осталась только копия.

Много¹⁵ было еще незаконченных дел, и частные строители стали приходить ко мне на дом и таким образом кое-какое строительство еще продолжалось, но становилось его все меньше и меньше, и надо было думать о постоянном заработке. Но куда? Больше всего мне хотелось во вновь образовавшуюся проектную контору Горисполкома, во главе с архитектором Ренгартом¹⁶. Обратиться к нему мне не хотелось, у него на успех

я не рассчитывал, и я решил пойти к инженеру Чауле, бывшему строительному инспектору. Он был теперь начальником Строительного управления Горисполкома и я был с ним в очень хороших отношениях. Сначала он мне сказал зайти еще раз, а когда я снова пришел, дал направление в проектную контору. Я был очень доволен, но вместе с тем ощущение было своеобразное, в первый раз в жизни я поступил на службу. Представился я Ренгарту, а он меня направил в группу архитектора Шапиро и мне поручили надзор за строительством целого ряда домов. Ведь недостроенных домов в Риге было много, хозяевам они больше не принадлежали, все дома были национализированы, а нужда в квартирах уже ощущалась, хоть и много было покинутых немецких квартир, но приезжающих было еще больше. Всем строительным организациям было поручено дома достраивать, но кому-нибудь же надо следить за правильностью производимых работ, и это было поручено мне. Такая работа мне очень была по душе, взял я что-то 12, не то 15 построек, и целые дни только и разъезжал от одной к другой и только временами заготавливал какие-нибудь дополнительные чертежи, не достававшие

на строительстве, и преимущественно это были столярные изделия. Скоро поступил новый заказ. Стали формироваться школы ФЗО (фабрично – заводское обучение), для чего набирались мальчики в деревнях. Обучение можно было проводить в любой школе, но общежитий не было и их надо было срочно устраивать, и выбирались для общежитий самые разные здания: помещение Дисконто банка в Ратуше, синагога на Матвеевской, угол Известковой и Королевской (напротив Улья) и др. Нужно было в архиве снять планы, распределить спальные помещения, столовые, уборные и проч., а предварительно, конечно, осмотреть помещения. Эта работа заняла много времени и в помощь мне был дан техник Трейберг.

Что архитектор Круминь¹⁷ состоит одним из редакторов большой латышской энциклопедии, это я знал, он меня как-то позвал к себе, просил дать фотографию, спрашивал когда и что я делал и все записал. Но было ли все это напечатано, я не знал, ведь буква „Š” в самом конце, и могло случиться, что не успели. Но уже позже я случайно нашел еще не переплетенную брошюрку только с моей буквой и убедился в том, что напечатано было не только про меня, но даже и про моего папу, а о нем Круминь меня даже не спрашивал, сам где-то раскопал сведения.

Новые советские паспорта нам выдавали на углу Гертрудинской и Колодезной, в большом новом доме. Пришлось постоять в очереди, пришлось заполнить разные анкеты, и новые паспорта, взамен на латвийские, были нами получены. На память я себе оставил копию латвийского.

Но вот пронеслись по городу грозные слухи, что будут арестовывать и вывозить, что вот-вот война с Германией уже на носу. Я не верил, ведь не так давно Рибентроп был в Москве, заключил со Сталиным договор о ненападении, значит война невозможна. А зачем же арестовывать и вывозить – нет, это

пустые слухи, это невозможно. 13 июня вечером все обратили внимание на то, что на перекрестках было большое скопление грузовых автомашин. Но мало ли что, и я этому не придавал серьезного значения. И только 14 июня утром уже не слухи, а прямые указания, рассказы, что ночью взят такой-то со всей семьей, такой-то, и все больше и больше. Вся Рига притихла, все ходили мрачные, как тени, а вечером у нас на квартире раздался телефонный звонок. Миша¹⁸ просил срочно принести его чемодан, почему-то находившийся у нас, а также веревки для перевязывания вещей. Все было ясно, значит ворвались и к ним на квартиру. Молча мы взяли чемодан, положили в него кое-какие веревки и спешным шагом направились на Сарайную улицу. На квартире был полный хаос, стояли наполненные мешки, всюду валялись вещи, а в столовой за столом сидело трое мужчин, что-то писали, а около дверей стоял милиционер. Потом выяснилось, что гости явились к ним на квартиру уже ночью, но в Риге был только Боря¹⁹, и гости, обходя все комнаты, заявили, что ищут каких-то посторонних и удалились. Увидав, что дяди Миши нет, они поехали в Огре, но прибыли туда только тогда, когда дядя Миша уже успел уехать в Ригу. «Ничего», заявили они, «возьмем семью, а он, узнав об этом, сам появится», и когда дядя Миша, действительно, пришел на квартиру в городе, его уже там ожидали. Тетя Нина²⁰ металась из комнаты в комнату, от шкафа к шкафу, не зная, что взять, что уложить, и то и дело хватала совершенно ненужные вещи, ведь времени дали только два часа и количество багажа сильно ограничили. Сбежал я еще к Панкратовым, жившим тут же поблизости на Малой Кузнечной, за веревками. И как-как к назначенному сроку все было готово.

Перецеловались мы все крепко, крепко, но не знали мы, что с дядей Мишей, тетей Ниной и Володечком мы видимся в последний раз. Все мы были сосредоточены

и внешне спокойны, а внутреннее чувство прорвалось только тогда, когда все вещи были снесены вниз, погружены на грузовик, когда все наши дороги вскарабкались на него и грузовик помчался по Купеческой улице в сторону Двины. Мы махали руками, нам отвечали тем же. Но только машина скрылась с глаз, как подкатил к горлу тяжелый ком и сильно болезненно сжало мне голову, я кинулся в подъезд, прижался к стене и беззвучные рыдания сотрясли все мое тело. Я глубоко надеялся на то, что все кончится благополучно, но тяжелое предчувствие говорило обратное. В конце концов я очнулся, повернулся и увидел, что около меня стоит милиционер, тот же, который был наверху в квартире, и он мне сказал: «Да, им придется пережить столько тяжелого и работать такую работу, которой они себе никогда не представляли». В тот момент из-за моих страшных, горьких переживаний мне его слова показались насмешкой и я сердито отвернулся от него, теперь же, вспоминая все это, мне кажется, что в словах милиционера звучало глубокое сочувствие.

Что нам было делать? Надо было спасать кривошапкинские вещи, мы побежали к Панкратовым²¹ и общим советом решили наиболее ценное сейчас же перенести к ним. Но что-же с остальным? Надо спасти все, это ведь была наша обязанность, и опять -таки общим советом мы решили переговорить с малым Мишей²², он ведь занимал часть квартиры, а тут мог бы получить квартиру самостоятельную. А жил он на Малой Королевской улице, тоже тут же рядом. Долго Мишу уговаривать не пришлось, и квартира, а значит и все имущество Кривошапкиных было спасено.

Но я не мог успокоиться, я был так наивен, так плохо в то время еще понимал происходившее, что думал, что не только могу, но и обязан что – то сделать для спасения всей семьи Кривошапкиных, и я кинулся

к Ягару²³, ведь он так хорошо знал дядю Мишу, отношения у них, кроме того, были чисто дружеские, а Ягар в это время был министром Коммунального хозяйства, он поможет. Допустили меня к нему сейчас же, но с первых уже слов я понял, что здесь ждать помощи мне не приходится. Ягар был в очень подавленном состоянии, и на горячие мои просьбы помочь скорбным голосом мне сказал: «Что я могу сделать хоть и хорошему знакомому, но чужому, когда я собственному брату, которого тоже взяли, ничем не могу помочь». Низко у меня опустилась голова, но я вскочил окрыленный новой мыслью. Ведь я знал еще одного очень влиятельного партийного человека, который был чуть не другом детства дяди Миши – Балин (раньше Гутерман, его мать – еврейка была бабушкиной крестницей), и я побежал к нему. Но он, услышав мою просьбу, с ужасом отскочил от меня со словами: «Что Вы, что Вы, разве в эти дела можно вмешиваться, разве Вы не понимаете какой опасности Вы сами себя подвергаете, ведь и Вас могут схватить, если Вы будете хлопотать за арестованного». Но я был так окрылен мыслью, что я должен помочь, что я не смею успокоиться не испытывав все средства, что побежал в цитадель к военному коменданту, я вспомнил, что как раз недавно дядя Миша имел с ним дело и очень хорошо о нем отозвался. Да, этот мне поможет. Но попасть к нему было уже не так просто, долго мне пришлось сидеть в приемной и ждать, и я тщательно обдумал все, что буду говорить. Наконец меня позвали. Небольшой, плотный военный, в чинах – я в то время по кубикам и шпалам не разбирался, очень любезно меня принял, усадил, терпеливо выслушал и вдруг вскочил и сильно взволнованным и скорбным голосом произнес: «Все обращаются ко мне, думают что я, как комендант, этим делом распоряжаюсь, но даю вам честное слово, что я совершенно ни при чем. Это

делает отдел Госбезопасности, даю вам честное слово, что я тут не при чем». Я в то время совершенно не знал, что такое Госбезопасность, но слова коменданта были так искренни, что я не мог ему не поверить и встал, собираясь уходить, а он подбежал ко мне, схватил меня за руку, сочувственно ее сжал и снова повторил: «Поверьте мне, я правда тут не при чем». Я был сильно приятно растроган таким ко мне отношением, но скорбь моя увеличилась, я понял, что сделать ничего не могу, что все мои старания и надежды совершенно напрасны и, глубоко опустив голову, побрел домой. Единственным утешением для меня было то, что я знал, что дома меня ждут горячо мною любимые.

А город, с одной стороны, притих, так как усиленно поговаривали, что вывозы будут повторяться, с другой стороны, закипел, приготавливаясь к обороне. Всюду стали сооружать бомбоубежища и нам, проектной конторе, были поручено обследование и руководство этими работами.

22 июня на рассвете началась война, немцы перешли границу. Потянулись из Риги беженцы, преимущественно евреи, большинство из них понимали, какая им грозит опасность от немцев. Начались налеты на город, со службы нас все время гоняли по разным районам со срочными поручениями следить за наспех возводимыми убежищами. Ночью заставляли быть на службе и быть готовыми к особым поручениям. Наш начальник Ренгарт был очень панически настроен, запретил подходить к окнам и заставлял сидеть в центральном помещении с окнами во двор. Но мне не сиделось, я все бежал к телефону позвонить домой и сообщить, что все благополучно. Но что же происходит на улице, этот вопрос все время сверлил мне голову и я тайком убегал в угловую комнату, из окна которой была видна вся наша улица Бривибас в один и другой конец. Группами появлялись то грузовики,

то солдаты пешие, ехали по преимуществу вон из города, но и в противоположном направлении тоже. Но вот езда в город прекратилась и потянулись вереницы только из города, сначала густо, потом реже. Потом временами движение прекращалось, потом опять возобновлялось, а на рассвете стало тихо, пустынно, только один грузовик застрял на углу Гертрудинской, шофер бегал вокруг машины и что-то усердно стучал молотком. Я его пожалел, думая: «Бедный, ему надо ехать, а машина не идет» и даже стал за него волноваться. Когда я потом рассказал об этом дяде Леше²⁴, он засмеялся и объяснил мне: «Если», сказал он, «шофер усердно стучит молотком, значит он что-нибудь портил, а не поправлял». Вернулся я в общую комнату, где по-прежнему дрожал Ренгарт, получил от него резкое замечание что нечего болтаться, а надо сидеть спокойно. Тут опять послышался рокот налетающих самолетов, Ренгарт сорвался с места и приказал всем спуститься в убежище и сам направился к лестнице. Я же заявил, что иду домой, ведь мне тут же рядом, и Ренгарт не возражал. Было уже совсем светло, я быстро сбегал вниз и увидел на нашей улице, вдоль тротуара десятка два синерубашечников-работчей гвардии. Боясь, как бы меня не задержали, я бегом пустился мимо них. Это им не понравилось и один прикрикнул на меня: «Что бежишь, нечего торопиться». Пришлось бег сменить на шаг, и все время до самого нашего дома думалось: «Как бы добраться, как бы не задержали». Но вот, слава Богу, я дома, и следующие день и ночь мы никуда не выходили, а утром (это было первого июля) вдруг телефонный звонок от Панкратовых: «Старый город горит, сгорела Петровская церковь. Приходите скорее к нам посоветоваться, дойдет ли огонь до нас, до нашей квартиры и, в крайнем случае, помогите вынести вещи». Моментапно мы вскочили и выбежали на улицу. На улице люди, всюду виднеются латвийские

Ратушная площадь г. Риги
после разрушений в 1941 году.
Фотография В.М. Шервинского

красно-бело-красные флаги, все ликуют, война прекратилась, опасность миновала, можно свободно вздохнуть. Но нам не было радостно, ведь Кривошапкиных, милых нашему сердцу, больше не было, а против немцев я вообще был настроен, я их не любил и не мог радоваться их приходу. Еще в конце 1940 года Прянишников, сидя у нас в конторе, сказал: «пришли бы немцы...». Я ему возразил: «Николай Кузьмич, не мечтайте об этом, тяжел сапог немецкий», и он через несколько лет вспомнил мои слова: «Да, Владимир Максимович, Вы были правы, действительно тяжел сапог немецкий».

Быстро мы шли по Церковной улице, через Эспланаду, через мостик у Бастионной горки, а на углу около Пороховой башни стоял столик с какими то бумагами, за столиком сидели люди с красно-бело-красными повязками на руках и трое с повязками подошли к нам: «Куда вы торопитесь, туда нельзя, там все горит». «Вот потому мы и торопимся, нам звонили и звали на помощь» отвечали мы, и нас сейчас же

пропустили. Чтобы убедиться насколько велика опасность, мы пробежали до Биржи и налево увидели клубы поднимающегося дыма. Мы свернули к Купеческой улице, весь конец ее около Ратуши был в огне. Да, картина была жуткая, оказывается Петровская колокольня, зажженная шальным снарядом, сгорая, упала в сторону Двины на дома по Господской улице и вместе с тем на Трофимовский дом. Потом огонь перекинулся на другую сторону Господской улицы – на дом Камарина и близлежащие, а с них на дом Черноголовых, на Ратушу и пошел по домам Купеческой улицы. Когда мы подошли к этому месту, дома еще пылали, но там копошились люди в пожарной одежде и видно было, что огонь затихает и дальше не пойдет. Люди в пожарной форме оказались из добровольных дружин, а все пожарные машины без исключения были увезены. В пекарне около Озмидовского дома распродавали хлеб, боясь, очевидно, что может сгореть, и мы набрали полные рюкзаки. Панкратовых мы успокоили, что они могут быть совершенно спокойны. С ними мы всегда были очень дружны и охотно ходили друг к другу, но с этого дня дружба стала особенно крепкой и часто, часто вечерами мы вместе гуляли по городским насаждениям.

Первое поручение на работе было дано мне вместе с архитектором Карром²⁵. Мы должны были обойти пострадавшие районы Старого Города, выяснить величину разрушений и, если окажется нужно, дать распоряжение оградить угрожающие обвалом дома, а в крайнем случае и прекратить движение по некоторым участкам улиц. Был ли Карр рижанином, я не знаю, так как познакомился с ним уже только после моего окончания университета. Мы с ним всегда приветливо здоровались, знал он мою фамилию, заказывал у нас светокопии, но почему-то работу нашей конторы не связывал с моей личностью – первое время, когда он

Дом Черноголовых в г. Риге после пожара и разрушения в 1941 году. Фотография В.М. Шервинского

приходил в контору, получалось всегда так, что он меня не заставал. Как -то он пришел, а я сидел во второй комнате за своим столом и из первой комнаты не был виден. Тетя Маня²⁶ принимала заказ и в чем-то усомнилась и позвала меня на помощь. Я вышел в первую комнату, поздоровался с Карром и тетя Маня стала мне что-то объяснять. Выражение удивления появилось на лице Карра уже в тот момент, когда я с ним здоровался, но удивление его все возрастало и он вдруг выпалил удивленным извиняющимся тоном: «А что вы тут делаете?» Выражение удивления, от этих слов, появилось в свою очередь на лицах и у меня и у тети Мани. Я не сразу даже нашелся, что ответить, и тетя Маня опередила меня: «Как? Да ведь это же хозяин». Полную растерянность теперь выражало лицо Карра, и единственное, что он был в состоянии произнести, было: «Вы?», поспешил закончить заказ и быстро ушел. На следующий день, когда Карр пришел за работой, он мне признался, что был глубоко уверен в том, что нашей конторой ворочает известный московский

архитектор Шервинский (что такой есть, я знал по литературе)²⁷. Он предполагал, что москвич перебрался в Ригу, быстро здесь освоился и успел открыть свое предприятие. Такая быстрота его поражала и вместе с тем вызывала чувство зависти, что он сам ничего еще не успел сделать, а вот приезжий сразу сделал. Случай этот нас обоих сблизил и заставил Карра относиться ко мне с большим уважением. Много лет спустя, кажется уже в сороковом году, пришла в контору какая-то дама и спросила, не из Москвы ли я. «Нет», прибавила она, «я кажется ошиблась, я знала в Москве архитектора Шервинского, но он выглядел иначе». И я только подтвердил ее слова, что безусловно она ошиблась, что я коренной рижанин, что я слышал о московском архитекторе, но я не тот.

Данное нам поручение было действительно необходимым, в этом мы убедились при осмотре, а вместе с тем было и интересно обойти все столь знакомые улицы. Господская улица в районе Петровской церкви уже догорала, но идти по ней было

Сожженный Старый город. 1941г. Фотография из газеты того времени

Вид Старого города с Понтонного моста. 1941г. Фотография В.М. Шервинского

буквально жарко, с ужасом мы смотрели на зияющие проемы окон, из которых клубился черный дым, а из некоторых еще появлялись огненные языки. А Ратушная площадь повергла нас в глубокое уныние, не было больше прежней красоты и уюта. Красота площади была нарушена еще в 1939 году, когда снесли дома в сторону Двины, и лишили площадь замкнутости, а теперь не было больше горделивой стены дома Черноголовых, без крыши стояла старинная гауптвахта. Виднелись только обгорелые стены Ратуши, дома Камарина и рядом с ним стоящих, и одиноко среди площади возвышалась фигура Ролянда.

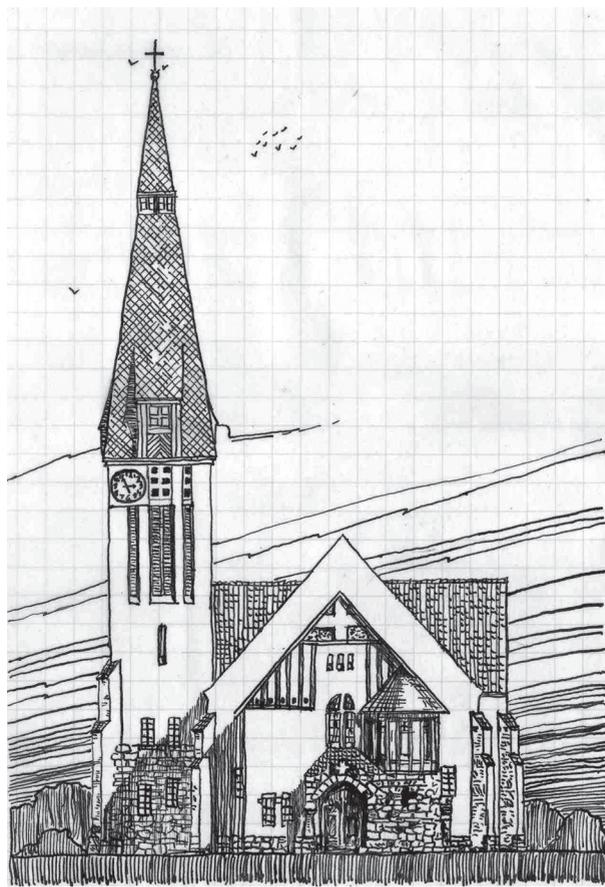
На набережной стояли выгоревшие дома, пострадала и Карловская улица (теперь 13 Января). Поднялись мы к мостам, всюду воронки от разорвавшихся снарядов, покосившиеся трамвайные столбы, разбитые танки, перепутанные провода. Интересно,

конечно, но слишком жутко, какой ужас эта война. Вернулись мы к начальству, сделали доклад о виденном нами и о принятых нами мерах, и в благодарность за выполненную работу нам объявили, что увольняются все работники проектной конторы, за исключением старых городских работников.

Работая в проектной конторе и ведя наблюдение за строительством незаконченных построек ненационализированных домов, естественно было, что я познакомился с прорабами и бригадирами строительного треста и среди них с прорабом Укенабелем. А когда при отступлении Красной армии танкисты обстреляли *Krusta baznīcu*²⁸ и сильно повредили колокольню, шиферное покрытие колокольни и черепичную кровлю самой церкви, Укенабель, как прихожанин этой церкви, от имени прихода и пастора просил меня осмотреть повреждения, составить соответствующий акт и

проруководить ремонтными работами. Охотно я на эту работу согласился, произвел тщательный осмотр и установил, что особенно сильно пострадала колокольня. На верхнем ярусе сильно повреждены два промежуточных столба и особенно сильно поврежден один угловой столб, настолько сильно, что можно было опасаться обрушения колокольни. Во многих местах была прострелена крыша, причем повреждены были не только черепицы кровли, но и конструктивные части крыши. Значительные разрушения были и внутри церкви от снарядов, прошедших сквозь стены и своды. Для выполнения работ немцы назначили бригаду кровельщиков-евреев, во главе с очень известным в Риге кровельным мастером Клафом, он мне был знаком по разным работам до войны. Эти несчастные люди надеялись своим усердным трудом снискать благорасположение немцев и спасти свою жизнь, и, действительно, старались и работали на совесть. Клаф отдал все свои запасы черепицы и шифера и личным трудом подавал пример другим. Работа была успешно завершена, все были довольны, церковь стояла как новая, как будто ничего с ней и не произошло. Но немцы только использовали людей, а поступили с ними так же жестоко как и со всеми остальными.

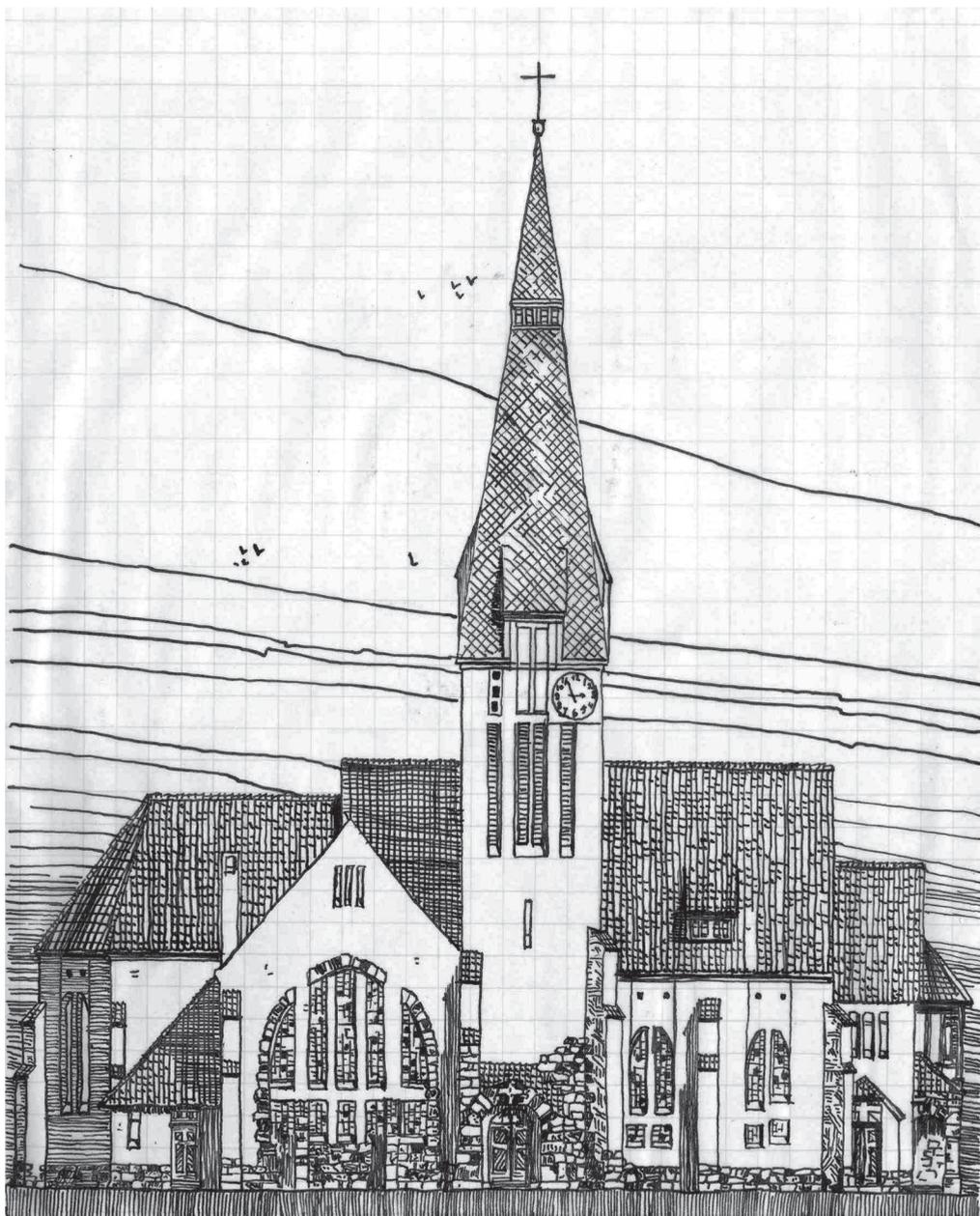
Совершенно неожиданной была работа по заказу о. Николая Шалфеева²⁹. На Ивановском кладбище были похоронены красноармейцы – жертвы военных дней, прокатившихся через Ригу. О. Николай собрал их всех вместе и поручил мне сделать проект памятника и разбивку братских могил. Пришла мне мысль создать крест, вырастающий из скалы. Памятник был прост для выполнения, но все же достаточно эффектен и получил одобрение о. Николая. Все было выполнено и торжественно на кладбище освящено. Торжество, конечно, было домашнего характера, ведь похоронены были красноармейцы, враги немцев,

Лютеранская церковь Св. Креста в г. Риге.
Главный фасад. Копия проекта

и показать, что мы чтим их память, нельзя было, можно было и беду на себя навлечь. Но так оно было и мы не боялись.

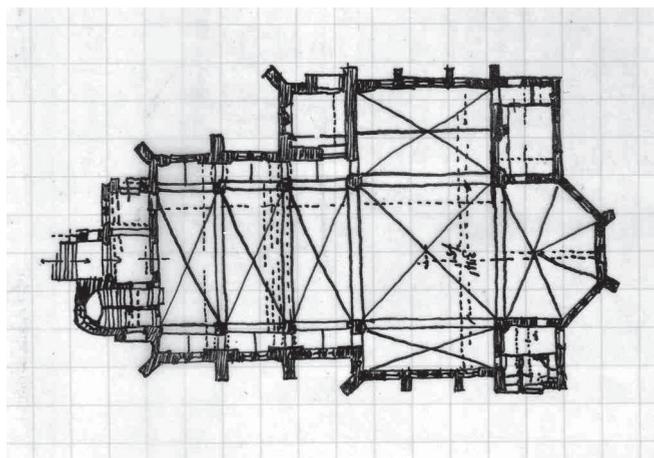
Месяца полтора я был без определенных занятий, как вдруг меня вызвал к себе Ренгарт и сообщил, что по поручению моего друга, в то время городского головы, Дреймана³⁰ мне предлагаются работы по проектированию дополнительных сооружений в лагере военнопленных на Перновской улице, что работа срочная, так как тысячи военнопленных из-за недостатка помещений находятся на открытом воздухе и смертность среди них колоссальна. Я мог спасти человеческие жизни, и я с жаром принялся за работу. Быстро я составил проект большого барака с трехэтажными нарами и понес его утвердить к коменданту лагеря. Говорить по-немецки я мог хорошо

Лютеранская церковь Св. Креста в г. Риге. Боковой фасад. Копия проекта

и любезно был принят. Комендант со всем согласился и сейчас же отвез меня к высшему начальству. Проект был утвержден в количестве пяти таких барачков, был мне указан подрядчик – первая контора строительного треста, и еще через день работа

действительно закипела. Вырыты были траншеи для фундаментов, доставка лесных материалов шла нормально, задержка была только за доставкой кирпича и тут поступило предложение подрядчика снарядить группу военнопленных человек в 1000, а

Лютеранская церковь Св. Креста в г.
Риге. План. Копия проекта

может и больше, сводить их на склад, дать каждому по два кирпича и за один поход 2000 штук было бы на месте. Сделали предложение коменданту, он согласился и кучи кирпича на месте строительства стали расти. Сходили несколько раз и уж задержки, для успешной работы, не было. Но продолжать такую доставку оказалось все же невозможно: люди были настолько истощены, что груз в два кирпича большинству оказался непосильным. Я с самого начала уже приглядывался к измученным лицам несчастных людей, которых немцы призывали в плен и плакатами, и репродукторами, призывали, чтобы принять участие в общей борьбе против коммунизма. Переходить стали десятками тысяч, но немцы их обманули, всех засадили в лагерь и на голодный паек, но только когда я увидел, что люди ослабли до того, что два кирпича для них непосильный груз, и когда я узнал, что каждое утро десятки трупов вывозят из лагеря, я понял, что творится в немецких лагерях. Чувство человечности заставило над этим задуматься. Кормить военнопленных было немцами категорически запрещено, даже под угрозой расстрела. Но если задеты самые глубокие чувства сочувствия и сострадания, то страха нет, и я каждый день стал приносить полный

портфель хлеба, то же стали делать и все работники подрядчика, а также и большинство рабочих. Носили мы хлеб усердно, раздавали тем, которые, как нам казалось, в нем более нуждались. Но... на тысячи людей это капля, это я тоже понимал. Понимал я, что надо предпринять что-то более серьезное, чтобы спасти людей, и я рассказал о своих тревогах в соборе. Зброшенная мною искра нашла благоприятную почву, Дамский комитет заинтересовался. Единогласно было мнение, что все должны помочь, что это наша святая обязанность. Мое заявление коменданту лагеря, что Церковь хочет помочь военнопленным, заставило его задуматься и он обещал на следующий день дать ответ. Что немцы думали, трудно понять, но ответ все же дали благоприятный. В соборе закипела работа. С амфона было объявлено, что принимаются пожертвования чем кто может – и продуктами, и одеждой, и деньгами. И пожертвования потекли в таком количестве, что завалили все помещение под главным алтарем, а в лагере творилось что-то ужасное. Зима настала ранняя, уже понемногу подсыпал снежок, а тысячи людей жили снаружи, покрываясь только своими изношенными дырявыми шинельками, а у некоторых и шинелей не было. Слабых

Эскиз памятника на братской могиле советских воинов на Ивановском кладбище г. Риги. 1941 г.

и умирающих тут же раздевали и бывали случаи, что некоторые, утром очнувшись, оказывались почти голыми. Я только бежал и подгонял работу и нужно отдать справедливость рабочим, все были воодушевлены одной мыслью спасти людей и старались искренне. Только на первом бараке появилась крыша, как вечером он был полон, лежали так густо, что пройти нельзя было, затащили доски на схватки, под стропила и устроили себе гнезда как птицы. Задуманы были нары двухъярусные, но мы, видя этот колоссальный наплыв, решили нары сделать трехъярусными, благо высота позволяла и сразу вместимость увеличилась в три раза. Для перевозки продуктов из собора немцы дали свою машину, в день по одному рейсу, и, действительно, каждый день мы нагружали машину до краев.

Распределение как продуктов, так и одежды решено было производить через лазарет. С одной стороны, врачи лучше знают, что и кому в первую очередь нужно, с другой стороны – такой способ признали наиболее правильным, чтобы не получилось драки. Полным ходом машины въезжали в ворота и с большой скоростью проезжали в ворота лазаретного участка. Но и то, несмотря на скорость, некоторые особенно ловкие пленные успевали вскочить на подножку и схватить буханку хлеба, но тут же на них нападали другие и раздирали буханки на мелкие куски. Распределение продуктов через лазарет дало мне возможность познакомиться с врачами, и я с большим удовольствием подолгу просиживал с ними в приятной беседе. Чтобы врач мог лучше заботиться о больных, он сам первым делом должен быть здоров, а, значит, и сыт, и каждый день, как я направлялся в лагерь, то мамочка, то тетя Верочка³¹ снабжали меня пакетами специально для врачей, часовые меня знали и никогда не мешали мне проходить с пакетами. Стали прихожане приносить в собор и книги, и после беглого просмотра их в комендантуре я и книги относил врачам и при их скучной жизни каждая книга принималась с большой радостью. Один из врачей, гомеопат, из-за своей специальности должен был среди врачей держать себя в стороне, его врачи не любили, а мне он очень понравился, он был более интеллигентным человеком. И, как истинный врач, занимался живописью. Мне как-то в прежние годы один врач сказал, что истинный врач с любовью и искренне занимающийся своей профессией, должен быть еще художником: или рисовать, или петь, или быть музыкантом, тогда только медицинская его специальность будет иметь успех. И единственный среди всех врачей, он оказался художником и я ему отнес дяди Мишины краски и холсты. Он был счастлив и не знал, как и благодарить

меня. Бабушка наша³² в это время заболела, у нее появилось кровотечение из носа и она буквально истекала кровью. Никакие средства не помогали. Приходила врач из поликлиники, ставила тампоны, но тогда кровь текла в горло. Мы были в отчаянии и я решил посоветоваться с пленным врачом-гомеопатом. Его ответ был вполне естественным, он сказал, что помочь может, но только не заочно, потому что причины кровотечения могут быть разные и это он может установить только повидав больную. Я набрался храбрости и нахальства и сейчас же поехал к главному коменданту с просьбой отпустить врача к нам на дом. Жесткие люди немцы, но все же сердце есть у каждого, и комендант дал согласие, позвонил в лагерь, назначил конвойного и я мог врача взять. Домой я позвонил и сообщил, что через час буду с врачом, и сейчас же помчался в лагерь. Долго собираться врачу было нечего, он только взял свою аптечку (он был электрогомеопатом и все средства у него были в крупинках) и с конвойным (очень симпатичным «фрицем») мы вышли за ворота. С Перновской до нашего дома далеко, и я направился к трамваю (я не знал, что с военнопленным в трамвае ехать не было разрешено). Нашему «фрицу» пешком идти тоже не хотелось: «Es ist wohl nicht erlaubt, aber wir wollen doch fahren», и через 15 минут мы уже звонили к нам на квартиру. Тщательно врач осмотрел бабушку – не торопясь (он, очевидно, наслаждался данной ему свободой). Открыл свою аптечку, вынул три крупинки, спросил стакан воды, растворил крупинки

Памятник павшим воинам на Ивановском кладбище в г. Риге. 1941 год

и предложил принять три раза по три капли через два часа и прибавил: «Только три раза, и ни в коем случае не четвертый, и у вас все пройдет». Бабушка приняла три капли и заснула, а мы вышли в столовую обедать, нам хотелось военнопленного хорошо накормить, больше ведь мы ничем отблагодарить его не могли. Но этот человек был каким-то не от мира сего или его сильно взволновала его кратковременная свобода, он ел очень мало и вел себя чрезвычайно скромно. Зато «фриц» без умолка болтал и улетал за обе щеки и за двоих. Во всяком случае мы сделали, что могли и все же видно было, что врач был доволен приемом, а «фриц» попался симпатичный, из интеллигентной семьи, и то, что он себя чувствовал хорошо, нам тоже было приятно. Бабушка приняла лекарство, как было сказано, и кровотечение не только прошло, но и ни разу не повторилось, гомеопатия и даже электрогомеопатия восторжествовала.

Я по лагерю ходил, как свой человек – сначала, конечно, на строительство, потом к врачам, потом в офицерский барак поболтать, а потом вообще по лагерю заметить особенно несчастных и помочь им по мере возможности. Как-то меня остановили трое

пленных: «Как бы в церковь попасть, говорят, что пускают». Но хлопотать об этом я не решался, ведь комендант и так уж много сделал, и я только ответил: «Нет, в этом отношении я ничего сделать не могу, вот может быть просить разрешения здесь совершить богослужение, это я могу попытаться сделать». «Да, да, вот это было бы хорошо», был дружный ответ и в тот же день я сделал доклад Владыке об искренней просьбе военнопленных. Владыка возбудил официальное ходатайство, разрешение было дано, и о. Кирилл Зайц³³ был назначен организовать и возглавить богослужения для военнопленных как в лагерях, так и в лазаретах. Посередине лагеря на Перновской было насыпано небольшое возвышение, где стоял памятник павшим воинам³⁴. Это место и было нами выбрано. К назначенному времени около памятника, по приблизительной оценке, собралось около 4000 пленных, присутствовала и вся охрана во главе с комендантом -майором. Службу возглавлял священник Берзин, о. Кирилл и диакон о. Василий. Принесли мы с собой кучку евангелий, Библий и молитвенников и их у нас расхватили моментально и все спрашивали, нет ли еще. Чинно, спокойно простояли все тысячи длинную службу. О. Кирилл, замечательный проповедник, произнес зажигательную проповедь о любви к Родине и кончил объяснением сущности пресвятой Троицы, почему Бог един, но в трех лицах. На меня это объяснение произвело очень сильное впечатление, я раньше такого не слышал, и запомнилось мне это на всю жизнь. О. Кирилл сравнил Бога с солнцем. Солнце для нашей системы одно, но оно излучает свет и тепло, оставаясь все же одним. Также и Бог един, но он излучает свет – Иисуса Христа и тепло – Святого Духа, оставаясь все же единым. Просто, но как убедительно и ясно. Подошло время к причастию, образовали очередь, о. Берзин исповедовал, а о. Кирилл причащал.

Человек за человеком, сотня за сотней и, наконец, тысяча за тысячей, и о. Кирилл не выдержал, он переутомился. Я сейчас же позвал о. Иоанна Берзина на помощь, а о. Кирилл в совершенном изнеможении слез на ступеньку памятника. Минут пятнадцать продолжалось такое его состояние, но вот он опять очнулся и снова взял в руки чашу. Благополучно кончилась вся служба и когда мы сошли вниз, комендант остановил о. Кирилла, крепко пожал ему руку, поблагодарил за прекрасную службу. Хор составился из самих пленных и пели вполне удовлетворительно под командой диакона о. Василия. Комендант буквально был растроган и сказал, что никогда раньше не присутствовал на православной службе, что служба произвела на него очень большое впечатление и что он никак себе не представлял, что эта масса, по его словам, грубого народа, с таким вниманием будет стоять и прибавил, что разрешает службы в любое время и даже просит совершать их почаще. Сопровождал я о. Кирилла и по нескольким лазаретам, в разных частях города, два-три раза еще совершались службы и в лагере. И вдруг... доступ в лагерь был закрыт. Когда меня не пропустили, я подумал было, что произошло какое-то недоразумение, но часовой мне объяснил, что среди пленных появился тиф и никакие пропуски больше не считаются действительными. Так неожиданно прекратилось мое хождение в лагерь, мои беседы с пленными врачами, мои старания по снабжению голодающих. Строительство к тому времени было уже закончено и мне фактически там делать было нечего, но я так полюбил этих простых, милых людей, что мне жаль было с ними расставаться.

Работа в лагере мне была дана через проектную контору, оплату за работу я тоже получал от конторы, но на службе в конторе не числился и оказался совершенно без работы. Так случилось, что Бюро труда узнало о том, что я не у дел, меня вызвали туда и

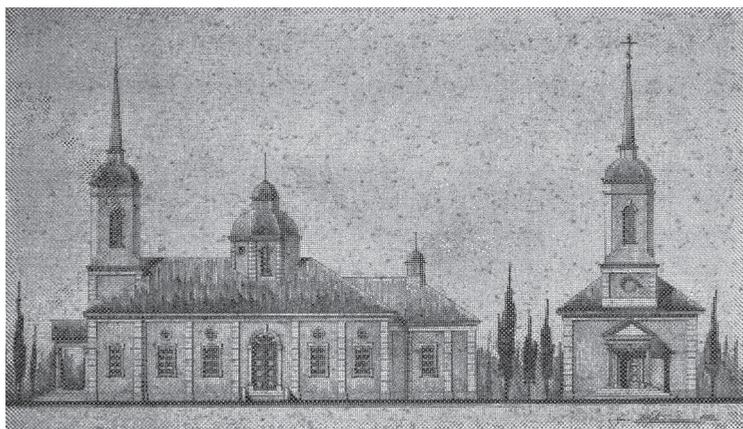
сообщили, что я назначаюсь в Строительную инспекцию. Группа наша состояла из человек двадцати латвийцев во главе с архитектором Бланкенбургом³⁵, другие группы возглавлялись другими латвийцами, а во главе всего учреждения был онемечившийся чех Блашек и разные еще другие немцы. Огромная комната, в которой нас разместили, была хорошо оборудована, были хорошие чертежные столы, были все чертежные принадлежности самого лучшего качества, но работы, собственно говоря, не было, а держали нас с 7 ч. утра до 7 ч. вечера. Мы смеялись, говоря, что у нас семичасовой рабочий день с 7 до 7. По сетке 1,25 метра мы вычерчивали гаражи, столовые, бани, лазаретные бараки, иногда клубы и жилые бараки, и все одно и то же. Осуществлялось из нами начерченного однако только кое-что. И фактически мы были только чертежниками для работы на полку. Когда работы много, работаешь и утомления не чувствуешь, у нас же работы было мало, и потому сидение было крайне утомительно и все время хотелось спать. Но немцы этого не любили. Когда замечали, что кто-нибудь спал, то делали довольно грубые замечания. Всячески приходилось ухитряться, чтобы и выспаться, но чтобы никто не заметил. И тут на счастье мне была поручена большая утопическая работа: крупная пристройка к зданию Сейма за счет большого здания арсенала. Произвел я осмотр здания, произвел обмеры как существующей части, так и проектируемой. С большой любовью взялся за дело, особенно еще из-за того, что изголодался по настоящей работе, и создал я проект, на мой взгляд, вполне удовлетворительный. Немцы-начальники были довольны, но кто же в военное время начнет такое крупное строительство.

Результатом столь удачной работы было новое архитектурное предложение. Мне было поручено разбить новый поселок в Бикерниекском лесу. С наименьшей

любовью я взялся и за эту задачу. Сделал выкопировку с планшета, увеличил ее, разбил улицы, строго считаясь с рельефом местности, разбил участки, организовал удобное сообщение, раскрасил цветными карандашами, и опять -таки Блашек остался доволен, но осуществление отложили до окончания войны.

Обеды нам давались в учреждении бесплатно и кушали мы все вместе, в общем помещении, но... за разными столами. Немцы ведь не могли сидеть за одним столом с латышами и только один раз в году, на Новый Год, нас сажали за общий стол. Немцы пили водку и закусывали пивом, но латвийцы к этому не привыкли, закуски, однако, не было никакой. Что же делать, водка с пивом – ведь это настоящий дурман, и я сходил на кухню за хлебом. Но сухой хлеб тоже нехорошо, и тут пришла хорошая мысль – мазать на хлеб горчицу, и закуска получилась очень удачна. Немцы попробовали и согласились с нами, что с закуской пить гораздо приятней. Начинались эти новогодние торжества, а было их всего три, с нравоучительной лекции, а кончались пьянством и тут мы, один за другим, старались улизнуть, сидеть с этими пьянчужками не было никакой охоты.

Интересных работ больше не было, но мне опять повезло, меня начальство назначило профоргом. Сначала это были только дела по урегулированию дел больничной кассы, а потом я постепенно превратился в снабженца. Вдвоем с Мантиниеком мы ездили в Балдонский лес, грузили дрова и развозили их по городу, по квартирам сослуживцев, и себя мы, конечно, не забывали. Заполнил я наш сарайчик дровами, на дворе поставил 6 стер и еще сколько-то свалил в подвал Панкратовым. Ездили мы в Нитауре за картофелем и опять-таки развозили его по квартирам, и недостатка в картофеле у нас не было. Тут я первый раз в жизни попробовал взять на спину мешок в 100 кг

Проект Малиновской церкви. 1942 год

весом и ничего, выдержал, пронес его через весь двор и свалил в лестничной клетке. И, наконец, снабжение папиросами и водкой. Когда делил Мантинiek, он мне, как некурящему, всегда давал поменьше, когда же я сам стал делить, я брал себе столько же, как другим, и папиросы шли у нас прекрасно в обмен на разные товары. Последний год запастись дровами предложили с товарной станции, в лес ехать не надо было. Дали мне ключ от ворот участка, где были сложены дрова нашего учреждения, и я должен был следить за равномерным распределением дров и тоже развозить их по квартирам. Вообще немцы не любили, когда кто-нибудь уходил с работы в служебное время, но мне, как снабженцу, свобода должна была быть предоставлена, и я конечно этим усердно пользовался и редко уже приходилось на работе дремать.

Как-то заявился ко мне на квартиру о. Николай Рождественский³⁶, строитель Гришино-Горской церкви, называвший меня «мистером», он был назначен настоятелем Малиновской церкви, а церковь там в первые дни войны в 1941 году сгорела. Он просил составить проект нового храма с расчетом использования материалов церкви в Извалта, на перенесение каковой они получили разрешение. Возможность опять выполнить церковную работу меня очень

обрадовала и я с большим воодушевлением взялся за работу, используя для этого свободное время на службе. Видели ли немцы, что я выполняю постороннюю работу или не видели, но во всяком случае мне никто не делал замечаний и я смело продолжал работу, разрабатывая проект до мелочей – ведь времени у меня было много, а детальная разработка проекта всегда очень интересна, только в нормальные времена на это никогда не хватало времени.

Письмо о. Н. Рождественского

Многоуважаемый г-н Шервинский!

По старому знакомству построения храма на Гришиной-Горе, обращаюсь к Вам с просьбой по построению храма в селе Малиновка. 1941 г. 29 июня при отступлении большевики сожгли храм в селе Малиновке. Мы получили разрешение перевести храм из Извалта. Думали перевести, собрать и молиться. Оказалось, что храм почти весь сгнил и собрать его невозможно. Тогда мы задумали построить новый храм, употребив для этой цели старый и новый материал. Начали строить и уже 2 августа в день Св. пророка Ильи сделали закладку и думали продолжать работу. Но вмешалась

уездная строительная комиссия и потребовала проект и смету. Долго я искал инженера, который бы сделал план и смету, пока не встретил г-на Мельникова, который сообщил мне, что Вы живы, здоровы и помогаете в построении церквей. Посему обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой. Прошу составить проект храма и смету. Конечно, хорошо бы было, если Вы выехали на место. Нужные сведения сообщаю. Храм строили на старом фундаменте. Два венца уже положены. Храм деревянный, предполагается обшить кирпичом. 50 м² леса уже мы получили из лесничества, кроме этого будем по возможности употреблять материалы Извалтской церкви.

Размеры храма и форма: длина 19 м, ширина 8,40 м. Желательно двое боковых дверей.

Простите, пишу на Экзаршее управление, адреса Вашего не помню.

Будьте добры дать скорейший ответ, хотелось бы еще нынче подвести под крышу.

С почтением Настоятель
Малиновского прихода священник
Н. Рождественский
26.9.42.

Когда дело подошло к статическим расчетам, я за помощью обратился к инженеру Лаздиню. Он сидел рядом со мной и охотно взялся за выполнение моей просьбы. Он ведь так же, как и все, скучал на службе и с жаром взялся за живое дело. По его указаниям я вычертил все детали и настало время нести проект на утверждение.

Из письма священнику о. Николаю
Рождественскому

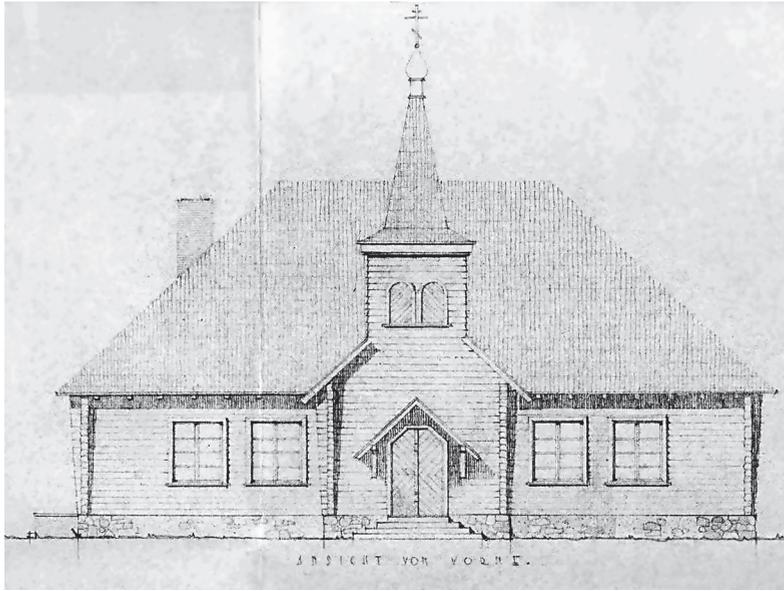
Теперь подошла очередь испросить разрешение на производство

строительных работ и для этого Строительный департамент требует удостоверение от волостного правления в том, что у Вас все главные строительные материалы имеются, как то: лес, жость кровельная, железо для скреплений и стекло, наверно, тоже имеется у Вас от Извалтской церкви и что у Вас никакого требования на материалы не предвидится. Еще раз подчеркиваю, что имеющееся у Вас разрешение на перенос Извалтской церкви является очень важным документом и получение от Вас (т.е. от о. Жунды³⁷) этой бумаги прямо -таки необходимо.

Кроме того, нужно удостоверение от имени приходского совета о том, что постройка будет производиться хозяйственным способом, что требования на рабочую силу Вами представлено не будет и что все работы прихожане произведут сами. Эти документы прошу выслать возможно скорее.

27.01.43

Много было хлопот, много трудностей, но все удалось преодолеть и проект был утвержден и о начале такого строительства во время войны отметила местная печать, поместив в газете и фотографию с проекта. Но только кончились затруднения в Риге, как начались разные затруднения на месте и особенно в Двинске. Это было осенью 1943 г., весной 1944 г. закончили фундамент и начали класть первые венцы. Но в скором времени положение на фронте резко изменилось, работы не клеились и в конце концов прекратились. Прокатилась война второй раз и унесла с собой все, с таким трудом собранные, материалы. Новый священник нашел приют в избе напротив церковного участка и там же во второй половине домика устроил храм. На самом же церковном участке остался только фундамент с двумя венцами и временная колокольня на четырех столбах

Проект церкви в Дундаге. Фасад. 1944 год

Второе церковное дело наметилось уже в последний, 1944 г. войны.

Глубокоуважаемый господин Шервинский!

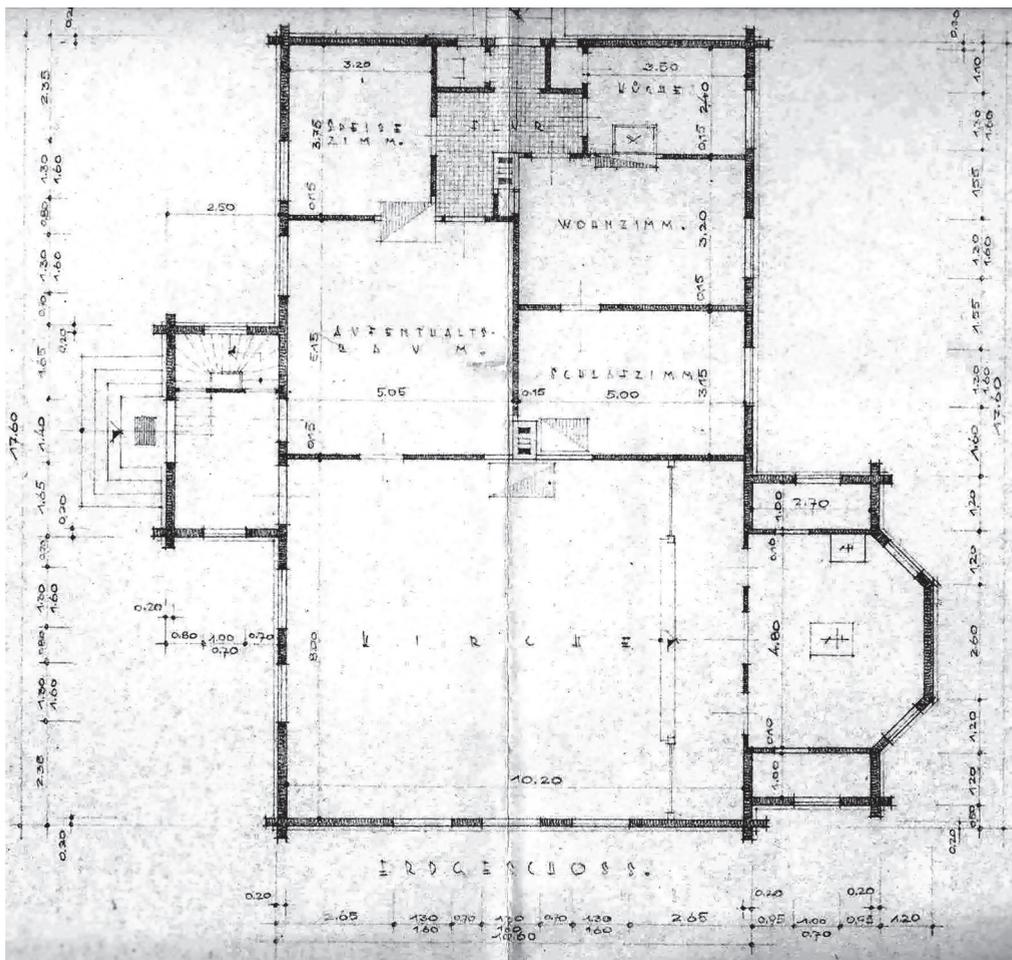
Владыка Иоанн поручил мне просить Вас подыскать строительное предприятие, которое могло бы заняться постройкой Дундагской церкви и выработать, для начала, смету расходов. Пересылаю Вам дело и прошу Вас сообщить – можете ли Вы принять на себя – в данное время – приискание (?) строительного предприятия.

Секретарь Епарх. Управления
1944. 28. IV

Строительное управление (Zentralbauleitung) немецкой армии хотело занять церковь в Дундаге и вместе с жилой частью здания, примыкающей к церкви, для нужд Строительного управления, перестроив и церковь под рабочие помещения. Противиться распоряжению армии нельзя было, тем более, что немцы обязались построить

на кладбище другую церковь, по нашему проекту. Так как при церкви должна была быть и квартира священника, то я для ускорения дела предложил использовать проект Лиелвардской церкви. Предложение мое было принято и немцы оформили проект своим именем. Но ведь война уже подходила к концу и из этой затеи тоже ничего не вышло.

Летом 1943 г. Бланкенбург (он был ближайшим нашим руководителем в строительной инспекции) сообщил мне, что меня командируют во Псков для составления проекта поселка Вауггуре во Пскове. Строительная группа там была размещена в разных временных зданиях, а немцы хотели, чтобы поселок принял благоустроенный вид. Побывать во Пскове, где я был всего несколько часов проездом в 1916 г., и осмотреть этот прекрасный старинный город было всегда моей мечтой, а тут вдруг командировка. Но, с другой стороны, я испугался, как бы не было со стороны немцев подвоха и не хотят ли они меня совсем перевести во Псков. Бланкенбург уверял, что нет, что это только на несколько дней, пока я составляю

Проект церкви в Дундаге. План. 1944 год

проект. Но что мог знать Бланкенбург, и я был очень встревожен. Мамочка³⁸ заволновалась еще больше, разлучаться в такое беспокойное время (ведь на фронте немцы стали уже терпеть поражение), и мамочка пошла лично переговорить с немецким начальством. Главный наш руководитель убедил мамочку, что командировка, действительно, только на несколько дней и что послать решили именно меня, потому что из всей группы только я сумею скоро справиться с задачей. И хоть сердце было очень беспокойно, но пришлось согласиться. Охвачен я был большим любопытством, когда поезд приближался к латвийско-советской

границе, что там за границей? Так много пришлось слышать и читать рассказов, но как там действительно выглядит, представить себе все же нельзя было. Чтобы предотвратить возможность нелегальных переходов границы, советское правительство выселило с пограничной полосы (что-то кажется около 5 км шириной) все население и эта полоса за долгие годы совершенно одичала, никаких не было даже признаков, что там когда-то жили и работали люди. Жутко было въехать в эту полосу, я с жадностью вглядывался во все, стараясь как можно лучше запомнить. Хотелось как можно скорее проехать этот неприветливый район, но

Дома у Шервинских готовили иконы для военнопленных – вырезали из довоенных журналов репродукции икон, клеили их на картон, покрывали лаком, освящали и раздавали в лагере.

поезд, как нарочно, шел очень медленно и казалось, нет конца этой отвратительной равнины-пустыни. Но вот вдали показались избы и около изб-живые люди. Легче вздохнулось, но все же нелегко, все люди казались очень вялыми, скучными и столь же вяло и скучно выглядели старые, давно не подновленные, полуразвалившиеся хаты и сараи. Но вот конец и этому, на горизонте показался величественный Псковский собор, куполами которого я как-то любовался с колокольни Вышгородской церкви, что около Пыталово. Поезд пошел быстрее, и скоро уже не только собор, но и весь город выплыл из-за туманной дымки и мы стали приближаться к железнодорожному мосту через реку Великую. Величественная

картина предстала перед моими глазами и не отрывался бы от окна, но поезд перешел мост, далекий вид скрылся и замелькали плохонькие домики окраины. Проехали мы мимо товарной станции, где в 1917 г., когда я уезжал с фронта в Москву и откуда мне в лютый мороз пришлось тащить мою тяжелую и драгоценную ношу, километра два до вокзала. Но теперь поезд не останавливаясь прошел дальше.

Навстречу мне была выслана машина и я легко добрался до места моего назначения, до поселка строительной группы. Встретили меня любезно, сейчас же показали мне комнату, где мне предстояло жить и приятно я был обрадован, когда в той же комнате оказался старый знакомый (не помню теперь, кто это был – кажется, из корпорации). Он моему появлению тоже обрадовался и взял меня под свое покровительство. На пять дней у меня была командировка, пять дней был действителен документ, выданный мне, откладывая начало работы никак нельзя было, да и погулять по городу мне ведь тоже хотелось. И я, разобрав свои вещи и умывшись после дороги, сейчас же направился к начальству, чтобы узнать подробности назначенной мне работы. В первый же вечер я пошел разыскать о. Кирилла Зайца, он был главой Православной миссии и настоятелем Свято-Троицкого собора и жил, как мне сказали, в Кремле где-то около собора. Нашел я его легко и как радостна была наша встреча, я не умею описать. Долго мы обнимались и целовались, ведь за все долгие годы моей работы для Церкви я с о. Кириллом очень сошелся и искренне его полюбил и не менее искренне он полюбил меня. Сейчас же мы пошли осматриваться, сначала в нижний зимний храм, низкий, но очень просторный, потом в верхний. Я не ожидал такой огромной высоты, закинул голову и ахнул. Семиярусный иконостас был величествен и сказочно прекрасен. Долго я стоял не отрывая глаз,

пока о. Кирилл не прервал меня: «А это славная Тихвинская икона Божией Матери, она была вывезена немцами из Тихвина, когда там все горело». Через год, когда немцы оставляли Псков, икону взяли в Ригу в собор, а осенью 1944 г. епископ Иоанн увез ее за границу, где она находилась в Покровском соборе в Нью-Йорке.

Посетил я и о. Бенигсона³⁹, он был настоятелем кладбищенской церкви и организовал в той части города школу. Милые детки охотно посещали школу и внимательно слушали своего батюшку.

Три дня я усердно работал, а четвертый день посвятил осмотру города. Я разыскал архитектора Сабурова⁴⁰, из Ленинграда, он несколько раз приезжал в Ригу и я с ним познакомился в Епархиальном управлении. Он обосновался жить в Пскове и изучил Псков очень хорошо. Он охотно взялся меня сопровождать и мы обошли с ним все старинные церкви. Но в каком ужасном состоянии они все находились! Давно стояли без всякого ремонта, все из них было вынесено и загажены были помещения до невероятного. И приятно было ходить по этому старинному городу и грустно, что все в таком ужасном состоянии. И кончили мы нашу прогулку обходом всего города вдоль наружной линии крепостной стены, расстояние большое, но зато я осмотрел все, что только было возможно. Долго мы ходили около Гремячей башни, очень уж она живописна на самом берегу реки Псковы. При переходе стены через реку Пскову, река пропусклась через арки, заделанные тяжелыми железными решетками. Остановились около Баториева пролома и, наконец, около башни Покровской, где через ворота открывался незабываемый вид на Мирожский монастырь и тут уже пришлось сесть и долго любоваться.

Фотографический аппарат у меня был с собой, но время ведь было военное и я опасался вынимать аппарат на улицах, где

Псков. Снимок, сделанный через ворота Покровской башни. 1944 г. Фотография В. М. Шервинского

Псков. Временный мост, сооруженный рядом со взорванным в 1941 году мостом. Фотография В. М. Шервинского. 1944 г.

все время ходило много немцев, но здесь в этом укромном уголке, где кроме нас двоих никого не было, я поспешил нацелиться и сфотографировать это замечательное место. Мирожский монастырь я осмотрел

На фотографии В. М. Шервинский сделал надпись: «На службе у меня был устроен вечер – на моем столе была такая карточка».

отдельно. Помещения монастыря были заселены и потому там все было в наилучшем состоянии.

Через временный мост, рядом со взорванным в 1941 г., я вернулся на свою сторону и по пути еще раз залюбовался всемирно известной звонницей при Пароменской церкви Успения Божией Матери.

В годы послереволюционные исчезла икона св. Троицы из ниши над входными воротами Кремля. По инициативе Климова Е. Е.⁴¹ была заказана новая икона мозаичная – рисунок был подготовлен Климовым. Икона прибыла из Германии в 1944 году, когда об установке ее на место не могло быть уже и речи и икона была установлена в большой Иоанновской церкви в Риге. После войны поставить икону над воротами тоже не представлялось возможным, но во Псков она была все же вывезена и стоит внутри в Кремлевском соборе, с левой стороны.

Работа моя была закончена, несколько раз я ее показывал начальству и удовлетворение проектом было полное. Немцы были очень довольны, и это мне чуть не повредило. Когда я заявил о том, что завтра уезжаю и прошу завизировать мою командировку, меня стали уговаривать остаться у них работать. Я сказал, что мои семейные

обстоятельства не дают мне возможности остаться в Пскове и тогда мне стали грозить, что не отпустят, что я считаюсь мобилизованным и не имею права по своему усмотрению располагать собой. Но на эту удочку я попасться не мог, мне в Риге было обещано, что командировка только на пять дней и я хорошо знал, что имею право дольше не оставаться. «Если вы», сказал я, «мне командировку не завизируете, я все равно уеду, командировка срочная, и в пределах срока мне билет на станции выдадут». Немцы не предполагали, что мне мои права так хорошо известны и видя, что запугать не удастся, поставили визу, очевидно им неудобно было бы перед высшим рижским начальством, если я вернусь без визы и расскажу, что со мной хотели поступить грубо. Я был свободен и отправку мою на станцию взялся организовать мой знакомый, с псковскими возможностями он был хорошо знаком. Побегал я еще проститься с о. Кириллом. Как и в первый раз вошел в Кремль через Святые ворота. Над воротами когда-то была чудная икона Св. Троицы Рублева, но при каких-то обстоятельствах она пропала. По инициативе Евгения Евгеньевича Климова по его рисунку в Германии была заказана новая, на этот раз мозаичная икона Св. Троицы в виде трех

ангелов у Авраама. Икона удалась очень хорошо, была доставлена в Ригу, дальше ее в тот момент отправить нельзя было и она временно была поставлена в Иоанновской церкви – с правой стороны около боковых дверей.

О. Кирилл был рад моему вторичному приходу, пожалел, что мое пребывание в Пскове было столь кратковременным и мы сердечно простились. По дороге назад, проходя через рынок, я решил купить кое-что из продуктов, что во Пскове легче было получить, чем в Риге. В первый раз я тогда увидел советский рынок: ни лавочек, ни возов, с которых у нас в Риге всегда происходит бойкая торговля крестьянских продуктов, не было. Были только длинные столы, а за столами стояли бабенки (может быть это были колхозницы, может быть городские перепродавщицы, не знаю). Перед каждой бабенкой на столе лежала маленькая кучка товара: пара килограммов масла или две буханки хлеба, или небольшая миска с творогом, или десяток незрелых яблок, т. е. было очень, очень мало и потому рынок имел жалкий вид и сильно меня поразил, у меня ведь в памяти сохранился вид рижского рынка до войны, когда в каждой лавочке были буквально горы товара. Невеселая была картина псковского рынка по количеству как продающих, так и покупающих. Покупатели были в непрерывном движении и от этого вся площадь гудела, а вид всего рынка был для меня совсем необычен: буквально у всех женщин на головах были белые платки и потому рынок приобретал какой-то чистый вид, и притом все это было в непрерывном движении, как будто над людьми шевелилась большая стая белых голубей. Обошел я весь рынок, приценился и наконец купил продуктов на все мои деньги, ведь денег тогда у нас было немного, а все стоило очень дорого, но все же дешевле, чем в Риге. Уложил я все в чемодан, был у меня еще постельный узел и я с тревогой

думал о том, как доберусь до станции. Мой знакомый сразу угадал мои мысли и поспешил меня успокоить – ведь во Пскове были совсем особого рода рикши. Помог он мне перенести вещи через мост, подошел к каким-то ему известным воротам, а там уже стоял мальчик лет 14 с тачкой, а таких тачек оказалось в городе много, и на них мальчики возили вещи, заменяя извозчиков. Быстро мальчик побежал по улице с моими вещами, так быстро, что мы еле за ним поспевали. По разным переулкам и дворам, он в точности знал кратчайший путь, мы шли и шли и, казалось, пути и конца не будет. Но вот мы выехали опять на главную улицу и в конце ее показался вокзал. «Дяденька, у тебя может быть есть сигары, мне тогда и деньги не нужны», спросил меня мой рикша. Маленький мальчик и спрашивает сигары, это показалось странным до дикости, но я догадался, ведь курево было в большой цене, и три сигары, которые мне выдали во Пскове, стоили гораздо больше, чем те деньги, за которые мальчик взялся везти мои вещи. Три сигары он получил, был очень доволен и весело побежал назад в город. Да, курево было дорого, это я хорошо знал по Риге, ведь как хорошо мы меняли папиросы, которые я получал на работе, на всевозможные продукты. Немцы курево получали довольно щедро и преимущественно сигареты, и так как они курили без мундштука, то остатки были довольно большие и наши курильщики постоянно обшаривали пепельницы, выбирали «кончики», высыпали из них табак и набивали в гильзы, уверяя, что огонь и дым все очищают. Были люди, которые даже городские урны обшаривали в поисках «кончиков», набивали гильзы и продавали. Часами некоторые наши сослуживцы сидели и крошили всякие травы, изобретая новые сорта табака и часто сознавались, что смесь получалась довольно отвратительная, но все же курили.

Поезда, на который мы шли с полной уверенностью, не оказалось и билет мне выдали только на ночной, что-то кажется в четвертом часу. Поблагодарил я моего доброго помощника за помощь и распрощался с ним. Тщательно я вглядывался в город, когда поезд переезжал через реку Великую, но ничего не было видно. Было

очень темно и, из-за тщательного затемнения, ни одного огонька во всем городе. Так на прощание Псков мне и не показался. И в городе темно и на станциях темно, и в поезде ни огонька, только утренняя заря дала возможность разглядеть других пассажиров и их оказалось очень мало.

Примечания

- 1 UTAG (*Umsiedlungs-Treuhand-Aktiengesellschaft*) – германское акционерное общество, занимавшееся переселением из Латвии в Германию немцев.
- 2 Здесь и далее в тексте автор использует русские названия рижских улиц: Малая Кузнечная улица – *Maža Kalēju iela*; бульвар Свободы – *Brīvības bulvāris*; Сарайная улица – *Šķūņu iela*; Матвеевская улица – *Matīša iela*; Известковая улица – *Kaļķu iela*; Королевская улица – *Karaļu iela*; Колодезная улица – *Akas iela*; Купеческая улица – *Tirgoņu iela*; Церковная улица – *Vaznīcas iela*; Карловская улица – *Kārļu iela*; Перновская улица – *Pernavas iela*.
- 3 Гайлис Янис (1882-1957), инженер-строитель, архитектор, автор ряда доходных домов в стиле так наз. «вертикального югендстиля». После 1920 года – строительный инспектор Строительной Управы г.Риги.
- 4 Озмидов Макс (Максим Николаевич, 1879-1952), архитектор, автор ряда зданий в Риге в стилях югендстиль и функционализм. Репатрировался в 1941 году.
Озмидова Евгения Николаевна (1880-?), сестра М. Озмидова. Озмидовы были одними из самых близких друзей семьи Шервинских еще в конце 19 века, когда Макс Шервинский (отец В.М. Шервинского) был коллегой и сослуживцем по Рижскому Политехническому институту профессора электротехники Николая Максимовича Озмидова, отца Макса Озмидова.
- 5 Таня – Татьяна Владимировна Упмане (1921-2005), урож. Шервинская, дочь В.М. Шервинского, преподаватель архитектуры на Строительном факультете Рижского Политехнического института.
- 6 Дернаков Владимир, племянник Николая Дьяконова, мужа Наталии Дьяконовой, урож. Кривошапкиной, сестры жены В.М. Шервинского.
- 7 Вышинский А.Я. (1883-1954), советский государственный и партийный деятель, в 1935-1939 гг. – прокурор СССР, в 1939-1944 гг. – заместитель председателя Совнаркома СССР. В июне-августе 1940 года Вышинский являлся уполномоченным ЦК ВКП (б) по Латвии.
- 8 Миша, дядя Миша – Кривошапкин Михаил Дмитриевич, муж сестры В.М. Шервинского Нины, основатель проектной и светопечатной конторы. 14 июня 1941 года семья М.Д. Кривошапкина была депортирована. Михаил был разлучен с семьей при посадке в поезд на станции Шкиротава (Рига). Скончался в лагере. Его супруга Нина Кривошапкина с детьми была выслана в село Маломуромка, Васюганского района Новосибирской области, где в 1942 году скончалась. Там же умер и их сын Владимир (1923-1942). Сын Борис (1916-1990) и дочь Наталия (род. в 1931 г.) вернулись в Ригу.
- 9 Кривошапкина Евгения Георгиевна (1855-1942), теща В.М. Шервинского. Кривошапкин Михаил Дмитриевич (1888-1942), брат жены В.М. Шервинского, инженер-строитель, депутат Рижской городской Думы, русский общественный деятель Латвии.
- 10 В этот период РПЦ управлялась не Патриархом, а Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Московским и Коломенским Сергием (Страгородским, 1867-1944).
- 11 Сергей (Воскресенский, 1897-1944), митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии.
- 12 Августин (Петерсонс, 1873-1955), с 1936 г. – митрополит Рижский и вся Латвии.
- 13 В этом месте В.М. Шервинский немного опередил события. По приезду из Москвы митрополит Августин попросил митрополита Сергия отпустить его в отпуск «по состоянию здоровья», после чего уехал из Риги и больше не принимал

- участия в церковных делах. Лишь 20 июля 1941 года, когда территория Латвии была оккупирована германскими войсками, Августин объявил о своем неподчинении митрополиту Сергию и о восстановлении ЛПЦ в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Несмотря на увещевания Сергия митрополит Августин продолжал раскалывать Церковь. В ответ на это 15 июня 1942 года митрополит Сергий запретил Августину в священнослужении.
- 14 Иоанн (Гарклавс, 1898-1983), с февраля 1943 г. – епископ Рижский, с 1949 года – епископ Детройтский и Кливлендский, с 1957 года – архиепископ Чикагский и Миннеаполисский
  - 15 С этого места В.М. Шервинский вновь возвращается к событиям 1940-1941 гг.
  - 16 Ренгарт Янис (1892-1960), архитектор, служил в различных архитектурно-строительных организациях Риги, преподавал на Архитектурном факультете Латвийского Университета, автор ряда зданий в рационально-конструктивистских формах.
  - 17 Круминь Артурс (1879-1969), архитектор, писатель, поэт.
  - 18 Михаил Димитриевич Кривошапкин.
  - 19 Боря – Борис Михайлович Кривошапкин (1916-1990), племянник В.М. Шервинского, инженер-строитель. 14 июня 1940 года вместе с семьей был выслан в село Маломуромка, Васюганского района Новосибирской области. После возвращения из ссылки в Латвию работал преподавателем в Рижском Строительном техникуме.
  - 20 Нина, тетя Нина – Нина Максимовна Кривошапкина (урож. Шервинская, 1892-1942), сестра В.М. Шервинского.
  - 21 Панкратовы – семья сестры В.М. Шервинского Веры.
  - 22 «Малый Миша» – Михаил Иванович Крампис, сын протоиерея Иоанна Крамписа и Лидии Крампис, урож. Кривошапкиной, сестры жены В.М. Шервинского.
  - 23 Ягарс Янис (1894-1970), инженер, социал-демократ, в 1923-1934 гг. – руководитель Рижского Строительного управления. В советском правительстве А. Кирхенштейна занимал пост министра путей сообщения.
  - 24 Леша, дядя Леша – Алексей Панкратов, муж Веры Максимовны Панкратовой, урож. Шервинской, сестры В.М. Шервинского.
  - 25 Карр Альфред (1894-1949), латвийский архитектор, вместе с архитектором Куртом Бетге создал архитектурное бюро, в котором в первой половине 1930-х годов был спроектирован ряд общественных зданий Риги (дом общества книгопромышленников, 1931 г.; дом кинотеатра «Айна», 1933 г.; здание Латышского акционерного банка, угол ул. Калькю и Вальню, 1935 г. и др.).
  - 26 Тетя Маня – Мария Дмитриевна Никифоровская, вдова священника Адриана Никифоровского, сестра жены В.М. Шервинского. Работала в канторе В.М. Шервинского.
  - 27 Шервинский Евгений Васильевич (1878-1942), советский архитектор.
  - 28 Церковь Св. Креста, лютеранская, построена в 1908-1910 гг. по проекту архитектора Вильгельма Бокслафа. Выдающийся памятник югендстиля г. Риги.
  - 29 Шалфеев Николай Васильевич (1870-1941), митрофорный протоиерей, клирик ЛПЦ.
  - 30 Дрейман-Дрейманис Павилс (1895-1953), архитектор, в 1926-1934 гг. – главный архитектор Риги, в 1934-1940 гг. – начальник Строительной управы г.Риги, в 1941-1944 гг. – городской глава Риги. Был сокурсником В.М. Шервинского в период окончания Архитектурного факультета в 1923 году.
  - 31 Вера, тетя Верочка – Вера Максимовна Панкратова, урож. Шервинская, сестра В.М. Шервинского. Работала в проектной канторе В.М. Шервинского. После Второй мировой войны проживала в США.
  - 32 Бабушка – Евгения Георгиевна Кривошапкина (1855-1942), урож. Закис, теща В.М. Шервинского.
  - 33 Зайц Кирилл (1869-1948), протопресвитер, в 1941 г. руководитель Внутренней Миссии, в 1941-1944 гг. – руководитель Внешней (Псковской) Православной Миссии.
  - 34 Речь идет о памятнике воинам 5-го Цесисского полка латвийской армии, павшим в Освободительной войне. Памятник в форме бетонного обелиска высотой 5,5 метра был открыт в 1925 году на территории казарм полка по ул. Пернавас. Когда на этой территории был устроен лагерь советских военнопленных, памятник решили перенести, однако эти работы по указанию администрации лагеря остановили. Дальнейшая судьба памятника неизвестна.
  - 35 Бланкенбург Индрикс (1887-1944), латвийский архитектор, в 1924-1940 гг. – руководитель Строительного бюро Министерства Образования, автор многих школьных зданий. После прихода Советской армии окончил жизнь самоубийством.
  - 36 Рождественский Николай (1893-1968), протоиерей, клирик ЛПЦ.
  - 37 Жунда Николай (1913-1955), протоиерей, клирик ЛПЦ.

- 38 Мамочкой В.М. Шервинский называл свою супругу Александру Дмитриевну Шервинскую (1886-1955), урож. Кривошапкину. Она умерла от рака за полгода до возвращения Владимира Максимовича из лагеря.
- 39 Бенигсен Георгий (1915-1993), митрофорный протоиерей, клирик ЛПЦ, Латвийской епархии МП, РПЦЗ, ПЦА.
- 40 Сабуров Николай Дмитриевич (1908-1968), художник, архитектор.
- 41 Климов Е.Е. (1901-1990), русский латвийский художник.

Публикация, предисловие к публикации и примечания Эйжена Упманиса

Публикация документов

Письма митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра (Паулуса) митрополиту Рижскому и всея Латвии Августину (Петерсонсу) и протоиерею Иоанну Свемпу, написанные в 1941-1943 гг.

В Эстонском Историческом архиве в фонде «Синод ЭАПЦ» хранится дело, содержащее оригиналы писем митрополита Рижского и всея Латвии Августина (17 писем, декабрь 1941г. – конец мая 1943 г.), протоиерея ЛПЦ Иоанна Свемпа (2 письма, июль 1942 г., февраль 1943 г.), машинописные копии и один черновик ответов своим сослужителю и однокашнику митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра (12 писем, февраль 1942 г. – июнь 1943 г.)¹.

Александр Кириллович Паулус (1872 г., хутор Хауамяэ, Перновский уезд Лифляндская губ. – 1953 г., Стокгольм, Швеция) родился в семье крестьянина Вяндраской волости, окончил местную приходскую школу, затем учился в рижских Духовном училище и Духовной семинарии, последнюю окончил в 1894 году по II разряду. Посвящен в диакона в Рижском соборе 26 августа 1901 года и затем 29 августа в сан священника в Рижской Иоанновской церкви епископом Рижским и Митавским Агафангелом (Преображенским). Священствовал в эстонских православных церквах в Кыргессааре, Каркси-Нуи, Лайузе. С марта 1916 г. по май

1920 г. служил в Перновском Преображенском соборе.

24 сентября 1920 года Синод ЭАПЦ обратился к патриарху Московскому и всея Руси Тихону с просьбой признать Эстонскую Церковь автономной и поставить во главе ее священника Александра Паулуса. Патриарха Тихона не пустили из Советской России в Эстонию, и 5 декабря 1920 года пярнуский священник Александр Паулус был хиротонисан бывшим архиепископом Псковским Евсевием и епископом Финляндским Серафимом в сан архиепископа Таллиннского и всея Эстонии. В 1923 – 1944 гг. Александр (Паулус) митрополит Таллиннский и всея Эстонии. К 1939 году в ЭАПЦ было два епископства и 158 приходов. При митрополите Александре в Эстонии было построено 15 новых церквей, действовало 4 монастыря. Митрополит Александр избирался в состав парламента 4-го созыва (1929–1934 гг.), был членом II палаты Государственного собрания (1937г.) и представителем ЭАПЦ в парламенте (1938 г.).

Осенью 1944 года эмигрировал сначала в Германию, в 1947 году переселился в Швецию,

где возглавлял ЭАПЦ в изгнании до самой своей кончины².

Настоящая публикация всех писем митрополита Александра и одного письма митрополита Августина (от 20 мая 1942 года) предваряет полную публикацию этого архивного дела и продолжает тему, заявленную в статье «Документы о Латвийской Православной Церкви в фонде Синода ЭАПЦ в Историческом архиве Эстонии»³.

Документы, касающиеся периода немецкой оккупации и раскола ЭАПЦ, были опубликованы во втором томе труда «Православие в Эстонии», изданного Церковно-научным центром «Православная энциклопедия» в 2010

году⁴. Однако в этом издании нет документов за 1943 год, в нем нет точки зрения оппозиционных к экзарху-митрополиту Сергию (Воскресенскому) опальных митрополитов ЭАПЦ и ЛПЦ. В книге-рецензии протоиерея Николая Балашова и протоиерея Игоря Прекупа на труд архимандрита Григория Папатомаза этот период пропущен⁵.

Настоящая публикация призвана расширить источниковедческую базу истории Православных Церквей Латвии и Эстонии.

Материал расположен в хронологическом порядке с указанием дат писем и листов архивного дела.

ЕАА.1655.3.433

1. Л. 6-6об. 24.12.1941. (дата на конверте из Риги). Письмо митрополита Августина (автограф).
2. Л. 8-8 об. 23.2.1942. Письмо митрополита Августина (автограф).
3. Л. 9. Письмо от 27.2.1942 (машинописная копия).⁶

Ваше Высокопреосвященство,
дорогой собрат и сослужитель во
Христе.

Я очень благодарен Тебе за письмо. Я уже сомневался, дошло ли мое письмо до Тебя. Я вполне понимаю Тебя и Твое положение. Если уже нам через некоторых Печерцев⁷ экзарх⁸ причиняет некоторые досаждения, то можно вообразить, каково положение Твое и истинных православных деятелей в Риге. Меня, правда, пока никто не беспокоил из-за этого «пакостника» и его единомышленников,

но имеются некоторые признаки, по которым видно, что и под меня они пробовали подкапываться. Я однако полагаю, что его «деятельности» рано или поздно будет конец. К сожалению, результаты такого неопределенного положения тяжело отзываются на Православной Церкви в наших краях. Я не писал обширных сочинений об этих Сергиях, как Ты, но неоднократно докладывал, кому следует, о совершенно нежелательном пребывании у церковного руля лиц, подобных М[итрополиту] Сергию⁹. По моему мнению, с подобными лицами нет надобности рассуждать на канонических основаниях, на каковые они, можно буквально сказать, «плюют», а следует напирать на то, что они являются пособниками безбожного большевизма.

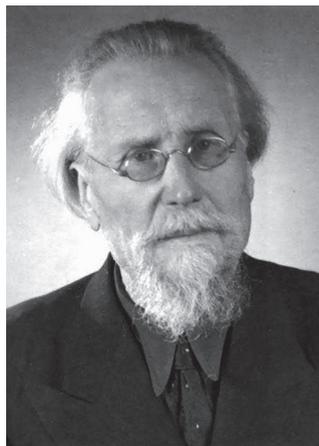
Твой однокашник о. К.Густавсон¹⁰ пришлет Тебе документ, который несомненно подтверждает это. Этот документ – пастырское послание Московского Патриаршего Местоблюстителя М[итрополита] Сергия от 22 июня 1941 г., каковое послание было в начале июля

прошлого года прислано для распространения и у нас. Я в это время скрывался от большевиков, и в мои руки попался только один экземпляр этого своеобразного послания. Подлинный экземпляр, по снятии копии, передан на усмотрение Властей. Думаю, что Ты с Твоими сотрудниками можешь сделать на основании этого документа соответственные заключения. Больше сейчас об этом писать не стану. Да и мне вообще неприятно писать о делах, кои касаются лиц, расстраивающих дела Церкви.

Живем мы здесь потихонечку и работаем по мере сил и возможностей на восстановление учиненных большевиками потерь и убытков. Я, кажется, уже в первом письме написал Тебе, что Церковь наша потеряла многих пастырей и церковных деятелей, а также сильно потерпела в материальном отношении через национализацию большевиками церковных и приходских имуществ и вследствие сожжения и разорения многих храмов. Так как средства наши маленькие, то и сотрудников у меня мало. По освобождении Германцами Таллинна от большевиков¹¹ мы получили обратно свои помещения, из каковых в большевистское время в нашем пользовании было только три комнаты. Вышгородский наш собор¹² – в виду дефектов строительно-технического характера – закрыт для совершения богослужений и для допускания посетителей.

Приходится прямо удивляться, какую чушь возводят на Тебя М[итрополит] Сергей и его «сподвижники», из коих один – Бениксон¹³, кажется, чисто еврейского происхождения. Другие евреи, кажется, больше не у дел. Спрашивается, почему он является исключением.

4. Л. 10-100б. 19.3.1942 (дата получения письма отмечена карандашом). Письмо митрополита Августина (автограф).

Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус). 1945 год.
ЕАА.5355.1.337

Протоиерей Константин Густавсон.
Фотография из собрания Давида Паппа

5. Л. 11-110б. 27.3.1942 (дата получения, помечена черными чернилами). Письмо митрополита Августина (автограф).

6. Л. 12. 31.3.1942.

Ваше Высокопреосвященство,
дорогой о Христе Брат.

В ответ на Твое письмо, полученное мною 27 марта с.г., сообщаю, что

послание М[итрополита] Сергия Страгородского выслано Тебе Твоим одноклассником о. К. Густавсоном вскоре после моего письма Тебе от 27 февраля с.г.

Непонятно, как Ты его до сих пор не получил. Прошу Тебя по возможности скорее дополнительно сообщить мне о неполучении сего послания. Нотариально заверить его невозможно, так как имев-

Митрополит Таллиннский и вся
Эстонии Александр (Паулус).
Конец 1940-х гг. ЕАА.5355.1.337

шийся у меня единственный экземпляр передан мною соответственным Властям. Но до передачи его мною сняты копии, подлинность которых могут заверить многие наши деятели, видевшие и читавшие его. Я уже написал Тебе, что в мои руки попал только один экземпляр послания, в подлинности которого нет никаких сомнений.

Напиши, пожалуйста, также о своем житье-бытье, равно и о судьбе епископов

Якова¹⁴ и Александра¹⁵, о которых я не имею никаких сведений.

Ты, вероятно, живешь теперь в доме Латвийской Православной Церкви, полученным в свое время за отчужденные здания б[ывшей] дух[овной] семинарии и училища.

Особенных новостей у нас нет. Дает себя чувствовать слишком долгий мороз, требующий для отопления помещений много дров, получить которых не очень легко.

От всего сердца приветствую Тебя с Светлым Праздником и радостно возглашаю: Христос Воскресе.

Да даст Воскресший Миротворец мир и утешение исстрадавшемуся от злобы и горести человечеству.

С совершенным уважением и братскою во Христе любовью

Твой сослужитель -

7. Л. 13-13об. 7.4.1942 (дата получения, помечена карандашом). Письмо митрополита Августина (автограф).

8. Л.14-14об. 10.04.1942.

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Митрополиту Августину.

При сем препровождаю Вам выпись из издаваемой в Берлине на русском языке газеты «Новое Слово» от 15 марта 1942 г. и выпись из издаваемой в Пскове газеты «Псковский Вестник» № 9 от 21 марта с. г. с прибавлением упоминаемого в этих выписях «послания «Местоблюстителя Московского Патриаршего престола Митрополита Сергия /Старгородского/ «пастырям и пасомым Христовой церкви».

По моему мнению, эти статьи и «послание» сами говорят за себя и точно и

убедительно доказывают, что с подобным представителем Церкви, каковым является автор «послания» Митрополит Сергей /Старогородский/, и его ставленником «эксархом» Митрополитом Сергием /Воскресенским/, ни один христианский пастырь и вообще ни один истинный христианин не может иметь никакого общения и единения.

Тем более странным является то, что в освобожденных Германцами от большевиков Латвии и Эстонии всячески стремится проявить свою власть и дезорганизовать жизнь местных Православных церковей ставленник Москвы и представитель Митрополита Сергея /Старогородского/ «эксарх» Митроп[олит] Сергей /Воскресенский/, бывший до переселения в Ригу правой рукою М[итрополита] Сергея /Старогородского/ и главным «воротилой» в московских «церковных» делах.

Полагаю, что на основании препровождаемых мною документов Вы сможете показать, кому следует, истинное лицо пресловутого «эксарха».

С совершенным уважением и братской во Христе любовью -

9. Л. 15. 6 мая 1942 г.

Ваше Высокопреосвященство.

Почтовую карточку Вашу от 13 апреля с.г. получил 16 апреля. Получил также частным образом сведения, что С.¹⁶ совершил в Риге какую-то хиротонию¹⁷. У нас с моими сородичами ему не удастся сделать подобных опытов. В дополнение высланных мною Вам статей газет советую Вам приобрести № 83 газеты "Deutsche Zeitung im Ostland"¹⁸ от 24 марта 1942 г. /Riga, Kalleju iela 20/.

В этой газете имеется весьма характерная статья: „Zeugen wider Sergius“¹⁹, которая может послужить к выяснению интересующего Вас вопроса.

Надеюсь, Вы и Ваши деятели на основании всех этих данных сможете разоблачить истинное положение дел.

Шлю сердечный привет и поклон.

Л. 1-4об. 20.5.1942 (датируется по содержанию письма, получено 26.5.1942).
Письмо митрополита Августина (автограф).

Ваше Высокопреосвященство.

Получил Твою открытку только вчера 19 V – сердечное спасибо и по обычаю сейчас же отвечаю.

Я теперь живу не в Риге, а уехал в деревню. Только не знаю, не уверен, получишь ли Ты мое письмо... Теперь я хоть отчасти описать, как мне жилось и что я пережил [в]это время после нашей встречи в Москве (нашего «выправления и очищения»)²⁰.

Как помнишь, мне надо было спешно выехать одному без протодиакона. Он сидел в патриархии и ожидал, когда его позовут, но все три телефона патриархии были выключены. Это было сделано с дьявольским расчетом, чтобы я поехал в Ригу один, и чтобы потом и петух не пел бы, когда меня арестуют. В таком расчете Сергей велел меня не прописать в Москве в гостинице. Поэтому меня в Бигосово чуть не задержали. Я уже вполне приготовился к аресту, но Бог спас. На другой день протодиакону чекисты сказали в Бигосово: «Что же Вы бросили своего Митрополита. Мы хотели его задержать, его пропуск не был прописан в Москве. Пожалели старика!».

Сергий приехал в Ригу 9.IV и сейчас же принялся за разрушение церковной жизни. Меня совершенно отстранил от

дел²¹, закрыл Синод²², уволил благочинных (Перехвальского²³ и Лисмана) и в какое-то им организованное Епархиальное Управление назначил Зайца²⁴, Янсона²⁵, Бенигсена (из жидов)²⁶, Трубецкого (зятя Янсона)²⁷, Торопогрицкого²⁸, который, стуча по Синодскому столу кулаком (аки некий Аввакум) требовал еще в октябре 1940 г. присоединения к Москве, и секретаря Д. Ишевского – форменного чекиста, конечно, во главе с самим Сергием. Что можно ожидать от такого управления? Сергей сам сейчас же стал самодержествовать: за мною шпионит, без стеснения угрожает, чуть кто ко мне проявляет расположение, – терроризировать. Он в совершенстве усвоил на практике применять большевистские приемы управления. Я его скоро раскусил и 25 апреля пришлось уехать в отпуск в деревню, хотели оставить меня там жить навсегда. Но когда большевиков прогнали из Риги, Ишевский, конечно, уехал в Москву, а Сергей решил, вероятно, по указанию НКВД, остаться в Риге. Полиция (местная) его арестовала (теперь жалеют, что его не расстреляли), а Янсон и Бенигсен поручились за него, и высшие власти его освободили и взяли под свое покровительство, и он теперь стал их доверенным лицом. Я вернулся в Ригу 18/VII и потребовал от него, чтобы он вернул мне мою кафедру. Он соглашался отдать мне те приходы, которые сами того пожелают. Я от такой комбинации отказался, так как это антиканонично и послужило бы только к разрушению веры и вражды, потому что многие приходы смешанные. Кроме того, я основательно знал, что из себя представляет оба Сергия. Через несколько дней меня позвали в полицию (Sicherheitspolizei) и предложили ехать в Псков «Экзархом»²⁹. Это, конечно, по совету Сергия. Я от такой чести отказался и указал им пусть

пошлют Сергия, так как он антиканонически сидит в Риге. Мне велели все это написать. Через несколько дней я написал краткий доклад и пошел туда вместе с профес. П. Старцом, который говорит по-немецки. Профес. Старц³⁰ вместе с адвокатом Зариным (они оба члены Синода) составили большую докладную записку на 56 страницах и послали. Затем несколько раз приходила ко мне полиция и меня в полицию вызывали, и я написал основательные, основанные на канонах, доклады, а Старц и Заринь ходили в разные учреждения и выясняли незаконность пребывания Сергия в Риге. И в октябре месяце мне поступили сведения, что решено Сергия отправить в Вильну, а управление латвийскою православною церковью передать мне и Синоду. Но так как тут замешана Вильна-Литва, другое генерал-губернаторство, то это решение должно получить санкцию Reichskom(m)is(s)ar'a. Здесь дело получило совсем другой оборот: меня отстранили от управления церковью, которое передали епископу Александру³¹ (боюсь его охарактеризовать) и Экзархату (епархиальному управлению неизвестного экзархата и не более известной епархии), состоящему из Янсона, Трубецкого и т.д. во главе с Александром. Несомненно, фактически все делает сам Сергей, а это только ширма. Он и они основательно уже разрушили латвийскую прав. Церковь. Даже при Соборе закрыт латышский приход и многие приходы оставили без священников по деревням³². Видишь, Сергей, конечно, с разрешения приехал в Ригу и вместе с Александром антиканонично посвятили какого-то Даниила в епископа Ковенского³³. Говорят, звали на помощь и Павла Нарвского³⁴, но тот почему-то не приехал. Говорят, Сергей скоро опять приедет в Ригу, а м.б., останется и совсем здесь жить. Недавно в Даугавпилсской

Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр
(Паулус). Начало 1950-х гг. ЕАА.5355.1.337

русской газете было напечатано (Янсона информация), что в г. Вильно для всего нашего края (б.б. Литвы, Латвии и Эстонии) открывается духовная семинария³⁵, и сведения о поступлении туда можно получить в Риге в патриаршем управлении (подч. в оригинале – Т.Ш.).

У нас все говорят со слов самого Сергия Воскресенского, что немцы его поставят патриархом в Москве. Конечно, дай Бог скорее занять Москву, но немцы немного переоценивают свои права: как меня экзархатом назначить во Псков они не могли, не имея канонических прав,

точно также они Сергия патриархом в Москву назначить не смогут. Московского патриарха будут выбирать «Князи Церкви», которые Сергия Воскресенского ни в коем случае не выберут. Будет то же самое с этим Сергием, что случилось 28 марта 1940 г. с Сергием Страгородским³⁶, которого некоторые епископы хотели провозгласить тогда патриархом Московским, и было довольно моего замечания: «Правомочны ли мы окраинные епископы выбирать патриарха для Советского Союза?» И вопрос этот больше не поднимался, и Сергей Страгородский остался митрополитом³⁷. Только, м.б., за это замечание мне теперь приходится расплачиваться. Помнишь – Московскому Сергию все время пели за шампанским «патриаршее многолетие», тем дело и ограничилось.

Я надеялся, что с приездом в Ригу Reichsminister'a Розенберга³⁸ дело может принять другой оборот, но он, когда был в Риге, в речи своей указал, что он, конечно, относится благоприятно к религии и устройству церковных дел поручил Reichskom(m)is(s)ar'u Лозе³⁹, а как он этот вопрос разрешил – это мы уже помним. Ведь это он меня уволил без объяснения причин только потому, что ему наговорили Янсон, Лауцис и Гримм⁴⁰. И я, несмотря на самое внимательное и беспристрастное обсуждение своей жизни и работы, не нахожу никаких оснований для такого поступка со мною. Единственное, что я могу придумать, это то, что я латыш. И он предпочел посланца НКВД Сергия Воскресенского мне. Правда, он ловкий, хитрый, лукавый, но ведь он в последнее время был фактически правителем в Москве. Несомненно он приехал в Ригу, как посланец Чеки, не создавать здесь веру, а разрушать, что он и делает. Секретарю Синода Котвяку (?) в Префектуре в большевистское время

сказал полковник: «Скоро приедет в Ригу Сергей Воскресенский. Он наш испытанный человек». А одному арестованному батюшке судебный следователь сказал: «Экзарх наш доверенный человек. Вы его слушайте. Правительство ему вполне доверяет». В первый же день по приезде в Ригу он поехал на автомобиле на взморье – смотреть море и заплатил за это сто латов. Потом он хотел купить собственный автомобиль и дачу, а пока правительство дало в его распоряжение прекрасный семиместный лимузин. А денег у него видели червонцами, и крупными червонцами, целую гору. И так он свободно разъезжал то в Ригу, то в Москву, Вильну, Таллинн, а мне не разрешили поездку в Москву, но потом уже по просьбе Сергия и мы с Тобою прокатились в Москву. И теперь Сергей также свободно разъезжает, и денег у него довольно, а мне не выдает с октября месяца прошлого года на содержание ни фенинга⁴¹. И если бы не дети, то мне пришлось бы туго. Я, как бывший учитель, получаю теперь 25 марок пенсии. Христиане мне собрали 137 марок, а Департамент Конфессий (лютеране) постановили выдать мне пособие в 100 марок в месяц на три месяца, но я еще не получил, боюсь, что не получу, т.е. не то, что боюсь их не получить: я в пище, слава Богу, не нуждаюсь, – дети помогают, но этот факт показывает только, чего я могу ожидать от будущего устройства Латвийской прав. Церкви.

Я как-то сказал еп. Александру в августе месяце прошлого года: «Если я буду жив и здоров – Сергей из Риги уедет», что теперь и совершилось, а теперь я ему сказал: «Если я буду жив и здоров, я опять буду правящим епископом Латвийской прав. Церкви». На это я несказанно надеюсь, если только меня не постигнет судьба Рижских

епископов Иринарха, Филарета, Иоанна⁴². Когда это будет, не берусь предрешать, но когда будут говорить каноны, а не пушки (kanones), это будет. Но за этот год я порядочно расстроил свое здоровье – бессонные ночи, голодовки... Представь себе: ко мне приходят двое немецких полициста⁴³ и говорят: «На каких основаниях Вы созываете заседание Синода?». Я им подаю наш Устав, который пока никто не отменял. Дело этим ограничилось. Потом спрашивают: «Как Вы могли говорить, что немцы увезут Сергия в Вильно расстрелять?». Я от этого вопроса в тупик стал. Я вообще против убийства... Оказывается, Сергий и компания всякую небылицу на меня наговорили: что я убил Владыку Иоанна, что хочу и Сергия убить, так что, когда он служит, у Собора стоит полицейский, что я и болен, и стар, и глуп-туп, и националист-латыш – ненавижу немцев... И полиция мне предлагала всякие каверзные вопросы, и подсылала ко мне полицейских латышей с провокационной целью. Пишу теперь Тебе «не обинуюся ничтоже». До сих пор я молчал, думая, что «удобнее молчание есть», но теперь с передачей устройства церквами Лоозе (так в оригинале –Т.Ш), думаю, что мое дело, хотя и вполне правое, каноничное, проиграно, пока он будет править, и потому не считаю нужным молчать. Знаю, что за это может грозить сума и тюрьма и «сладкий кофик», но с передачей управления моей Латвийской правосл. Церкви этой ослиной голове Александру с компанией мерзавцев Янсона, Лауциса и Трубецкого для меня «смерть приобретение», и сума, и тюрьма, и высылка «nach Vaterland» только приблизит момент моей встречи с моим Архиереем, которому я скажу: «Се аз, Господи, но детей моих у меня насильно антиканонично отобрали»...

Еще раз сердечное Тебе спасибо за Твое братское ко мне сочувствие, конечно, и Ты сам в том же положении, но у Тебя не оказалось Иудушки Зайца, Янсона, Лауциса, Трубецкого, не оказалось и «Петров» отрекающихся, не вели Человека сего, поэтому Твое положение иное.

Я теперь живу в деревне – служил и буду служить, пока силою меня из церкви не выведут, но в Риге Сергей велел передо мною запереть алтарную дверь, убрал спитрахиль, просфоры за здравие и за упокой, чтобы я не вынимал частиц, а Александр не разрешал мне служения, не разрешил мне в Риге причащаться, а архимандриту Сергию⁴⁴ запретили, под угрозой запрещения, принять меня на исповедь. Дальше идти некуда. «Сатана тут правит бал»...Прошу Твоих священных молитв.

Твой митрополит Августин.

Приписка: Пиши мне по Рижскому адресу – мне перешлют. Мой здешний адрес : Kļavkalna dzirnavās. С.Косу. / Волнуюсь – извини.

10. Л. 5 Ответ митрополита Эстонского Александра на письмо митрополита Латвийского Августина от 28 мая. Конец июля-начало августа 1942 года (машинописная копия).

Дорогой сослужитель,
Высокопреосвященнейший Владыка.

Уже давно собирался написать Тебе после полученного 28 мая с.г. письма, но настроение было как-то такое, что не располагало писать: уж очень грустные сведения заключались в этом письме, но и в Твоем новом письме тоже очень печальные известия и новости, которыми Ты и начинаешь свое письмо. К сожалению, и я начну свое нынешнее письмо с очень грустной новости. Ты шлешь дружеский

привет своему однокласснику и доброму другу о. Константину Густавсону. Увы, я уже не имею возможности передать ему Твой привет иначе, как в виде заупокойной молитвы, так как он 14 июля с.г. после двухдневного нетяжелого недомогания для всех неожиданно тихо скончался от слабости сердца. Все его друзья и знакомые очень жалеют о нем. В особенности я глубоко чувствую его уход в иной мир, так как он в последнее время был моим главным сотрудником и помощником во всех делах. В лице его мы потеряли человека в высшей мере честного, исполнительного, усердного, бескорыстного и высокоодаренного. Часто мы не вполне ценим человека при жизни, лишь после потери его мы глубоко и ясно сознаем его достоинства. Помолись за упокой покойного своего друга!

Поразило меня известие о смерти епископа Александра, который казался таким здоровым и крепким человеком. Не раз я неодобрительно думал об его образе действий и о сотрудничестве с Сергием Воскресенским, которое в конце концов и оказалось ему не по силам. Ты пишешь также о смерти доцента Ив[а]на Берзиня⁴⁵. И он был, сравнительно, молодым еще человеком, к тому же казавшимся вполне здоровым и крепким. Должно быть и его сломило лихолетье с его ужасами и оставленным им недобрым наследством. Да успокоит Господь его душу!

О резолюции и «деяниях» известной конференции было сообщение и в наших газетах. Уж мы диву давались и качали головами. Неудивительно, что Павел⁴⁶ присоединился к Сергию; для них Москва как царская, так и красная является центром шовинистически национальных вожделений и упований. Но как попал в эту компанию Яков⁴⁷, это для меня совершенно непонятно. Должно полагать,

действительно, по «младенчеству».

Павлу, по моему мнению, не поздоровится от его присоединения к Сергию. Он воображал, что наши русские последуют за ним, но оказалось наоборот. Нарвское, Таллинское и Тартуское русское духовенство не разделяет его воззрений и категорически возражают против его поступка, в особенности в Нарве. Как-то он думает служить там, когда все духовенство против него. Я предполагаю в скором времени поступить с ним по уставу нашей Церкви, т.е. приблизительно так, как поступили с Тобюю. Эстонские приходы, даже Печерские, ничего знать не хотят ни о Сергии, ни о Павле и им подобных. Курьезно, что я получил приглашение на конференцию⁴⁸, но только 5 дней после ее⁴⁹ начала. Конечно, и при своевременном получении приглашения я на нее не поехал бы. Даже старцу нашему Николаю⁵⁰ был послан с приглашением специальный гонец, который три дня бился над упорным отшельником, но не сломил его и не успел убедить поехать, хотя пустил в дело даже «родственницу», т.е. известную Тебе шовинистку г-жу Берг.⁵¹

Ты пишешь о возможной своей кончине. Конечно, все мы под Богом ходим, но только я желаю Тебе еще много лет здравствовать и увидеть время, когда лицам, подобным Сергию Воскресенскому и его единомышленникам, не будет возможности вмешиваться в наши церковные дела.

Я бы лично с большею радостью удалился, как и Ты, в деревню – от всей этой суеты и крушения духа, но не считаю это возможным по принятому на себя долгу и буду держаться, пока возможно, в надежде на то, что правда и истина восторжествуют над Сергиевской властью тьмы.

Интересно, как относятся к Сергию Воскресенскому и его приспешникам представители Латвийского Самоуправления⁵².

11. Л. 17-170б. 12.7.1942. Письмо Иоанна Свемпа (автограф).

12. Л. 22. Ответное письмо митрополита Александра протоиерею Иоанну Свемпу от 12 сентября 1942.

Дорогой друг о. Иоанн.

Очень Тебе благодарен за письмо, полученное мною от Тебя в июле месяце. Давно собирался Тебе ответить, но все выжидал развитие обстоятельств, которые теперь более или менее выяснились. Тот «крокодил»⁵³, о «деятельности» которого Ты мне писал, сделав свое дело у Вас, теперь оскаливает свои зубы и протягивает свои когти по отношению к нам. Он, оказывается, все же успел заручиться доверием сильных и за ним официально признано право деятельности и в Эстонии, несмотря на то, все эстонские и большинство русских приходов безусловно против него и вообще о нем и о Москве ничего знать не хотят. Мы – по мере возможности – будем защищать свое прежнее положение. Я могу с уверенностью сказать, что все мои православные сородичи твердо и определенно доверяют мне и поддерживают меня. Думаю, что нет ни одного православн[ого] эстонского священника, который после всего пережитого нами от большевиков и их последышей – добровольно стал бы сотрудничать с «крокодилом». Я и мои сородичи удивляемся, что у Вас нашлись правосл[авные] латышские духовные лица, которые поддерживают его и усердно сотрудничают с ним, напр., И. Янсон, Н. Вегайс /секретарь/⁵⁴ и т.п. Ты, друг мой, сам знаешь, какими эпитетами называют таковых прихвостней. Оказывается, что они и Якова зацепили на удочку. Меня очень поразило известие о смерти еписк[опа] Александра /Витоля/. Он

казался таким могучим и здоровым человеком – и вдруг умер «от расстройства нервов». Тебе, как родственнику, должно быть детально известны обстоятельства его болезни и кончины. Прошу Тебя, если возможно, поскорее сообщи мне обо всем этом.

Наши здешние однокурсники, за исключением о. Николая Пятса⁵⁵, который скончался 29 ноября 1940 г., все живы, но не все совсем здоровы. О. Михаил Пихлак⁵⁶ уже давно ушел за штат и уже из дома не выходит, так как ноги его сильно пухнут, да он и вообще слаб. О. Г. Андерсон⁵⁷ с весны уже живет у сына около Таллинна в Нымме и страдает довольно сильною одышкой от расширения легких. Собирается еще в Нарву на свое прежнее

Митрофорный протоиерей Николай Пятс с супругой Людмилой Николаевной. 1930-е гг. Из собрания Давида Паппа

место, но едва ли с него больше служаки станут. О. А. Антсон⁵⁸ на своем месте и состоит также Вильяндским благочинным, а Руга⁵⁹ служит участковым врачом. О. Д. Самон⁶⁰ на пенсии и здоров. О Вахере⁶¹ у меня сведений нет.

Ты пишешь, что у Тебя глаза стали слабыми. Обратись к главному врачу-специалисту, может быть беду поправит: медицина ныне по этой части сделала большие успехи.

ПРОТОКОЛ

СОВОРА ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПИСКОПОВ ФИНЛЯНДИИ, ЭСТОНИИ И ЛАТВИИ,
созванного в Сортовало (Суоми) 24. - 28 августа.

Присутствовали Архиепископ Каральский и всея Финляндии, Герман,
Митрополит Эстонии Александр, Митрополит Рижский и всея Латвии Августин,
Архиепископ Печерский Николай, Епископ Выборгский Александр и Епископ Ел-
гавский Яков. Протоиереи протоиерей Ник. Валмо и Ив. Миняграв.

Собрание открыл Архиепископ Герман 24 августа 1937 г. в 10 1/2
часов молитвой на финском, эстонском и латышском языках.

Арх. Герман приветствовал собор епископов от Финляндской православ-
ной церкви и выразил свою радость по поводу того, что все откликнулись на
его призыв.

Все три местных церкви находятся под одной юрисдикцией Константино-
польского патриарха и в одинаковых почти условиях, и всетаки живут обособ-
ленно, мало интересуются друг другом, а будущее нам неизвестно и поэтому по-
лезно было бы время от времени собираться для обсуждения общих нужд, общих
вопросов - и в случае нужды оказать помощь - хотя бы нравственную.

Митрополит Александр, отвечая на приветствие арх. Герма, благодарит за
почин и добрые пожелания. Нам мало, но из малого семени вырастает большое
дерево. Благодарит за гостеприимство и надеется, что такие собрания в будущем
будут в Эстонии и Латвии.

Митрополит Августин тоже благодарит за почин такого собрания. Цер-
кви эти образовались от Русской церкви - и поэтому сейчас является большим
местом вопрос о языке - и тем более, что некоторые русские вопрос правосла-
вие смешивают с русской национальностью. Но православие не есть только рус-
ская религия. Что с Литвой, нам неизвестно, но Польша имеет желание сблизить-
ся с нами.

После приветственных речей постановили послать приветствие - теле-
грамму президенту республики следующего содержания: -

"Собравшийся в Сортовало собор епископов Финляндской, Эстонской и
Латвийской православных церквей приветствует Вас, гдѣ президент Республики,
и испрашивает Божьяго благословения и успеха Финляндской Республике и Вам.

От имени собора арх. Герман."

Потом приступили к рассмотрению программы собрания.

1. "Установление тесной связи между Латвийской, Эстонской
и
Финляндской церквями."

Митроп. Александр.

Тесное единение между церквями - это завет Спасителя, так как
церковь едина. Мы находимся на одинаковом каноническом положении. Рань-
ше были объединены в Российской церкви. С образованием самостоятель-
ных государств, этот вопрос изменялся, и теперь православие стало мень-
шинственной религией. Большинство теперь лютеране, хотя их отношение
и сравнительно хорошее, все таки оказывают свое влияние. В последнее
время стали размножаться разные секты. Они ведут особенно усиленную
пропаганду, чтобы привлечь себе сторонников и чтобы распропагандиро-
вать другие конфессии. Они не знают, что такое справедливость, ни хри-
стианская любовь. Их влияние особенно опасно в Эстонии, где до 1920
года Закон Божий вовсе не преподавался, а потом ввели интерконфессио-
нальное преподавание, что тоже идет только на пользу большинству, и
преподается Закон Божий только в русских школах преподавании Зако-
на Божия теперь был внесен законопроект в Национальное Собрание, но
не был принят. Кроме того, начинается агитация воинствующаго безбожия

Протокол Собора православных епископов Финляндии,
Эстонии и Латвии. 24-28 августа 1937 года. ЕАА.1655.3.400.

Сам я лично живу по-прежнему. От большевиков ни я, ни мои дети урона не потерпели. Сын⁶² мой от мобилизации большевистской скрылся.

Призываю на Тебя благословение Божие и желаю доброго здоровья и всего наилучшего и шлю сердечный привет.

Твой любящий однокашник –

13. Л. 18-21об. 2.8.1942. Письмо митрополита Августина (автограф).

14. Л. 24-24об. 20.9.1942. Письмо митрополита Августина (автограф).

15. Л. 25-26об. 11.11.1942. Письмо митрополита Августина (автограф).

16. Л. 27. 27 ноября 1942.

Дорогой Собрат во Христе,
Высокопреосвященнейший
Митрополит
АВГУСТИН.

Я все Твои письма получил без всякой доплаты. Книгу «Соборность церкви»⁶³ получил от протоиерея И.Богоявленского⁶⁴, который за нее никакой мзды не взял, так что я никаких расходов в этом отношении не имел.

Я понимаю Твое положение и во всем горячо сочувствую Тебе. Московский «владыка» и ко мне подбирается, и желает меня поставить в такое же положение, как и Тебя. Но, слава Богу, у нас он не может этого сделать, так как все эстонские приходы, коих у нас подавляющее большинство, а также и некоторые русские приходы не желают и знать его, а потому его угрозы и [за]прещения не имеют никакого значения. Г-ном Генерал-Комиссаром Эстонии нашей Церкви разрешено работать на прежнем основании дальше под названием «Эстонской

Православной Митрополии». Все наши духовные и светские церковные деятели очень довольны таким разрешением и радостно продолжают трудиться во славу Божию и на благо ближним.

Посетили меня, действительно, два о. Янсона⁶⁵ и убеждали меня покориться своему начальству, пытаюсь утратить меня могущими постигнуть меня в случае моего упорства и отказа духовными и гражданскими репрессиями. Однако успеха они не имели никакого; даже напротив: так как указанные о.о. в присутствии двух молодых иереев на мой соответствующий вопрос подтвердили, что прибывший с м[итрополитом] Сергием в Ригу в качестве секретаря его Д. Ишевский⁶⁶ был несомненно чекист, то я категорически заявил, что с такою компаниею я не желаю иметь никакого дела и общения. С тем они и отъехали. О Тебе они говорили очень мало и в том смысле, что Ты сам повинен в постигших Тебя невзгодах.

Наш Иудушка /еп[ископ] Павел/ продолжает свое Иудино дело: был в начале ноября опять в Риге на совещании, на котором порешили и меня предать духовному суду и т.д.⁶⁷, а в Нарве волнует верующих своими тенденциозными и безосновательными выступлениями, сея смуту и разруху среди тамошних православных жителей. Дело может кончиться не в его пользу⁶⁸.

Владыка Николай живет тихо в своей усадьбе и радуется вместе со мною и нашими верными деятелями о возможности работать в деле веры на прежнем основании. Пишет, что некоторое время болел гриппом, а теперь поправился.

Я Тебя постоянно поминаю и буду поминать, как своего собрата и сослужителя, надеюсь, что Господь продолжит Твои дни еще на многие лета и сподобит видеть мирные и лучшие времена.

Прошу Твоих св.молитв, шлю искренний привет и желаю всего лучшего

[Приписка рукою Александра] С совершенным уваже[нием] и братск[ой] во Христе любовью М.А.

17. Л. 28-28об. 6.12.1942 (дата получения письма отмечена черными чернилами).
Письмо митрополита Августина (автограф).

18. Л. 29-29об. 21.12.1942. Письмо митрополита Августина (автограф).

19. Л. 30-30 об. 11 января 1943

Дорогой друг,
О. Иоанн.

Написал Тебе 12 сентября 1942 г. письмо, на которое ответа не получил. Меня интересовал вопрос об обстоятельствах кончины еп. Александра. О. Андрей Янсон, который вместе с И.Янсоном приезжали сюда в октябре месяце обращать меня на путь истинный, т.е. на подчинение тому, которого Ты в своем письме 12 июня прошл[ого] г. назвал «большевистским крокодилом», сообщил мне о печальных обстоятельствах смерти еп[ископа] Александра. Тот же о. Андрей сообщил мне и о смерти Твоей супруги. Выражаю Тебе глубокое сочувствие по случаю тяжелой потери и молитвенно желаю Тебе Христова утешения, а усопшей – вечной блаженной жизни. И я, к сожалению, не могу порадовать Тебя радостными вестями, а считаю своею печальной необходимостью сообщить Тебе грустную весть о кончине нашего дорогого однокурсника о. протоиерея Михаила Пихлака, скончавшегося после долгой и тяжелой болезни 28 декабря 1942 г. и похороненного на Гросс-Иоганнском⁶⁹ кладбище 3 января с.г. К

моему прискорбию, в виду нынешних условий железнодорожного движения и служебных дел я не мог принять участия в отпевании, которое совершил с местным священником наш о.Константин Антсон. При случае сообщи о кончине о. Михаила Пихлака о. Андрею Янсону и о. Андрею Виеглайсу⁷⁰. Я им писать уже не стану, так как они теперь состоят в великой чести у Московского «святителя», состоят членами его Епархиального Совета, ожидают или уже дождались митры, а меня с моими сородичами-православными эстонцами считают схизматиками. Да, уж очень хотелось «крокодилу» проглотить и нас, да не удалось. По истине, «Бог не выдаст, свинья не съест»⁷¹.

Правда, много хлопот пришлось претерпеть, пока мы отделались от нашествия и напора этого чекистского сотрудника. Секретарем Сергея в большевистское время в Риге был чекист Д. Ишевский. Хорош представитель церкви, воображающий совершать дело Божие вместе с агентом дьвольского наместника Сталина.

Лично живу по-прежнему тихо. Не уверен, дойдет ли до Тебя мое письмо, так как адрес прежний, старый.

Желаю Тебе благословение Божия, здоровья, мира и всего доброго.

20. Л. 34-34об. 11 января 1943 г.

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой Владыка и Собрат во Христе.

Спасибо за приветствие к Празднику и Новому году, полученное мною 24 декабря 1942 г., и открытку, полученную 5 января с.г. Очень утешительно получать приветствия и сведения от испытанного и давнишнего собрата и друга. Так как забот, хлопот и всяких дел у меня много, то я не всегда успеваю своевременно и быстро отвечать на получаемые письма.

Встреча прибалтийских митрополитов и епископов в Финляндии. Сортавала, 1937 г. В первом ряду: митрополит Таллиннский Александр (Паулус), митрополит Финляндский Герман (Аав), митрополит Латвийский Августин, архиепископ Печерский Николай (Лейсман). ЕАА.5355.1.337.

Прошу поэтому, извинить меня, если
иногда запоздал с ответным письмом.
К сожалению, время быстро течет и в
своем течении похищает наших друзей и

сотрудников. Мне опять приходится со-
общить Тебе грустную весть об отшествии
туда, откуда нет возврата, одного нашего
однокурсника – протоиерея Михаила

Пихлака, скончавшегося после продолжительной и тяжелой болезни 28 декабря 1943 г. Должно быть, Ты его помнишь. Так – шаг за шагом уходят наши друзья и сослужители и редуют наши ряды, а тут хлопчи еще с такими «святителями», как Сергей Воскресенский. Он после второго своего епископского совещания прислал мне указ, сплошь полный неточных, тенденциозных и лживых сведений о моей деятельности и положении нашей Митрополии. По моему распоряжению ответил ему коротко секретарь Синода о.Н. Кокла⁷². Сам я считаю ниже своего достоинства отвечать такому разорителю веры. Впрочем, хотя С. развел большую смуту и сделал большой вред Православию у нас, однако, с другой стороны, «действия» и приемы его и его единомышленников обнаружили «волков в овечьей шкуре», которые под личиною веры преследуют совсем иные цели, как это показали еп. Павел и единомышленники с ним русские батюшки⁷³, которые от меня, кроме хорошего, ничего не видели. Из эстонских священников к экзарху примкнули двое, состоящих на службе в русских приходах и, собственно говоря, совершенно недостойных священного сана. Оба они были только временно допущены к занятию места приходск[ого] священника. Теперь один из них еп. Павлом возведен в сан протоиерея. Сергей копию своего указа с некоторыми другими копиями послал почти всем священникам нашей Митрополии в надежде угрозами о схизме, о запрещении в служении, о предании суду и т.п., привлечь их на свою сторону, но, конечно, безрезультатно. От некоторых, должно полагать, он получил ответ совсем иного рода. Я со своей стороны разослал через благочинных приходам циркуляр, в котором основательно изложены лживость и неосновательность Сергиевского указа.

Что касается Московского Сергия, то он творит поистине «чудеса». Теперь, например, в приветственной телеграмме называет гонителя веры и Церкви Сталина «Богом избранным вождем», а в последнее время сделал распоряжение об отдаче оставшегося церковного имущества на образование фонда сооружения танков большевикам. И такому-то «святителю» и его ставленнику хотят нас заставить подчиняться и возносить их имена на богослужениях. Это было бы смешно, если не было бы столь грустно.

Лично я живу по-прежнему – потихоньку. На состояние здоровья жаловаться не могу, только бессонница, которую я страдаю уже давно, что-то стала еще больше усиливаться. Прилагаю к сведению копию ответа экзарху «по поводу его указа» и выпись из германской газеты «Новое Слово».

Прося Твоих Св. молитв, желаю Тебе мира, здоровья и всего доброго и шлю сердечный братский привет.

С искренним уважением и братскою во Христе любовью –

21. Л. 32-32об. 9.2.1943. Письмо митрополита Августина (автограф).

22. Л. 38-41об. 10.2.1943. Письмо о.Иоанна Свемпа (автограф).

23. Л. 42-42об. 12 марта 1943 г.

Дорогой друг,
О. ИОАНН!

Получил твое письмо 13 февраля. Очень и очень благодарен Тебе за сообщение вестей о весьма интересующих меня вопросах и делах.

Да – жизнь прожить – не поле пройти: много неожиданного и негаданного приходится пережить и перевидеть на жизненном пути. Попадают на нем и

радости, и горести, и светлые моменты и мрачные дни, но больше все-таки несчастья, горести и печали, чем счастья и радости. Потому неудивительно, что уже на окончании земного пути человеку поют о месте упокоения «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание»...

Я рад, что несмотря на то, что и Ты уже чувствуешь тиски старости, особенно в виде некоторого ослабления зрения, Ты однако еще сравнительно бодр, жизнерадостен и способен шутить, что свидетельствует о Твоем хорошем и благодушном настроении, которое было присуще Тебе и в прежнее время.

Ты очень характерно и изобразительно описываешь поступки и «деяния» «крокодила». К сожалению, они дают печальные и вредные последствия. Особенно грустное впечатление производит повествование о кончине епископа Александра, этого, по-видимому, могучему дуба, погибшего от дуновения противного ветра. Да упокоит Господь его душу безвременно скончавшегося борца за веру Православную и права своего народа. Я все-таки до сих пор удивляюсь нашим однокашникам о.о. Андреям, так покорно идущим на поводу у крокодила. Ты, между прочим, напоминаешь о предстоящем в 1944 г[оду] пятидесятилетия окончания нами курса в б. Р. Д. семинарии. Несомненно, те из нас, которые доживут до этого времени, пожелали бы по обычаю прежних пятилетий достойно отметить и отпраздновать это событие. Но только о.о. Андреям со мною и нашими здешними сослужителями сослужить не придется, ибо за это крокодил предаст их анафеме, если, конечно, до того времени устоит. Наши эстонские и смешанные приходы все остались в составе Эстонской Митрополии и ничего знать не хотят о крокодиле и его клеветках, хотя он и теперь еще пытается навлечь

тень на меня и моих верных сотрудников сообщением в какой-то своей докладной записке Властям сплошь тенденциозных и неверных сведений о положении наших дел. Мне через друзей удалось получить копию этой записки. При случае придется воспользоваться этими данными для изобличения его автора в представлении лживых сведений в официальной бумаге.

Между прочим, о.о. Янсоны, по возвращении из Таллинна в Ригу, по-видимому, напели на меня что-то несуразное об отношениях моих к Финляндии, так как об этом было спрошено в одном учреждении от одного нашего представителя. Вопрос был поставлен в том смысле, что будто я в разговоре с Янсонами заявил, что мы объединимся с Финляндией /в политическом отношении/. У нас разговор был только о церковных делах. Поэтому намек на политическое отношение сделан умышленно и тенденциозно, чтобы навести на меня и моих сотрудников некоторую тень и подозрение.

О своей жизни, а также о жизни наших однокашников ничего нового сказать не могу. Все мы живем по-прежнему. Только у нас на Таллинн в феврале месяце было несколько вражеских налетов, причинивших некоторые несчастья и потери, которые, по милости Божией, не коснулись нас.⁷⁴

Молитвенно призываю на Тебя благословение Божие, желаю Тебе здоровья, успехов в Твоих делах и трудах, и всего лучшего, и шлю искренний и дружеский привет.

С совершенным уважением и братскою любовью

24. Л. 33-34об. 17.2.1943 (дата получения письма отмечена черными чернилами).
Письмо митрополита Августина (автограф).

Архиепископ Печерский Николай
(Лейсман). 1938 год.
ЕАА.5355.1.406

Профессор богословия
Тартуского университета
Василий Мартинсон.
Фотография из собрания
Давида Паппа

25. Л. 37-37об. 17.2.1943 (дата получения письма отмечена черными чернилами). Письмо митрополита Августина (автограф).

26. Л. 35-36. 23.3. 1943 г.

Глубокочтимый Владыка,
Дорогой брат во Христе.

Должно быть, Ты уже давно ожидал ответа на свои письма, которые мною получены в феврале месяце. Прошу простить мне великодушно за промедление с ответом. Прилагаю при сем копию «указа», каковую Ты хотел получить. Оригинал его прислан мне, а копии, подобные прилагаемой, высланы почти всем священникам нашим да еще с приложением копий некоторых других бумаг и с предписанием «начальника личной канцелярии Митроп[олита]-экзарха И.Гримма» всем причтам и приходам Эстонской епархии – прекратить молитвенное общение со мною и сообщить об этом Нарвскому Павлу или самому экзарху, которые, к их досаде, до сих пор тщетно ожидают этого сообщения и никогда не дождутся его. Нашелся только один Иудушка-священник⁷⁵ одного маленького смешанного прихода, полуполяк, полурусский, порадовавший великих «святителей» сообщением о выходе из нашей Митрополии. Поступок этого, с позволения сказать, иерея тем мерзостнее, что он был назначен на этот приход исключительно по моему снисхождению согласно слезным просьбам его самого и его родных.

Впрочем, не приходится удивляться этому, когда предателей высшего ранга среди сородичей вышеуказанного Иудушки в настоящее время не занимать стать.

Со своей стороны, я послал своим прихожанам циркуляр, в котором выяснил

Хиротония протоиерея Павла Дмитриевского во епископа в Нарвском Преображенском соборе 3 октября 1937 года. Справа от о. Павла (он - в центре) – протоиерей Владимир Преображенский, протоиерей Александр Мянник, митрополит Таллиннский и всея Эстония Александр, митрополит Рижский и всея Латвии Августин, епископ Печерский Николай (Лейсман). Слева стоят: протоиерей Георгий Андерсон, митрофорный протоиерей Николай Пятс. Фотография из собрания Андрея Корлякова (Париж)

всю лживость и тенденциозность содержания «указа».

Относительно языка преподавания в православном отделении богословского факультета Рижского университета до получения Твоего письма – сообщено, кому следует, что ни я, ни кто-либо другой представитель нашей Митрополии никогда ни с кем разговоров об этом не вел, а, тем более, не давал намека на то, чтобы таковым языком был русский. Все это зловредная выдумка.

Я таким выступлениям и поступкам уже больше не удивляюсь. До чего в этом отношении можно дойти, доказывает содержание докладной записки, поданной экзархом, вероятно, летом прошлого /1942/ года Властям о православной Миссии в освобожденных областях России.

Записка подана на немецком языке. Я получил случайно только перевод ее на русском языке. В этой докладной записке целых 14 глав, из которых меня и нашу Митрополию интересует, главным образом, глава третья /экзархат и Эстонская епархия/. Можно сказать, что содержание этой главы представляет прямо рекорд лганья. Это было бы, конечно, смешно, если бы не было печально и даже опасно. Подробности писать не стану, отмечу только, что в этом писании делаются попытки набросить на меня тень политической неблагонадежности. К счастью, это сделано настолько голословно и безосновательно, что можно только от души посмеяться над извилистыми ухищрениями авторов писания. /Разумею С.В. и начальника канцелярии/⁷⁶. Так как я люблю ясность положения, то я все-таки

намерен выяснить дело и доказать всю лживость и тенденциозность вышеозначенных борзописцев.

Что касается проф. В.Мартинсона⁷⁷, то он давно известен как великий сторонник всего русского, в роде Вашего И. Янсона. Он пока еще находится в Тарту, только слышно, что ему предложено место в Виленском экзаршем уч. заведении⁷⁸. Если в этом учебном заведении имеются эстонцы, то речь может быть только о двух обрусевших молодых людях.

Лично я живу по-прежнему. У нас в Таллинне в феврале и марте были неоднократно ночные тревоги с изрядным «шумом» и некоторыми несчастиями. П.И. Сепп проживает недалеко от Тарту в деревне, где у него имеется свой домик и небольшой участок земли.

Шлю Тебе искренний сердечный привет и желаю здоровья и всего хорошего.

27. Л. 43-45. 2.4.1943. Письмо митрополита Августина (автограф).

28. Л. 46-46 об. 27.4.1943. Письмо митрополита Августина (автограф).

29. Л. 47-47 об. 21.5.1943. Письмо митрополита Августина (автограф).

30. Л. 48 Таллинн
17 июня 1943 г. (черновик, рукопись)

Высокопреосвященнейший
Дорогой во Христе брат!

Прошу простить мне, что давно не отвечал на Твои последние два письма. Ты верно пишешь, что у меня много дела, а еще больше забот и хлопот. Поэтому иногда нет времени писать, а иногда нет настроения. 12 мая у нас состоялось собрание представителей нашей Митрополии, на каковое собрание прибыло из

27 членов 20. На повестке были вопросы текущего характера: доклад об общем и хозяйственном положении Митрополии, о рукоположении епископа, о подготовке духовенства и псаломщиков-регентов, об издании религиозно-нравственной литературы, о социальной деятельности и о работе с юношеством и о направлении и порядке дальнейшей деятельности Высшей Власти Митрополии. Кроме этого некоторые вопросы менее значительного характера. Все вопросы собранием решены единодушно и единогласно. Присутствовал и Архиеп. Николай.

Собрание нашло необходимым рукоположить нового епископа для Южной части Эстонии и наметило кандидатом во епископы протоиерея П. Пяхкеля⁷⁹. В виду закрытия большевиками Петсерской Духовной семинарии и упразднения кафедры православного богословия при Тартуском университете постановлено временно готовить кандидатов на должность священнослужителей посредством временных (зачеркнуто) курсов. Так как издание и распространение духовной литературы в нынешнее время затруднено, то собрание решило пригласить духовных и светских православных деятелей, склонных и способных к литературной работе, подготовить рукописи и соответственные сочинения к тому времени, когда будет больше возможностей к изданию их. Постановлено также предложить в приходах и церковных организациях развивать социальную деятельность и работу с юношеством по мере возможностей и средств. Собрание единодушно одобрило деятельность Высшей Власти Митрополии во всех отношениях, а также по отношению к нынешней Московской Церкви. Вопрос о времени хиротонии нового епископа впредь до получения сведений об отношении к этому Власти пока не решен.

Об архиепископе Германе⁸⁰ я знаю только то, что он здравствует и опять проживает в Сортавале в церковном доме, который приведен в порядок. Переписку с ним вести нет возможности, так как почтового единения с Финляндией нет.

С.В.⁸¹ сам не вмешивается в наши дела, но здесь старается здешний его единомышленник⁸² – наш “Иудушка”, который нашептывает наоборот на нас, только успеха не имеет, а, наоборот, теряет даже среди прежних своих сторонников. Я долго терпел его необоснованные выступления, но теперь принял меры против него. Этот Иудушка своими распоряжениями и назначениями произвел большую смуту

и вызвал недоумения среди своей паствы. До чего назначения странны и несуразны видно, напр[имер], из того, что недавно им назначен старшим священником (и.д. настоятеля) Нарвского собора Знаменья о. С.Соловьев⁸³, не имеющий законченного богословского образования и недавно рукоположенный во иерея, к тому же известный алкоголик, несмотря на то, что при соборе уже несколько лет служит иерей с академическим образованием, безупречного поведения⁸⁴. Думаю, что такие эксперименты даром не пройдут.

Шлю Тебе сердечный привет и желаю всего доброго.

Примечания

- 1 Исторический архив Эстонии =ЕАА.1655.3.433.
- 2 Eesti biograafiline leksikon. Täiendus köide. Tartu, 1939 (A. Laar), ЕАА.1944.1.29, 64; ЕАА.1927.1.8; ЕАА.4967.1.7; 8, ЕАА. 5355.1.292 – ЕАА. 5355.1.338, 400 www.mitropolia-spb.ru
- 3 Татьяна Шор, Документы о ЛРЦ в фонде Синода ЭАПЦ Национального архива Эстонии // Православие в Балтии, 2013, № 10 (1). Рига, 2013, 23–28.
- 4 Православие в Эстонии. Исследования и документы в 2-х томах. Т. 2 / ред. протоиерей Николай Балашов, С.А. Кравец. Москва, 2010. С. 135–183 (документы № 42, 16.09.1941 – № 61 30.12.1942).
- 5 Балашов Николай, Прекуп Игорь, Проблемы православия. Таллинн, 2013. С. 13.
- 6 Письма даются в современной орфографии: вместо «ѣ» – е, окончание на –аго – -ого, -і- в сочетании с гласными в середине и конце слов транскрибируется как «и», окончания «ъ» не воспроизводятся.
- 7 29.8.1940 архиепископа Печерского Николая (Лейсмана) отстранили от руководства Печерским монастырем. На его место временно был назначен архиепископ Парфений (Шаталин). С 8 декабря 1941 г. настоятелем монастыря стал считаться митрополит Литовский и Виленский, экзарх Эстонии и Латвии Сергей (Воскресенский). В его отсутствие делами обители вплоть до своего ареста 19.10.1944 г. занимался игумен

- Павел (Горшков, 1867–1950). Погиб в ИТА под Тайшетом.
- 8 Здесь и далее речь идет о митрополите Виленском и Литовском Сергии (Воскресенском, 1897–1944), который в марте 1941 года был назначен экзархом Латвии и Эстонии.
- 9 Митрополит Сергей (Страгородский, 1867–1944), с 1937 г. – Патриарший Местоблюститель Московской Патриархии, с 1943 г. – Патриарх Московский и всея Руси. Автор Декларации 1927 года о лояльности Православной Церкви к коммунистическому режиму в СССР.
- 10 Густавсон Константин Петрович (10.9.1873–14.7.1942), в 1895 г. окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1919–1920 гг. прошел курс на звание учителя гимназии при Тартуском Университете. В 1900 г. епископом Рижским и Митавским Агафангелом (Преображенским) в Рижском кафедральном Христорождественском соборе рукоположен во священника, с 1932 года протоиерей, настоятель Таллиннского Преображенского собора, член и секретарь Синода ЭАПЦ.
- 11 Германские войска вошли в Таллинн 29 августа 1941 года.
- 12 Таллиннский Александро-Невский собор был освящен в 1900 г., арх. М.Т. Преображенский. – Тизик К. Ревельский Александро-Невский собор на Вышгороде. Ревель, 1900. 86 с.
- 13 Бениксон (Бенигсен) Георгий (1915-1993), митрофорный протоиерей, клирик ЛПЦ, Латвийской

- епархии МП, РПЦЗ, ПЦА. Считалось, что его отец – инженер-капитан российской армии Михаил Иванович Бениксон был выходцем из рода обрусевших немцев. Следует отметить, что в годы нацистского режима евреи не могли служить православными священниками. Разумеется, что митрополит Александр прекрасно знал об этом. Подр. о нем см.: Ольга Раевская-Хьюз, Протоиерей Георгий Михайлович Бениксен 1915-1993. (http://feodorovna.ucoz.lv/index/pskovskaja_missija_sinodik/o-142)
- 14 Епископ Иаков (в миру – Яков Карп, Jēkabs Karps (19.8.1865–19.10.1943 Кокнесе), 27.9.1936 г. хиротонисан во епископа Елгавского, викария Латвийской митрополии. Хиротонию совершали митрополит Рижский и всея Латвии Августин (Петерсонс), митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус), архиепископ Печерский Николай (Лейсман) и архиепископ Финляндский Герман (Аав). В 1941 году, когда митрополит Рижский Августин (Петерсонс) принёс покаяние в расколе и воссоединился с РПЦ, епископ Елгавский Иаков вошел в клир Московского Патриархата, в котором продолжал служить вплоть до своей кончины.
  - 15 Епископ Александр (Витолс, 1879–1942), епископ Иерсикский (1938), с 1939 г. – Мадонский. Окончил Рижскую Духовную семинарию тремя годами позже митрополита Августина. В его хиротонии 17.7.1938 г. в Даугавпилсе приняли участие митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус) и епископ Печерский Николай (Лейсман). В 1941 году вошел в клир Московского Патриархата, в котором находился вплоть до своей кончины.
  - 16 Экзарх-митрополит Сергей (Воскресенский).
  - 17 Речь идет о хиротонии бывшего секретаря митрополита Литовского и Виленского Н.П. Юзвюке. Архиепископ Даниил (Юзвюк Николай Порфирьевич, 1880 – 1965), архиепископ Пинский и Брестский. В 1905 году окончил Литовскую Духовную семинарию, в 1913 году – юридические курсы при Министерстве Юстиции, в 1917-1918 гг. – земский начальник в Лидском и Виленском уездах, временный судья. В 1922 году оппировался в Польшу, преподавал в Виленской Духовной семинарии, в 1939–1940 гг. – секретарь митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского). 12 апреля 1942 года пострижен в монашество с именем Даниил. 25 апреля 1942 года хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. После смерти митрополита Сергея (Воскресенского) в мае 1944 года по завещанию последнего возведен в сан архиепископа. После войны отказался от эмиграции на Запад, в конце 1945 вернулся в СССР. Арестован в 1950 году, приговорен к 25 годам ИТЛ в Иркутской области в лагере Озерном. Амнистирован в 1955 году, с 1964 года проживал в Измаиле в Жировицком монастыре, затем до кончины – в Михаило-Архангельском монастыре в селе Александровка. – См.: Православная Энциклопедия. Т. 14. Москва, 2007. С. 91–92.
  - 18 Издавалась в Риге с 5 августа 1941 до начала 1944. Главный редактор Э. Фротчер.
  - 19 «Свидетельства против Сергея».
  - 20 Имеется в виду собор епископов 30 марта 1941 в Москве, на котором произошло публичное покаяние митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра. Подр. см.: Православие в Эстонии. Исследования и документы. Т.1. Москва, 2010. С. 137–138.
  - 21 Митрополит Августин сам попросил отпустить себя в отпуск «по состоянию здоровья».
  - 22 Синод ЛПЦ на своем заседании 11 апреля 1941 года передал все дела Экзаршему управлению и принял решение о самороспуске.
  - 23 Протоиерей Николай Перехвальский 15 мая 1941 года был назначен членом Экзаршего управления, поэтому, в связи с увеличением нагрузки, попросил освободить его от обязанности благочинного рижских приходов. С 15 июня 1944 года о.Николай вновь стал выполнять обязанности Рижско-градского благочинного.
  - 24 Кирилл Иванович Зайц (1869–1948), протопре-свитер, в августе 1941 года – начальник Внутренней Православной Миссии в Латвии, с конца ноября 1941 года по февраль 1944 года – начальник Внешней Православной Миссии с местонахождением во Пскове.
  - 25 Митрофорный протоиерей Иоанн Янсон (ок.1878–1954), в 1926-1940 гг. – ректор Рижской Духовной семинарии (1926–36), в 1933–1954 гг. – настоятель Рижского кафедрального Христорождественского собора. В 1935 году выдвигался кандидатом на место предстоятеля ЛПЦ, однако в результате вмешательства МВД его кандидатура была отклонена.
  - 26 Митрополит Августин никогда не скрывал своих антисемитских взглядов. Его нападки на о. Георгия Бениксона (Бениксена) объясняются тем, что о. Георгий был одним из первых, который потребовал от митрополита принести покаяние РПЦ в грехе раскола, а также не поддержал Августина в годы нацистской оккупации.

- 27 Протоиерей Николай Трубецкой (1907–1978), выпускник Свято-Сергиевского Православного Богословского института в Париже, в 1941–1942 гг. – секретарь Латвийского Епархиального управления. Подр. о нем: Голиков Андрей.Фомин С. Кровью убеленные: Мученики и исповедники Северо-Западной России и Прибалтики (1940–1955). М.: Паломник, 1999. С. 113–116.
- 28 Настоятель Всехсвятской церкви Риги о. Алексей Торопогрицкий погиб в гестапо на допросе в декабре 1941 г. по обвинению в помощи евреям Рижского гетто.
- 29 Имеется в виду возглавить Псковскую Православную Миссию.
- 30 Петерис Старц, профессор, агроном, в 1936–1941 гг. – член Синода ЛПЦ.
- 31 Т.е. епископу Мадонскому Александру (Витолсу).
- 32 Действительно, во время войны многие священники обслуживали несколько приходов. Это была вынужденная мера, так как часть латвийских священников была командирована в состав Внешней (Псковской) Православной Миссии для возрождения церковной жизни в Северо-западных районах России.
- 33 Н.П. Юзвюк был рукоположен во иерея 4 апреля 1942 года, 12 апреля того же года был возведен в сан протоиерея и пострижен в монашество с именем Даниил, 13 апреля возведен в сан архимандрита и 26 апреля хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии с местом служения в Ковно.
- 34 Павел (Дмитровский) (15.1.1872 – 12.1.1946), с 3.10.1937 года – епископ Нарвский и Изборский в лоне ЭАПЦ. В его хиротонии принял участие митрополит Августин. С 25.12.1942 года – архиепископ Таллиннский и вся Эстонии МП.
- 35 Речь идет о Пастырско-Богословских курсах, открытых при Вильнюсском Св. Духовском монастыре.
- 36 Митрополит Сергей (Страгородский, 1867–1944), в 1943–1944 гг. – Патриарх Московский и вся Русь.
- 37 В условиях сталинской диктатуры вопрос об избрании Патриарха мог решаться лишь с согласия советского правительства. Этого не могли не знать епископы, поэтому вряд ли их остановило замечание митрополита Августина.
- 38 Розенберг Альфред Эрнст (1893 Таллинн–1946 Нюрнберг), в 1933–1945 гг. начальник внешнеполитического управления III Рейха, в 1941–1945 гг. – рейхсминистр Остланда.
- 39 Лозе Генрих (нем. *Hinrich Lohse*, 1886–1964), в 1941–1944 гг. – рейхскомиссар оккупированных восточных территорий Остланда со штаб-квартирой в Риге.
- 40 Иван Давидович Grimm (1891–1970), бывший приват-доцент Тартуского университета, секретарь Сергия. См. ЕАА.2100.2.151. Ivan Grimm
- 41 Д.б. пфеннига.
- 42 Первого епископа Рижского (в 1836–1841 гг.), викария Псковской епархии, Иринарха (Попова, 1790–1877) 7 октября 1841 года сняли с рижской кафедры. Второй викарный епископ Рижский (в 1841–1848 гг.) Филарет (Гумилевский, 1805–1866) в ноябре 1848 года был переведен на кафедру епископа Харьковского и Ахтырского. Иоанн (Поммер, 1876–1934, прославлен РПЦ в лике святых в 2001 г.), в 1921–1934 гг. – архиепископ Рижский и вся Латвии, был убит в ночь с 11 на 12 октября 1934 года.
- 43 По-латышски полицейский – *policists*.
- 44 Архимандрит Сергей (Подворозник), настоятель Рижского Св. Алексеевского монастыря.
- 45 Иоанн (Jānis) Берзиньш (1883–1841), приват-доцент Латвийского Университета, директор Латвийского Государственного архива.
- 46 25.12.1942 года Павел (Дмитровский) митрополитом Сергием (Воскресенским) был возведен в сан архиепископа.
- 47 Имеется в виду участие епископа Иакова (Карпа) в Псковской Внешней Миссии и возведение его митрополитом Сергием 6.7.1942 г. в сан архиепископа.
- 48 Речь идет о Соборе епископов экзархата, состоявшемся 15.6.1942 года.
- 49 В тексте «его».
- 50 Николай (Лейсман) (1862–1947), с 2.4.1933 г. – епископ Печерский, с 20.7.1935 г. – архиепископ. 4.10.1937 года в Печорах праздновался 50-летний юбилей его пастырского служения, на котором присутствовали митрополит Таллиннский и вся Эстонии Александр, архиепископ Финляндский Герман, митрополит Рижский и вся Латвии Августин и епископ Нарвский Павел.
- 51 Возможно, речь идет о второй супруге бывшего директора Раквереской гимназии, с 1940 г. – старшего заведующего учебной частью девичьей Высшей школы во Врешене (Познань, Польша) Германа Берга – Эрике Берг, урожд. фон Баранофф.
- 52 Речь идет о Земельном самоуправлении Латвии (*Latvijas Zemes pašpārvalde*).
- 53 Имеется в виду экзарх-митрополит Сергей.
- 54 Николай Виеглайс, настоятель церкви Рижского женского Троице-Сергиевского монастыря. В «Списке епископов и духовенства Русской

- Православной Церкви, бежавших с немцами из Советского Союза» значится как Н. Веглайс (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 1, д. 129, л. 298) (Подр.: Копылова О. Судьба Тихвинской иконы Божией Матери в период II Мировой войны и в первые послевоенные годы // Седмица.RU. 16.7.2007. Доступен <http://rusk.ru/st.php?idar=22569>).
- 55 Николай Константинович Пятс (24.8.1871–29.11.1940 Таллинн), в 1894 году окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1899 год в Рижском кафедральном Христорождественском соборе рукоположен в сан священника, с 1920 года протоиерей, в 1936–1940 гг. митрофорный протоиерей Таллиннского Александро-Невского собора. Старший брат президента Эстонской Республики Константина Пятса.
  - 56 Михаил Михайлович Пихлак (28.12.1872–28.12.1942 Сууре-Яани), в 1894 году окончил Рижскую Духовную семинарию, до 1898 года служил канцеляристом в Рижской Духовной консистории; с 1925 года протоиерей, до конца 1940 года настоятель Сууре-Яаниской церкви.
  - 57 Андрессон Георгий Иванович (17.01.1871–26.03.1946). В 1894 году окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1896–1897 гг. причетник Валкской Николаевской церкви. Затем служил священником в Нарве, в Шлиссельбурге, с 1921 года протоиерей, в 1920–1941 гг. – настоятель Нарвской Кренгольмской церкви.
  - 58 Антсон Константин Матвеевич (4.4.1873–6.4.1958 Вильянди). В 1894 году окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1898 году в Рижском Петропавловском соборе рукоположен во священника. С 1925 года протоиерей, священствовал в Вильяндиском благочинии.
  - 59 Руга Иван Петрович (23.12.1871–после 1942), в 1894 году окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1901 году – Медицинский факультет Юрьевского университета. Во время Первой мировой войны служил военным врачом, в 1923 году вернулся в Эстонию.
  - 60 Самон Дионисий Космич (13.9.1871–22.7.1950 Таллинн), в 1894 году окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1896 году рукоположен во священника, с 1921 года протоиерей, до 1938 года – настоятель Коплиской церкви. После Второй мировой войны священствовал в Таллиннских церквях.
  - 61 Вахер Федор Алексеевич (1872 – ?), в 1894 году окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1898 году рукоположен во священника, до 1910 года служил в Арусааре. Лишился священства из-за повторного брака.
  - 62 Жена митрополита Александра – Зинаида Андреевна, урожд. Ахтман, умерла в 1909 г. В семье было двое детей – сын Александр (1902–?) и дочь Тамара (1906–2001), в замужестве Рост. Муж Тамары погиб во время бегства из Эстонии, Тамара вместе с отцом проживала в Швеции и была активной деятельницей ЭАПЦ за рубежом.
  - 63 Елевферий (Богоявленский) [митрополит]. Соборность церкви: Божие и Кесарево. Париж: [б. и.], 1938. 349 С.
  - 64 Старший брат митрополита Виленского и Литовского Елевферия (1870–1940) Иван Яковлевич Богоявленский (1879–1949) служил настоятелем Таллиннской Симеоновской церкви. В 1943 году экзархом-митрополитом Сергием был награжден орденом Платона I степени. В декабре 1946 года овдовел и 12 июня 1947 года был пострижен в монашество в честь священномученика Исидора, пресвитера Юрьевского, возведен в сан архимандрита. 22 июня 1947 года был хиротонисан в епископа. Вплоть до кончины – епископ Таллиннский и вся Эстонии Исидор.
  - 65 Протоиереи Иоанн и Андрей Янсоны. О. Андрей Янсон был одноклассником митрополита Александра по Рижской Духовной семинарии. Подробнее о цели этого визита см.: Письмо патриаршего экзарха митрополита Сергия митрополиту Александру от 12 октября 1942 г. – Православие в Эстонии. Том 2. М.: Православная энциклопедия, 2010. С. 162–164.
  - 66 Ишевский Дмитрий Александрович (псевд. М.А. Привалов, 1894–?). журналист, деятель Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).
  - 67 См. Указ митрополита Литовского Сергия, экзарха Латвии и Эстонии, о митрополите Александре от 5 ноября 1942 г. – Православие в Эстонии. Том 2. Документы. Москва: Православная энциклопедия, 2010. С. 165–169.
  - 68 См. Указ Патриаршего экзарха митрополита Литовского Сергия епископу Нарвскому Павлу от 16 ноября 1942 года о принятии на себя посреднические функции между эстонским духовенством и экзархом на время запрещения служения митрополиту Александру и циркулярное письмо епископа Нарвского Павла от 24 ноября 1942. – Православие в Эстонии. Том 2. Документы. Москва: Православная энциклопедия, 2010. С. 169–170.
  - 69 Современное эст. название Suure-Jaani.
  - 70 Виеглайс Андрей (1872–1954), протоиерей, клирик ЛПЦ. Латвийской епархии МП, отец протоиерея Николая Виеглайса.

- 71 См. Письмо генерал-комиссара в Ревеле митрополиту Александру от 28 октября 1942. – Православие в Эстонии. Том 2. Документы. Москва: Православная энциклопедия, 2010. С. 164.
- 72 Кокла Николай Константинович (1912–1983), сын протоиерея К.Кокла, в 1940 году окончил Теологический факультет Тартуского Университета, до 1944 года – секретарь Синода ЭАПЦ, затем – Харью-ляэнский благочинный и секретарь правления Таллиннской епархии (в 1946–1981 гг.). В 1951 году при епископе Романе занимался всеми делами Таллиннской епархии.
- 73 Возможно, имеется в виду Тайловский протоиерей Элий Верхоустинский, в 1941 году получивший из рук экзарха Сергия митру, и его сын Николай Верхоустинский, который в ноябре 1941 года в Нарвском Преображенском храме был рукоположен в священника.
- 74 В 1943 году советские самолеты бомбили Таллинн в феврале, марте, августе и сентябре. Наиболее опустошительным был налет 9 марта.
- 75 Речь идет о Ростиславе Романовиче Лозинском (1912–1994). С 1934 года – священник Нарвской Св. Троицкой (Штиглицкой) церкви, 1 марта 1942 года был переведен на приход Таллиннской Александро-Невской кладбищенской церкви, подчинявшейся экзарху Сергию. 9 марта 1944 года Александро-Невская церковь была разрушена советской авиацией. В 1944–1957 гг. о. Ростислав Лозинский служил настоятелем Успенского собора в Тарту. О нем см.: Иванен, Андрей. Протоиерей Ростислав Лозинский: «Всему мера – благоразумие» // Мир православия. 2001. № 9. Доступен: www.baltwillinfo.com/mp9-01/mp-14p.htm
- 76 Т.е. митрополита Сергия (Воскресенского) и И.Д. Гримма, в 1943–1944 гг. – начальника канцелярии экзарха-митрополита.
- 77 Мартинсон Василий Антонович (1874–1955, Св.Тихоновский монастырь в Пенсильвании, США), магистр богословия Петербургской ДА, в 1922–1939 гг. и в 1941–1943 гг. – профессор догматики Теологического факультета Тартуского университета (ЕАА.2100.2.615; ЕАА.2100.2с.167).
- 78 Т.е. на Пастырско-Богословских курсах в Вильнюсе.
- 79 Петр Михайлович Пяхкель (Peeter Pähkel, 1875–1948), в 1897 году окончил Рижскую Духовную семинарию, учился в эвакуированном в Ростове-на-Дону Варшавском университете. С 1920 года – протоиерей. В 1923 году вернулся в Эстонию, служил на Хельме-Тырваском приходе, в 1933–1940 гг. – преподаватель Печерской Духовной семинарии. 25.7.1943 г. в Таллинском Преображенском храме митрополитом Александром и архиепископом Печерским Николаем хиротонисан во епископа. Проживал и служил в Печерской Варваринской церкви. Его епископский сан не был признан Московской Патриархией. Арестован 26.7.1946 г., приговорен к 10 годам ИТЛ в Кемеровской области, где и умер.
- 80 Аав Герман Васильевич (Аав, Негман 1878–1961), в 1900 году окончил Рижскую Духовную семинарию. Служил в церквях на о. Сааремаа, владел финским языком. Был приглашен в Сортавала в качестве епископа, хиротонисан 23.4.1923 г. в епископа Карельского, с 13.6.1925 г. – архиепископ Карельский и всей Финляндии в лоне Константинопольской Патриархии.
- 81 Т.е. митрополит Сергей (Воскресенский).
- 82 Т.е. архиепископ Павел (Дмитровский).
- 83 Сведений об этом назначении и о таком священнике в архиве не обнаружено.
- 84 Возможно, речь идет о протоиерее Владимире Яхонтове, бывшем настоятелем Нарвской Ивановгородской Знаменской церкви (с 1941 по 1944 гг.) или о выпускнике Печерской Духовной семинарии священнике Михаиле Рауде (Решкине, Калашникове, 1900–1983), служившем в этом приходе до 1940 г. Позднее он был священником Псковской Духовной Миссии, в 1944–1945 гг. служил в лагере ингреманладских беженцев в Финляндии.

Вступительная статья, публикация документов, комментарии и примечания Татьяны Шор (Эстония)

«Завещание» митрополита Августина (Петерсонса)

Биографическая справка. Митрополит Августин (в миру Августин Адамович Петерсонс) родился 17.02.1873 года в Леяспилери Кечской волости в латышской православной семье. Окончил Рижское Духовное училище (1889) и Рижскую Духовную семинарию (1895). В 1904 году епископом Рижским и Митавским Агафангелом (Преображенским)¹ был рукоположен в сан диакона, затем – иерея. Служил в храмах Рижской епархии. Во время Первой мировой войны был полковым священником. После возвращения в 1921 году в Латвию служил в Даугавпилсе в соборе Св. Александра Невского (1921-1922), с 1922 года – настоятель собора Св. Бориса и Глеба в Даугавпилсе. В 1922 году был возведен в сан протоиерея. С 1926 года по 1936 год – гарнизонный священник Даугавпилса. В 1934 году овдовел.

После мученической кончины архиепископа Рижского и всея Латвии Иоанна (Поммерса)² Синод Латвийской Церкви под нажимом органов государственной власти Латвийской республики взял курс на отделение ЛПЦ от Московского Патриархата, в юрисдикции которого Латвийская Церковь обладала правом широкой автономии³. Не известив Московский Патриархат, ЛПЦ перешла в юрисдикцию Константинопольского

Патриархата. В феврале 1936 года Патриарх Константинопольский Вениамин⁴ даровал ЛПЦ автономию. На Вселатвийском Церковном Соборе 9-10 марта 1936 года предстоятелем ЛПЦ был избран протоиерей Августин Петерсонс. 29 марта 1936 года он был хиротонисан во епископа Рижского и всея Латвии и возведен в сан митрополита.

После присоединения Латвии летом 1940 года к Советскому Союзу весной 1941 года митрополит Августин перешел в юрисдикцию Московского Патриархата. Когда началась оккупация Латвии нацистской Германией митрополит Августин заявил о непризнании над собой юрисдикции Московской Патриархии и 20.07.1941 года объявил о восстановлении ЛПЦ в юрисдикции Константинопольского Патриархата. 15.06.1941 года экзархом Латвии и Эстонии, митрополитом Литовским и Виленским Сергием (Воскресенским)⁵ был запрещен в священнослужении. В 1944 году эмигрировал в Германию. В 1947 году митрополит Августин обратился к Экзарху КП в Западной Европе митрополиту Фиатирскому Германосу (Стренопулос)⁶ с просьбой о принятии ЛПЦ в эмиграции в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Эта просьба была удовлетворена в 1948 году. 04.10.1955 года митрополит Августин

скончался в санатории для больных туберкулезом и был погребен на кладбище немецкого города Гаутинг⁷.

10.08.2011 года состоялось перезахоронение останков митрополита Августина, согласно

его завещанию, в родную латвийскую землю. По желанию родственников митрополита Августина, его останки были перезахоронены в Косе (волость Скуйенес Ачатского края) рядом с могилами его родителей.

4 октября 1955 года в пригороде Мюнхена Гаутинге скончался глава Латвийской Православной Церкви, митрополит Рижский и всея Латвии Августин (Петерсонс). Практически все время со дня эвакуации в Германию в 1944 году и до своей кончины он провел в различных санаториях для больных туберкулезом. К моменту кончины он являлся единственным духовным лицом Латвийской Православной Церкви (ЛПЦ) в эмиграции на территории Германии. Незадолго до своей кончины митрополит Августин обратился к главе Германской епархии РПЦЗ архиепископу Берлинскому и Германскому Александру (Ловчегу)⁸ с просьбой о принятии попечения о ЛПЦ в Германии и о духовном окормлении православных латвийцев. 7 апреля 1955 года митрополит Августин подтвердил свою просьбу письменно, передав архиепископу Александру заявление. Этому событию и посвящена настоящая публикация.

Заявление митрополита Августина о передаче попечения известно и ранее уже было опубликовано⁹. В настоящей публикации представлен ряд документов Архива Германской епархии РПЦЗ (далее АГЕ), подтверждающих факт передачи митрополитом Августином попечения о латвийских приходах Германской епархии и раскрывающих подробности этого события.

На момент обращения митрополита Августина к архиепископу Александру ЛПЦ в эмиграции находилась в юрисдикции Константинопольского Патриархата. В связи с этим возникает вопрос – почему именно Русской Православной Церкви Заграницей

передал попечение о ЛПЦ в эмиграции митрополит Августин, а не Константинопольскому Патриархату и какой характер носила передача попечения? В публикуемых документах АГЕ тема юрисдикционной принадлежности митрополита Августина не затрагивается. Не определены временные рамки передаваемого попечения и дальнейшая судьба ЛПЦ. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изучить комплекс архивных документов, включая и документы архивов Константинопольского Патриархата. Документы АГЕ лишь отчасти проливают свет на эту тему. В документах, исходящих непосредственно от митрополита Августина, причиной передачи попечения называется преклонный возраст и обострение болезни митрополита.

Более информативны письма архиепископа Александра (Ловчегу). Как свидетельствует архиепископ Александр, одной из причин, побудивших митрополита Августина передать попечение о ЛПЦ Германской епархии, было желание самого митрополита Августина, чтобы Латвийская Православная Церковь нашла свое место в Русской Православной Церкви Заграницей. Об этом неоднократно шла речь в частных беседах митрополита Августина и архиепископа Александра. 02.02.1955 года архиепископ Александр в письме к Председателю Архиерейского Синода РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому)¹⁰ сообщил о состоявшемся соборовании митрополита Августина и о том, что глава ЛПЦ ранее при встречах просил принять в Германскую епархию латвийские приходы.

Речь шла не просто о передаче попечения, а о переходе латвийских приходов в юрисдикцию РПЦЗ. 30.03.1955 года состоялась еще одна встреча архиепископа Александра с митрополитом Августином.

Архиепископ Александр выступил инициатором составления письменного заявления митрополитом Августином о переходе латвийских приходов в РПЦЗ. Это предложение было одобрено Председателем Архиерейского Синода РПЦЗ митрополитом Анастасием. 07.04.1955 года митрополит Августин составил заявление, которое передал архиепископу Александру. В заявлении не упоминалось о переходе латвийских приходов в юрисдикцию РПЦЗ, а была просьба к главе Германской епархии принять на себя заботу и попечение о Латвийской Православной Церкви в Германии и духовное окормление православных латвийцев. В июне 1955 года митрополит Августин сообщил об акте передачи попечения о латвийских приходах Германской епархии и в письме в Евангелическое издательство (Штутгарт). Сомнения в том, что решение митрополита Августина о переходе латвийских приходов в юрисдикцию РПЦЗ было не окончательным можно найти уже в письмах архиепископа Александра: «Я попрошу Владыку Августина написать мне письменно о его желании, по поводу высказанного им относительно принятия его приходов в юрисдикцию нашей Зарубежной Церкви и, по получении его письменного заявления, если он не передумает и сделает» (письмо от 02.02.1955) и «Согласно указанию Вашего Высокопреосвященства я с ним осторожно говорил по поводу его паствы на случай его смерти» (01.04.1955).

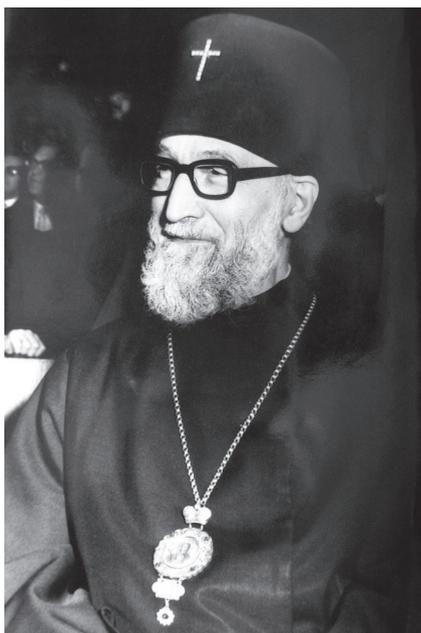
Возможно, эта перемена мнения связана с тем, что митрополит Августин предполагал сохранить каноническое положение ЛПЦ. По сообщению архиепископа Александра (письмо от 01.04.1955 года),

Митрополит Рижский и вся Латвии Августин (Петерсонс). Фотография из архива Церковно-научного центра «Православная энциклопедия»

митрополит Августин пытался вызвать из Америки в Германию латвийского священника для окормления латышскоязычной паствы ЛПЦ¹¹. В 1953 году имело место и приглашение митрополитом Августином в Германию из Франции бывшего священника ЛПЦ Владимира Толстоухова¹², деятельность которого вскоре была приостановлена самим митрополитом Августином ввиду канонического положения Владимира Толстоухова. Помимо заботы о православных латышах, возможности совершения исповеди, богослужения, проведения духовных бесед на латышском языке, митрополит Августин, поручив окормление латвийских верующих латвийскому священнику, мог руководствоваться и стремлением сохранить ЛПЦ в эмиграции.

Как отнеслись представители РПЦЗ к подобному изменению позиции митрополита Августина? Документов, напрямую свидетельствующих об этом, не выявлено. Благожелательный тон переписки иерархов РПЦЗ и обращение архиепископа Александра к духовенству Германской епархии от 30.09.1955 года позволяет предположить, что представители РПЦЗ с пониманием отнеслись к этому решению митрополита. В конечном итоге, заявление митрополита Августина явилось лишь закреплением в

Архиепископ Берлинский и Германский Александр (Ловчий). Фотография из архива Германской епархии РПЦЗ

письменной форме того, что де факто осуществляла РПЦЗ в отношении православных латышей в Германии со времен Второй мировой войны. Ведь именно РПЦЗ, на первом этапе совместно с латвийским духовенством, а после эмиграции в 1948 году из Германии основной части латвийского духовенства, взяла на себя заботу о духовном окормлении православных латышей. Косвенной оценкой этой деятельности со стороны ЛПЦ может служить и заявление митрополита Августина о передаче попечения о ЛПЦ Германской епархии РПЦЗ. Молитвенное, свхаристическое общение РПЦЗ и ЛПЦ и не требовало формальных закреплений отношений двух Церквей на бумаге, пока был жив митрополит Августин. РПЦЗ, на канонической территории которой пребывала ЛПЦ, осознавала ответственность за судьбу православных верующих ЛПЦ в эмиграции, и Германская епархия взяла на себя обязанность духовного попечения тех латвийских приходов,

в которых не имелось священников ЛПЦ. Но со смертью митрополита Августина ситуация могла измениться. И заявление митрополита Августина о передаче попечения явилось своевременным документом, продиктованным желанием передать православных латвийцев в надежные руки.

В сборнике статей «Православие в Латвии» (№ 5, 2006), который с 2012 года преобразован в журнал «Православие в Балтии», уже была представлена публикация документов о митрополите Августине времен первых лет его пребывания в Германии. Она посвящена снятию в 1946 году с митрополита Августина Архиерейским Синодом РПЦЗ запрещения в священнослужении, наложенного на него экзархом Латвии и Эстонии митрополитом Сергием (Воскресенским). Настоящая публикация продолжает освещение темы жизни и служения митрополита Августина в Германии. Основа публикации – «Дело о поручении Высокопреосвященным Августином, Митрополитом Латвийским Архиепископу Александру Берлинскому и Германскому окормления православных и попечения о Латвийской Церкви в Германии», в котором хранятся основные документы по этому вопросу: автограф митрополита Августина, подлинник его заявления главе Германской епархии; циркуляр архиепископа Александра (Ловчего) духовенству Германской епархии с распоряжением относительно попечения о латвийских приходах (пока единственный известный документ епархиального уровня, сообщающий о тех действиях, которые предпринял глава Германской епархии в отношении приходов ЛПЦ после акта передачи попечения); акт, подписанный свидетелями, обращения митрополита Августина к архиепископу Александру с просьбой взять под свое окормление верующих Латвийской Церкви. Дело публикуется полностью, за исключением листов 2, 2 об., 3, 4, 4 об., которые являются черновым

вариантом листа 1 (циркулярного письма архиепископа Александра духовенству Германской епархии от 30.09.1955 года).

Процесс передачи попечения о Латвийской Православной Церкви Германской епархии отображают и документы фонда 7 «Епархиальная переписка» АГЕ. В частности, это переписка архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчеге) с Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Анастасием (Грибановским), которая велась параллельно переговорам главы Германской епархии с митрополитом Августином. Публикуемая переписка архиепископа Александра (Ловчеге) со священниками Германской епархии о. Никодимом Кофановым¹³ от 1954 года и о. Николаем Федоровым¹⁴ от 1948 года характеризует ситуацию с обслуживанием православных латвийцев Германской епархией РПЦЗ до

официального обращения митрополита Августина к архиепископу Александру в 1955 году и уже после передачи попечения о Латвийской Православной Церкви Германской епархии РПЦЗ. Переписка архиепископа Александра ценна и информацией, сообщающей подробности последних месяцев жизни и деятельности митрополита Августина (Петерсонса).

Фонд 7 «Епархиальная переписка» АГЕ в настоящее время еще не разобран, в связи с чем в ссылках на документы фонда указывается лишь название папки.

В публикации документы расположены в хронологической последовательности. Восстановленные по смыслу произвольные сокращения проставлены в квадратных скобках. Орфография и пунктуация документов даются по современным правилам.

«Дело о поручении Высокопреосвященным Августином, Митрополитом Латвийским Архиепископу Александру Берлинскому и Германскому окормления православных латвийцев и попечения о Латвийской Православной Церкви в Германии»

Заявление митрополита Августина (Петерсонса) архиепископу Александру (Ловчеге)

17.04.1955

Досточтимый Владыка, Христос Воскресе!

В виду постигшей меня тяжелой болезни покорно прошу Вашей заботы и попечения о Латвийской Православной церкви в Германии и о духовном окормлении православных Латвийцев. Прощу Ваших св[ятых] молитв. Христос посреди нас.

Митрополит Августин

АГЕ, Ф.4. «Дело о передаче...», л. 9
Рукопись. Автограф

Акт свидетелей передачи митрополитом Августином (Петерсонсом) попечения о ЛПЦ Германской епархии РПЦЗ

Мы, ниже сего подписавшиеся, совершавшие совместно с Высокопреосвященнейшим Александром, Архиепископом Берлинским и Германским в санатории в Гаутинге соборование над Высокопреосвященнейшим Августином Митрополитом Латвийской Церкви 20 января/2 февраля 1955 г., сим удостоверяем, что Владыка Митрополит Августин в нашем присутствии после совершенного над ним таинства Елеосвящения обратился к Архиепископу Александру и просил его взять под свое окормление верующих Латвийской

Церкви и проявлять попечение и заботы о ней в случае его смерти.

Архиепископ Александр

Епископ Нафанаил¹⁵

Архимандрит Иов¹⁶

АГЕ, Ф.4. «Дело о передаче...», л. 8
Машинопись. Подлинник

**Письмо представителя Евангелического
издательства Штутгарта Гельмута
Райтзенштайна архиепископу
Александру (Ловчему)¹⁷**

Evangelisches Verlagswerk
Gesellschaft mit Beschränkter Haftung

20.09.1955

Seiner Eminenz Herrn Erzbischof

Alexander

Hochwürdigster Herr Erzbischof!

Bei der Zusammenstellung des

Taschenbuches der Evangelischen Kirchen
erreichte uns beiliegendes Schreiben des

Metropolitan Augustin Petersen der

Lettischen Orthodoxen Kirche im Exil. Wir

möchten nicht versäumen, nunmehr nach

der Zusammen- stellung des Taschenbuches

diesen Brief seines letzten Absatzes wegen

an Sie im Original weiterzugeben.

In Verbundenheit des Dienstes bleibe ich
Ihr Ihnen sehr ergebener.

Hellmut Reitzenstein

АГЕ, Ф.4. «Дело о передаче...», л. 7
Машинопись. Подлинник

Перевод

Евангелическое издательство

Общество с ограниченной

ответственностью

Его Высокопреосвященству господину
архиепископу Александру

Досточтимый господин Архиепископ!

При составлении справочника
Евангелической Церкви мы получили
прилагаемое письмо от митрополита
Августина, Латвийской Православной
Церкви в эмиграции. Ныне, после
составления справочника, мы сочли себя
обязанными из-за последнего абзаца
переслать Вам это письмо в оригинале.

Дружественно в служении [Богу]
пребываю Вам весьма преданный
Гельмут Райтзенштайн

**Письмо митрополита Августина
(Петерсонса) в Евангелическое
издательство Штутгарта.**

†

An das Evangelische Verlagswerk in
Stuttgart.

Auf Ihr Schreiben vom 15.06.55 teile
ich Ihnen mit, dass ich der einzige Priester
der Lett[ischen] Orthodoxen Kirche in
Deutschland bin.

Ich bin im Alter von 82 Jahren und
befinde mich z.Z. als Patient im T.B.C.
Sanatorium Gauting.

Die Gemeindemitglieder der
Lett[ischen] Orthodoxen Kirche sind in
ganzem Deutschland zerstreut: in Lagern,
Sanatorien, Altersheimen und privat.

Ich bitte höflichst den Berliner Bischof
Alexander die Anordnung zu geben, dass
die Ihm unterstehenden Pfarrer auch die
seelische Betreuung der Gemeindemitglieder
der Lett[ischen] Orthodox[en] Kirche
durchführen sollen.

Metropolit Augustin

Gauting, den 21.6.55

Перевод

Евангелическому издательству в
Штутгарте

В ответ на Ваше письмо от 15 июня 1955 года сообщаю Вам, что я являюсь единственным духовным лицом Латвийской Православной Церкви. Мне 82 года и я нахожусь сейчас на лечении в санатории для туберкулезных в Гаутинге. Члены Православной Латвийской Церкви рассеяны по всей Германии в лагерях, санаториях, альтерсхаймах¹⁸ и на частных квартирах.

Я любезно прошу Архиепископа Берлинского Александра дать распоряжение, чтобы подчиненное ему духовенство взяло [также] на себя духовное окормление Членов Православной Латвийской Церкви

АГЕ, Ф.4. «Дело о передаче...», л. 5
Машинопись. Подлинник

Циркулярное письмо архиепископа Александра (Ловчего) духовенству Германской Епархии
17/30 сентября 1955 года
№ 815/а

От Архиепископа Александра
20 января 1955 года
Высокопреосвященнейший Августин Митрополит Латвийской Церкви после совершенного над ним таинства Елеосвящения обратился ко мне в присутствии Преосвященного Епископа Нафанаила, Архимандрита Иова- Настоятеля Обители Преп. Иова Почаевского в Оберменциге, Игумена Георгия¹⁹ (Председателя Духовного Суда Германской Епархии), совершавших со мною Соборование Владыки Митроп[олита] Августина, и Члена Епископского Совета- Секретаря Епархиального Управления Е.И.Махароблидзе²⁰ и просил меня взять под свое окормление верующих Латвийской Церкви и

Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей в 1936-1964 гг.
митрополит Анастасий (Грибановский)

проявлять попечение и заботы о ней. А затем дополнительно прислал мне собственноручное письмо от 7 апреля сего года следующего содержания: «Досточтимый Владыка, Христос Воскресе. В виду постигшей меня тяжелой болезни покорно прошу Вашей заботы и попечения о Латвийской Православной церкви в Германии и о духовном окормлении православных Латвийцев. Прошу Ваших св. молитв. Христос посреди нас. Митрополит Августин».

Независимо от изложенного, Евангелишер-Верлагсверк в Штутгарте обратился к Митрополиту Августину с запросом от 15 июня 1955 года. Владыка Митрополит на это письмо ответил Евангелическому Издательству письмом от 21 июня 1955 г. следующего содержания: «В ответ на Ваше письмо от 15 июня 1955 г. сообщаю Вам, что я являюсь единственным духовным лицом Православной Латвийской Церкви. Мне 82 года и я нахожусь сейчас на лечении в санатории для туберкулезных в Гаутинге.

Члены Православной Латвийской Церкви рассеяны по всей Германии в лагерях, санаториях, альтерсхаймах и на частных квартирах. Я любезно прошу Архиепископа Берлинского Александра дать распоряжение, чтобы подчиненное ему духовенство взяло на себя духовное окормление Членов Православной Латвийской Церкви».

Сообщая о сем, прошу Священнослужителей подведомой мне

епархии духовно окормлять членов Латвийской Православной Церкви, находящихся в районе их (духовенства) приходов и не отказывать живущим в других районах латвийцам в духовной помощи в случае их обращения с таковой просьбой.

Архиепископ Берлинский и Германский Александр

АГЕ, Ф.4. «Дело о передаче...», л. 1
Машинопись. Копия

Документы из Епархиальной переписки

Письмо архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) Председателю Архиерейского Синода РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому).

17/02 марта 1954 года

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему
Митрополиту Анастасию Председателю
Архиерейского Синода и Первоиерарху
Русской Православной Церкви
Заграницей

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и святой
Отец!

Имею честь почтительнейше донести Вам, что я, воспользовавшись предоставленным Союзом Мировых Церквей на короткое время маленьким омнибусом, сделал инспекционную поездку по некоторым приходам Епархии и знакомился на местах с приходскими нуждами и нуждами наших ДиПи,²¹ которые по разным причинам не смогли

выехать в страны заокеана. <...>. Навестил я и Санаторию туберкулезно больных в Гаутинге, где встретился также с Его Высокопреосвященством Митрополитом Августином Рижским и Латвийским. Владыка Августин уже несколько лет находится в Санатории Гаутинг, так как у него с легкими не все в порядке. Кроме того, у него астма и ему необходим постоянный уход и наблюдение врачей.

Владыка Августин просил меня передать Вашему Высокопреосвященству сердечный привет и пожелания Вам сил и здоровья на много лет. Полученные мною деньги от Архиерейского Синода для раздачи больным к Рождеству Христову мною распределены по разным районам Епархии /100 долларов, или 416 Дм./ 250 Дм. из них были переданы Комитету Санатории Гаутинг. При моем посещении Санатории больные просили меня также передать их сыновнюю благодарность за заботы о них нашей Высшей Церковной Власти в лице Вашего Высокопреосвященства. <...>.

Прошу святых молитв Ваших, святой Владыко. Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшаго Архипастыря и Отца, нижайший послушник, искренне преданный

Александр

Архиепископ Берлинский и Германский

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1954 год»

Машинопись. Копия.

Письмо митрополита Августина (Петерсона) архиепископу Берлинскому и Германскому Александру Ловчему.

05.08.1954

Ваше Высокопреосвященство, Досточтимый Владыко

Плохо вижу, буду краток – не взыщите. Только что получил из «Altersheim Varel»²² письмо. Мне пишут, что священник «Зарубежной Православной Церкви» отказывается обслуживать православных латвийцев – «вы чужой юрисдикции». До сих пор между Зарубежной Пр[авославной] Церковью и Латвийской Пр[авославной] Церковью никаких разговоров не было. М[итрополиту] Анастасию в Германии сослужили священники Латвийской Пр[авославной] Церкви. Я нахожусь в молитвенном общении с м[итрополитом] Анастасием. Вам сослужил священник Латвийской Пр[авославной] Церкви в Штутгарте Дионисий Ильин²³ и когда он умер, Вы его хоронили. И я просил Вас хоронить меня, когда я умру. Я в своих беседах с Отцом Небесным никогда не забываю помянуть и Архиепископа Александра и покорно просил и Вас не забывать меня в своих молитвах, особенно когда приносите Бескровную

Жертву Христову. Недоразумение в нашу среду внес несчастный Владимир Толстоухов. Я ему запретил служить и он пропал – куда, не знаю.

Православные латвийцы разбросаны по всей З[ападной] Германии. Покорно прошу Вас сделайте распоряжение по З[ападно] Германской Пр[авославной] Русской Церкви²⁴, чтобы Ваше духовенство не отказывалось обслуживать духовные нужды православных латвийцев. Мы никакой «чужой юрисдикции», а члены, как и Вы Св[ятой] Православной Вселенской Церкви.

Слезно прошу Ваших святых молитв. Христос посреди нас.

Митрополит Августин

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1954 год»

Рукопись. Автограф.

Письмо архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) Митрополиту Августину (Петерсону).

9 августа 1954 года

№750

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Августину, Митрополиту Латвийскому

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь

На Ваше письмо от 5-го сего августа имею честь уведомить Ваше Высокопреосвященство, что для меня впервые стало известным из Вашего письма, что наши священники отказываются обслуживать православных латвийцев. К тому нет никаких канонических оснований, так как наша Зарубежная Церковь находится в молитвенном общении с Латвийской Церковью и, насколько мне известно,

православные латвийцы окормляются нашими священнослужителями, где нет латвийских.

Мною одновременно с сим предписывается о. Настоятелю церкви в доме престарелых в Фареле духовно окормлять православных латвийцев, не отказывая им в исполнении духовных треб и пастырских обязанностей. Об этом будет мною циркулярно предписано и всему духовенству нашей Православной Германской Епархии.

Сердечно благодарю Ваше Высокопреосвященство за молитвенную память обо мне. И я всегда в молитвах своих возношу Господу Богу моление о Вас. Храни и спаси Вас Господь Бог. Прошу Ваших святых молитв.

Вашего Высокопреосвященства с любовью во Христе собрат

Александр

Архиепископ Берлинский и Германский

Секретарь Епархиального Управления
Е. И. Махараблдзе

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка.
1954 год»
Машинопись. Копия.

Письмо архиепископа Александра (Ловчеге) настоятелю церкви в Фареле священнику Никодиму Кофанову.

Его Преподобию, Настоятелю церкви в Фареле Священнику отцу Никодиму Кофанову
09.08.1954 года

Высокопреосвященнейший Августин Митрополит Латвийский сообщил мне, что православные латвийцы довели до его сведения, что Вы отказываетесь обслуживать православных латвийцев

в Фареле из-за того, что они чужой юрисдикции.

В виду сего сообщаю Вашему Преподобию, что наша Православная Церковь находится в молитвенном общении с Латвийской Православной Церковью и наши священнослужители обязаны духовно окормлять и православных латвийцев, где нет их священников.

В виду сего, предлагаю Вам не отказывать им в удовлетворении их религиозно-нравственных нужд и в совершении духовных треб, когда они обращаются к Вам.

Александр

Архиепископ Берлинский и Германский

Секретарь Епархиального Управления
Е. И. Махараблдзе

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка.
1954 год»
Машинопись. Копия.

Письмо настоятеля церкви в Фареле священника Никодима Кофанова архиепископу Александру (Ловчему).
13.08.1954

Высокопреосвященнейшему
Архиепископу Александру Берлинскому и Германскому

В[ысоко]преосвященнейший Владыко, сего числа получил Ваше распоряжение за № 751 и должен сказать, что это для меня что-то новое, так как, сколько я здесь нахожусь, никому еще из латвийцев в обслуживании не отказывал. Есть у меня таких 6 человек. Все они ходят в мой храм и причащаются как в Фареле, так и в Ольденбурге, так что не знаю кому я мог отказать. Есть из этих латвийцев

православных Платер²⁵, бывший мой староста и другие, которые хотя и ходят в мой храм, но по появлению какого-либо священника Григорьевца или Поликарповца²⁶, идут на службу к ним. Посему смею заверить Вас Преосвященнейший Владыка, что это неправда донесена В[ысоко]преосв[ященнейшему] Митрополиту Августину, я же обслуживал и буду обслуживать всякого православного христианина, какой бы нации он не был.

о. Никодим Кофанов

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1954 год»
Рукопись. Автограф.

Письмо архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) Митрополиту Августину (Петерсонсу).
16/29 августа 1954 года

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Августину, Митрополиту Латвийскому.

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь

Настоятель церкви в Фареле Священник о. Никодим Кофанов, от которого было мною затребовано объяснение в связи с письмом Вашим о том, что священник наш в Фареле отказывается совершать требы у верующих латвийцев, донес мне рапортом от 13-го сего августа, что сообщение о сем для него является совершенно новым и за время своего пребывания в Фареле он никогда никому из верующих латвийцев не отказывал в удовлетворении религиозно- нравственных нужд. По заявлению о. Кофанова у него в приходе латвийцев 6 человек и все они ходят к нему в церковь и причащаются как в Фареле, так и в Ольденбурге и он, о.

Фотография из архива Германской епархии. 1952 год

Кофанов, не знает кому он мог отказать в пастырском окормлении.

Он заявляет, что некоторые из них, когда приходят туда священники-григорьевцы или поликарповцы, посещают их службы.

Независимо от этого, мною, как было сообщено Вам, сделано распоряжение, чтобы наши священнослужители не отказывали православным латвийцам в духовном окормлении, так как с Латвийской Православной Церковью, возглавляемой Вашим Высокопреосвященством, наша Церковь находится в полном молитвенном и Евхаристическом общении.

О чем имею честь сообщить Вашему Высокопреосвященству в дополнение к письму моему от 9-го сего августа за № 750.

Поручая себя св[ятым] молитвам Вашим, остаюсь с любовью во Христе собрат Вашего Высокопреосвященства

Александр

Архиепископ Берлинский и Германский

Секретарь Епархиального Управления

Е. И. Махараблдзэ

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1954 год»
Машинопись. Копия.

Письмо митрополита Августина (Петерсона) архиепископу Берлинскому и Германскому Александру Ловчему.

Декабрь, 1954

Ваше Высокопреосвященство, Глубокоуважаемый Владыко.

Сердечно поздравляю Вас с Новым 1955 годом и Великим Праздником Рождества по плоти Иисуса Христа Спасителя.

Усердно прошу Ваших св[ятых] молитв. Не взъщите за краткость, оч[ень] плохо вижу. Христос посреди нас.

Ваш усердный молитвенник

Митрополит Августин

Сердечный привет г. Махараблдзе

М. А.

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1954 год»

Рукопись. Автограф

Письмо архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) Митрополиту Августину (Петерсонсу).
22.12.1954/02.01.1955

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Августину, Митрополиту Латвийскому

Ваше Высокопреосвященство, Глубокочтимый Владыко святой!

Сердечно благодарю Ваше Высокопреосвященство за праздничное поздравление. Взаимно приветствую Ваше Высокопреосвященство с праздником Рождества Христова и Новолетием.

От души желаю Вам полного благополучия и мира душевного. Прошу Ваших Святительских молитв. Вашего Высокопреосвященства усердный Богомолец и собрат

Александр
Архиепископ Берлинский и
Германский
Секретарь Епархиального Управления
Е. И. Махараблдзе

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1955 год»
Машинопись. Копия.

Письмо архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) Председателю Архиерейского Синода РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому).

Alexander, Orthodoxer Erzbischof
von Berlin und Deutschland

№855 20/2 февраля 1955 года

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и святой Отец!

Имею честь доложить Вам, что сегодня утром позвонили нам из Санатория Гаутинг и просили приехать в Санаторию Соборовать Преосвященнейшаго Митрополита Августина Латвийской Церкви – меня с духовенством нашей Епархии.

Сразу же после телефонного звонка из Санатории я позвонил в обитель Св.Преп. Иова Почаевского и просил Преосвященного Епископа Нафанаила и о. Архимандрита Иова поехать со мною в Санаторию для Соборования Владыки Августина. Кроме того был вызван на Соборование и о. Игумен Георгий, который прибыл на время из Мангайма в Мюнхен.

Собравшись спешно, мы все отправились на автомобиле в Санаторию Гаутинг, куда прибыли через час. Соборование Владыки Митрополита началось в 1 час 30 мин. дня. Владыка Августин, по слабости сил должен был лежать, но он все же все время его

Соборования сидел. Соборование закончилось в 3 часа 30 мин. дня.

По окончании Соборования Владыка почувствовал себя, как он сказал, гораздо лучше и благодарил Господа, что Он послал ему такое великое утешение.

Раньше, когда я навещал Владыку Августина в Санатории, он просил меня лично, чтобы я, в случае его смерти, хоронил его и даже просил меня принять от него в нашу Епархию Латвийские приходы, которые находятся в Германии и вообще он хотел бы, чтобы Латвийская Православная Церковь нашла свое место в нашей Православной Заграничной Церкви. Я передал Владыке Августину, что с нашей стороны не будет препятствий к принятию его приходов, так как и при нем теперь наше духовенство обслуживает латвийцев и Священники Латвийской Церкви обслуживают наших прихожан, как, например, покойный Священник о. Дионисий Ильин обслуживал наших прихожан в Эслингене и других районах.

Сегодня, после Соборования, Владыка Августин просил меня, если Господь призовет его к Себе, похоронить его на кладбище в Гаутинге. Гроб он уже себе заказал цинковый, чтобы потом, когда будет возможность, останки его перевезти в Ригу, чтобы прах его лежал на латвийской земле. Я передал Владыке Августину, что его просьба будет нами исполнена, если к тому не будет препятствий со стороны властей, как немецких, так и латвийских. После этого Владыка благодарил меня и просил сделать все возможное.

По всему видно, что Владыка Августин готовится к смерти и он старается быть готовым к сему. Самое главное в том, что в последнее время у него всегда повышенная температура и сердце слишком ослабело. Надежда только на

помощь Божию, как сам Владыка в этом убежден.

Позволяю себе высказать свое мнение Вашему Высокопреосвященству, что переход приходов Латвийской Церкви в нашу Церковь желателен, хотя приходов этих мало в Германии, но зато это будет иметь значение в будущем, при решении этого вопроса на Всероссийском Соборе, когда Церковь наша будет свободна от большевистского ига. Такое мнение высказал и Владыка Нафанаил.

Я попрошу Владыку Августина написать мне письменно о его желании, по поводу высказанного им, относительно принятия его приходов в юрисдикцию нашей Зарубежной Церкви и, по получении его письменного заявления, если он не передумает и сделает, доложу Вашему Высокопреосвященству для получения от Вас соответствующих указаний. <...>.

В остальном за все благодарим Господа. Надеюсь, что и в будущем Господь не оставит нас Своими великими милостями.

Молю Господа о ниспослании Вам, святой Владыко, сил и здоровья для трудов Ваших во славу Божию и на пользу верных чад нашей Зарубежной Церкви.

Прошу святых молитв Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшаго Архипастыря и Отца, преданный Вам смиренный послушник

Архиепископ Александр

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1955 год»
Машинопись.Копия.

Письмо Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) архиепископу Берлинскому и Германскому Александру (Ловчому).

Председатель Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви За
Границей
№ 24/42/388 6/19 марта 1955

Его Высокопреосвященству, Высоко-
преосвященнейшему Александру,
Берлинскому и Германскому.

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь,

Письмо Вашего
Высокопреосвященства от 20 января/2
февраля с.г. относительно соборования
Митрополита Августина было мною
доложено Архиерейскому Синоду.

Вы совершенно правы, прося Митро-
полита Августина письменно подтвердить
свое распоряжение о подчинении Вам
оставшегося в Германии Латышского
духовенства²⁷ и приходов. Архиерейский
Синод просит Вас следить за этим делом
и доложить ему, когда будет что-нибудь
новое.

Вашего Высокопреосвященства
преданный во Христе собрат,
Митрополит Анастасий.

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1955 год»
Машинопись. Подлинник.

**Письмо архиепископа Берлинского
и Германского Александра (Ловчего)
Председателю Архиерейского Синода
РПЦЗ митрополиту Анастасию
(Грибановскому)**
19/1 Апреля 1955

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему
Митрополиту Анастасию

Председателю Архиерейского Синода
и Первоиерарху Русской Православной
Церкви Заграницей

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и святой
Отец!

От всего сердца приветствую
Вас из города Маннгейма, где я
пробуду до Праздника Святого
Благовещения включительно, так
как предназначавшийся священник
для службы здесь заболел тяжелым
гриппом и не смог приехать. <...>.
Одновременно имею честь доложить
Вашему Высокопреосвященству, что 17/
30 Марта я с секретарем Епархиального
Управления и Дяконом о.Феодором
Трофимовым²⁸ навестили Высокопрео-
священнейшего Митрополита Августина
Латвийского в Санатории Гаутинг.
Владыка Августин, после того, как мы
его видели во время Соборования, очень
изменился и ослабел. Согласно указанию
Вашего Высокопреосвященства я с ним
осторожно говорил по поводу его паствы
на случай его смерти.

Владыка Августин еще раз подтвердил
устно, что я должен его похоронить и
принять его паству в состав Германской
Православной Епархии о чем он
подтвердит и письменно. На мой вопрос:
есть ли у него родственники заграницей?
Он ответил, что никого нет. Но он
сделал письменное заявление Директору
Санатории Гаутинг по поводу своих
частных вещей. Он уже имеет 600 ДМ.,
которые будут употреблены на покупку
цинкового гроба, который, если будет
потом возможность, с останками его
будет перевезен в Латвию.

Хоронить его Владыка просит меня
принять этот труд на себя – это его воля
и он просил ее исполнить. Я обещал
исполнить его волю и принять его паству
в состав нашей Зарубежной Церкви,
через Епархию.

Владыка Митрополит Августин просил
меня передать Вашему Высокопре-
освященству его искренний привет

и пожелания сил и здоровья для трудов Ваших на пользу Святой Православной Церкви.

Владыка Митрополит Августин готовится предстать пред Богом и просит Ваше Высокопреосвященство простить, если он принес Вам чем-либо огорчение. Он хотел бы Вам написать, но уже теперь тяжело для него писать и почти не в силах.

Ни одного священника Латвийской Церкви сейчас нет в Германии и все Латвийцы обслуживаются нашим духовенством. Владыка Митрополит Августин написал одному священнику-латышу, чтобы он возвратился обратно в Германию, так как есть православные латыши здесь, которые не знают русского языка. Удастся ли выехать этому священнику из Америки – сказать трудно.

Все, что мною будет в дальнейшем предпринято, согласно пожеланием Владыки Августина по приему его паствы я буду докладывать Вашему Высокопреосвященству своевременно. Во всем остальном у нас без перемен. Слава Богу за все!

Молим Господа о ниспослании Вашему Высокопреосвященству сил и здоровья. Прошу святых молитв Ваших, святей Владыко.

Вашего Высокопреосвященства, Милостивого Архипастыря и Отца смиренный послушник преданный Вам послушник, преданный Вам

† Архиепископ Александр Берлинский и Германский

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1955 год»
Рукопись. Копия

Письмо архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) Председателю Архиерейского Синода

† 35. 7. 1955

Благословенный Владыко!

Примите прощенье!

Во Владыку поминаю себя и многих
братств нашего края. Владыко, где
были и пережить в Латвийской
Представителю Церкви в Германии
и о дисциплине окормления пра-
вославных латышей.

Урагу Восточной славянской
Григория невеста наша

Митрополит Августин

Заявление митрополита Августина (Петерсонса)
архиепископу Александру (Ловчому). АГЕ, ф.4

**РПЦЗ митрополиту Анастасию
(Грибановскому).**

16/29.04.1955

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему
Митрополиту Анастасию Председателю
Архиерейского Синода и Первоиерарху
Русской Православной Церкви
Заграницей

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и святей
Отец!

Имею честь при сем
представить Вам копию письма
Высокопреосвященнейшего
Митрополита Августина Латвийского,
от 7-го Апреля сего года, в котором

он просит моей заботы и попечения о Латвийской Церкви и о духовном окормлении православных латвийцев, на усмотрение и последующих распоряжений.

Одновременно, в дополнение к этому, нами будет составлен акт по поводу поручения мне заботы и попечения о Латвийской Церкви, сделанного мне в присутствии Преосвященного Епископа Нафанаила, о. Архимандрита Иова, о.Игумена Георгия и Секретаря Епархиального Управления Е. И. Махараблдзе. По подписании означенными лицами такого акта, он будет мною представлен Вашему Высокопреосвященству дополнительно.

Испрашивая Святительских молитв Ваших, с глубокой преданностью и почтением, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшаго Архипастыря и Отца, нижайший послушник

Александр
Архиепископ Берлинский и
Германский
Секретарь Епархиального Управления
Е.И.Махараблдзе

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1955 год»
Машинопись.Копия.

Письмо архиепископа Александра (Ловчего) Митрополиту Августину (Петерсонсу).

25.05.1955

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Августину,
Митрополиту Латвийскому
Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь, Владыко
Святый!

Примите, Ваше
Высокопреосвященство, сердечное

поздравление с Днем Вашего Ангела и добрые пожелания! Да хранит Вас Господь Бог, по молитвам Вашего Небесного Покровителя в здравии, мире душевном и полном благополучии. Прошу Ваших Святительских молитв и остаюсь Вашего Высокопреосвященства с любовью во Христе собрат и сослужитель

Александр,
Архиепископ Берлинский и
Германский
Секретарь Епархиального Управления
Е.И.Махараблдзе

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1955 год»
Машинопись.Копия.

Письмо архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) Первоиерарху РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому).

Alexander,
Orthodoxer Erzbischof
von Berlin und Deutschland
№855 25/8 октября 1955 года

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и святой
Отец!

В дополнение к телеграмме моей о смерти Владыки Митрополита Рижского и Латвийского Августина, от 22 сентября/ 5 октября сего года, имею честь доложить Вашему Высокопреосвященству, что Митрополит Августин тихо скончался в Санатории Гаутинг 21 сентября/4 октября на 83 году своей жизни от слабости сердца, чему способствовала болезнь его легких. За два дня до смерти Владыка Августин последний раз приобщился Святых Таинств Христовых.

В день смерти, в 4 часа 10 минут дня, покойный Владыка Августин, после установленного помазания тела

благовонным маслом, был облачен Настоятелем Церкви при Санатории о. Игуменом Георгием и Дяконом прибывшим из Епархиального Управления в Архиерейское облачение. До облачения о. Игуменом Георгием была отслужена панихида и по облачении Парастас.

Когда был привезен гроб в комнату, где жил Владыка Августин в Санатории, тело покойного было положено в гроб и перенесено в Церковь при Санатории, где находилось до погребения.

В Среду, на второй день смерти Владыки, я также совершал панихиду в Церкви Санатории, на которой присутствовали: Представитель Мирового Союза Церквей Г-н Галлин, Секретарь Епархиального Управления и прибывшие к этому времени почитатели Владыки покойного.

В Среду, Четверг и Пятницу совершались Заупокойныя Литургии в Церкви при Санатории и в других Церквях города Мюнхена.

В Пятницу, в день погребения – 24 Сентября / 7 Октября, после Заупокойной Литургии, которую совершали: я и Владыка Нафанаил в сослужении: о. Архимандрита Иова, о. Игумена Георгия, Священника о. Анатолия Древинга²⁹ и Дякона о. Феодора Трофимова, при иподиаконах. Пел хор Мюнхенского Собора под управлением регента Петра Андреевского³⁰.

В 12 часов 30 минут дня, после Божественной Литургии, началось уставное отпевание, которое закончилось в 3 часа 30 мин. дня при большом стечении молящихся, как находящихся в Санатории, так и приехавших отдать свой последний долг покойному Владыке из Мюнхена и его окрестностей.

В 4 часа дня гроб с телом Владыки Августина был перевезен на катафалке на

кладбище в Гаутинге и предан земле. На кладбище, при опускании гроба в могилу, присутствовал лютеранский священник-латыш, сказавший к присутствующим латышам слово о покойном Владыке на латышском языке. Присутствовали на кладбище также и Представители Латышских Национальных организаций, которые возложили венки на могилу. Два из Представителей говорили слово о достоинствах Владыки, после чего наше духовенство, отдавши последний долг покойному собрату – Митрополиту Августину, оставило кладбище.

Да упокоит Господь душу новопреставленного раба Божия Митрополита Августина в Царствии Небесном! Да будет вечная ему память!

Одновременно считаю также доложить Вашему Высокопреосвященству, что никаких вещей, после смерти Владыки Митрополита Августина, не осталось. Даже Панагия, которую я лично видел, когда посещал неоднократно покойного Владыку, исчезла. Исчезли также и часы, которые были в Санатории при Владыке.

При облачении покойного Владыки о. Игуменом Георгием Панагии уже не было. Церковный староста Владимир Макаров заявил мне, что он просил сестру, которая находилась при Владыке, все вещи Владыки упаковать и хранить до особого распоряжения Епархиальной власти.

При опросе мною Представителя Латвийского Национального Комитета по поводу оставшихся вещей Владыки, он мне заявил, что все мелкие вещи уложены в чемодан и хранятся в бюро Управления Санатории, но в чемодане, среди вещей, он Панагии не видел. Он обещал мне навести справки в Управлении Санатории.

По словам Представителя Латышского Национального Комитета Владыка

Панихида в Рижском кафедральном соборе по случаю перезахоронения останков митрополита Августина (Петерсонса). 19 августа 2011 года. Фотография Д. Серова

Августин оставил в Управлении Санатории на хранение 600 Дм. на покупку гроба и места на кладбище. Деньги эти почти все потрачены на похороны и покупку гроба и места на кладбище. Не имел Владыка Августин и архиерейского облачения при себе, кроме одной епитрахили и подрясника. Все пришлось найти, чтобы облачить покойного Владыку. Облачение было привезено о. Игуменом Георгием, которое осталось на квартире покойного Митрополита Серафима Берлинского и Германского³¹. Митры также не имел Владыка Августин, кроме белого клобука.

У покойного Владыки Августина остались наследники-дети, которые в настоящее время живут в Америке. Была послана телеграмма сыну, но ответа от него, до погребения, не было получено и никто не прибыл из родственников на погребение.

Никакого акта об оставшихся вещах покойного Владыки Августина не было составлено, так как никаких архивов при Владыке в Санатории не было и вообще их не было, так как Владыка в период своей

болезни находился в разных санаториях, что мне лично говорил Владыка при моих посещениях в Санатории Гаутинг, где он находился более трех лет.

Все же я письменно запрашу Управление Санатории об оставшихся вещах покойного Владыки и, особенно, о Панагии и часах, которые я лично видел у Владыки, и которые по смерти не оказались при нем. О результатах, которые будут мне сообщены Управлением, по поводу оставшихся вещей покойного Владыки, доложу Вашему Высокопреосвященству дополнительно.

Молю Господа о ниспослании Вам, святой Владыко, сил и здоровья для неустанных трудов Ваших на Ниве Христовой.

Прошу святых молитв Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца, нижайший послушник Ваш, преданный Вам, смиренный Архиепископ

АГЕ, Ф.7, Папка «Епархиальная переписка. 1955 год»
Машинопись. Копия.

Рапорт настоятеля Свято-Николаевской церкви Штутгарта протоиерея Николая Федорова архиепископу Александру (Ловчему)

В Епархиальное Управление Германской Епархии
Russische griechische orthodoxe Kirche
heilige Nicolaus in Stuttgart
15.09.1958 №116

Настоятеля Свято-Николаевской ц[еркви] г[орода] Штутгарта прот[оиерея] Николая Федорова

Рапорт

Дней 10 тому назад или больше ко мне обращалась одна дама от имени латышей с просьбой разрешить их священнику, который должен приехать в Штутгарт из Лондона, в Воскресенье 21 сентября (по старому 8-го сентября) отслужить Литургию в нашем храме для латышей. Я ей сказал, что в этот день Церковь будет занята, так как большой праздник (Рожд[ество] Пр[есвятой] Б[огородицы]), но если ваш священник пожелает служить вместе со мной, то с этой просьбой он должен обратиться непосредственно к Владыке-Архиепископу Берлинскому и Германскому Александру в Мюнхене. И если Владыка даст ему соответствующее разрешение, то с моей стороны возражений быть не может.

С подобной же просьбой ко мне обращались и от имени «Patersen Morgan» (Weltrat der Kirchen), которым я дал такой же ответ, т.е. обратиться к Владыке в Мюнхен.

О последующем прошу меня уведомить. Настоятель Св[ято] Николаевской церкви в Штутгарте

Протоиерей Николай Федоров

АГЕ, Ф,7, Папка «Епархиальная переписка. 1958 год»
Рукопись.Автограф.

Письмо архиепископа Александра (Ловчего) настоятелю Свято-Николаевской церкви Штутгарта протоиерею Николаю Федорову
Die Diözesanverwaltung
der orthodoxen Kirche in Deutschland
(Körperschaft des öffentlichen Rechts)
№ 498a 15.09.1958

Его Высокопреподобию, отцу
Настоятелю Свято-Николаевской Церкви в гор[оде] Штутгарте Прот[оиерею] Николаю Федорову

На запрос Вашего Высокопреподобия, от 15.09 №116, Епархиальное Управление сообщает Вам, что священник по национальности латыш, приехавший из Лондона, лично Высокопреосвященнейшему Архиепископу Александру не представлялся и его бумаг о каноническом его рукоположении не видел, поэтому Вам необходимо проверить его документы: кто его рукополагал, когда и в какой юрисдикции?

При чем Вы должны его предупредить, что покойный Митрополит Августин Латвийский, по смерти своей оставшуюся паству его, поручил для духовного окормления Высокопреосвященнейшему Архиепископу Александру. Необходимо также знать по чьему уполномочию он навещает латвийцев?

Если не встретится каких-либо препятствий канонических, то предоставьте ему возможность вместе с Вами сослужить 8/21 сентября в Вашей Церкви.

Александр,

Архиепископ Берлинский и Германский
Секретарь Епархиального Управления
Е. И. Махараблдзе

АГЕ, Ф,7, Папка «Епархиальная переписка. 1955 год»
Машинопись.Копия.

Примечания

- 1 Агафангел (Преображенский, священноисповедник, 27.09.1854 -16.10.1928). Родился в семье священника Тульской губернии. Окончил Тульскую ДС и Московскую ДА (1881). 07.03.1885 г. пострижен в монашество. 10.03.1885 г. рукоположен во иеромонаха. 04.12.1886 г. назначен инспектором Томской ДС с возведением в сан игумена. 28.02.1888 г. назначен ректором Иркутской ДС с возведением в сан архимандрита. 10.09.1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 17.07.1893 г. – епископ Тобольский и Сибирский. С 04.10.1897 г. по 13.08.1910 г. – епископ Рижский и Митавский (с 1904 года архиепископ). В 13.08.1910-22.12.1913 г. – архиепископ Литовский и Виленский. С 22.12.1913 г. – архиепископ (с 1917 года митрополит) Ярославский и Ростовский. Участник Поместного Собора 1917-1918 годов. Член Высшего Церковного Совета. Кандидат в Местоблюстители Патриаршего Престола по завещаниям Патриарха Тихона (Беллавина). Прославлен как священноисповедник в лике новомучеников и исповедников Российских (2000)
- 2 Иоанн (Поммерс, священномученик, 06.01.1876-12.10.1934). Родился в семье латышских крестьян хутора Илзессалас Венденского уезда Лифляндской губ. Окончил Рижскую ДС (1897) и Киевскую ДА (1904). Занимался преподавательской деятельностью. В 1903 г. принял монашество. В 1904 году рукоположен во иеромонаха. С 1906 г. инспектор Вологодской ДС. С 1907 г. архимандрит, ректор Литовской Духовной семинарии. 11.02.1912 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии. В 04.04.1913-07.09.1917 гг. – епископ Таганрогский и Приазовский, викарий Екатеринославской епархии. В 07.09.1917 – 22.04.1918 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. С 22.04.1918 г. – епископ Пензенский и Саранский, затем архиепископ. С 19.07.1921 г. – архиепископ Рижский и вся Латвии. Зверски убит 12.10.1934 года на даче в Озодкалне на Кишозере. В 2001 году решением Священного Синода РПЦ был прославлен к общецерковному почитанию в Соборе новомучеников и исповедников Российских.
- 3 Право автономии Православной Церкви в Латвии было даровано определением Патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина), Священного Синода и Высшего Церковного Совета РПЦ от 21.06.1921 года («Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943». М., Изд.: ПСТБИ. 1994. с.177).
- 4 Вениамин (Псомас, 1871-1946) – Патриарх Константинопольский с 18.02.1936 г. по 17.02.1946 г.
- 5 Сергей (Воскресенский, 26.10.1897-29.04.1944), митрополит. Родился в Москве в семье священника. Выпускник Московской ДС. Поступил в Московскую ДА, которую не закончил вследствие ее закрытия. В 1925 году пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, а затем в сан иеромонаха. 29.10.1933 года хиротонисан во епископа Коломенского, викария Московской епархии. С 1934 года – епископ Бронницкий. С февраля 1936 – епископ Дмитровский (с 08.10.1937 года архиепископ), Управляющий делами Московской Патриархии. С 24.02.1941 года – митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии. Убит 29.04.1944 года по дороге из Вильнюса в Каунас. Похоронен на Покровском кладбище Риги.
- 6 Германос (Стренопулос, 1872-1951), митрополит. С 1922 года – глава Фиатирской митрополии Константинопольского Патриархата с центром в Лондоне, патриарший экзарх в Центральной и Западной Европе. 04.02.1936 года назначен представителем Константинопольского Патриарха для участия в Соборе Латвийской Православной Церкви, на котором главой ЛПЦ был избран протоиерей Августин Петерсонс. 29.03.1936 года участвовал в хиротонии о. Августина в митрополита Рижского и всея Латвии.
- 7 Гаутинг (нем. Gauting) – община в Баварии в районе Штарнберг, расположенная в 17 км от Мюнхена. Санаторий для туберкулезных беженцев размещался в нескольких больших домах барачного типа рядом с лесом, в трех километрах от Гаутинга.
- 8 Александр (Ловчий, 01.12.1891-11.09.1973), архиепископ. Родился в с. Народичи Вольнской губернии. Участник Первой мировой войны, офицер. После революции эмигрировал. Учился на Богословском и Философском факультетах Берлинского университета. 19.09.1937 г. архиепископом Берлинским и Германским Тихоном (Лященко) рукоположен во диакона, 03.10.1937 г. во священника. 22.03.1942 г. пострижен в монашество. 29.07.1945 г. хиротонисан во епископа Киссингенского, викария Германской епархии. С 11.04.1952 г. архиепископ Берлинский и Германский. С 15.03.1971 г. на покое.

- 9 Первая публикация: «Церковные ведомости Православной Церкви в Германии. Официальный орган Православной Германской Епархии». 1955 г. № 7-8-9. Июль-август-сентябрь. С.9. Письмо митрополита Августина (Петерсонса) в Евангелическое издательство Штутгарта от 21.06.1955 года было опубликовано: Гаврилин А.В. «Документы по делу митрополита Рижского и всея латвии Августина (Петерсонса) «Латвийской Папки» Архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей» в сборнике статей «Православие в Латвии», № 5, 2006. Рига. Изд.: «Филокалия». С.104
- 10 Анастасий (Грибановский, об.08.1873-22.05.1965), митрополит. Родился в Тамбовской губернии в семье священника. Выпускник Тамбовской ДС и Московской ДА (1897). В 1898 году пострижен в монашество. Архимандрит и ректор Московской ДС (1901). Епископ Серпуховский, викарий Московской епархии (1906), Холмский и Люблинский (1914), Кишиневский (1915). Архиепископ Кишиневский и Хотинский (1916). Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. В 1919 году эмигрировал из России. Управлял русскими православными общинами в Константинополе. Около 1924 г. за «антитурецкую пропаганду» был выслан из Константинополя. С 1924 по 1935 г. возглавлял русскую Миссию в Палестине. Митрополит (1935). С 1936 по 1964 г. – Первоиерарх РПЦЗ. Осенью 1944 года эвакуировался вместе с Архиерейским Синодом и канцелярией в Вену, в 1945 г. – в Мюнхен, с 1950 г. – в США. С 1964 г. на покое. Скончался в 1965 г. в Нью-Йорке.
- 11 Пока не удалось выяснить, кто был этот священник. В Америке в это время служили следующие латвийские священнослужители: о. Николай Виеглайс, о. Виктор и о. Арсений Колиберские, о. Георгий Бенигсен, о. Михаил Желнеронок, о. Петр Курземниекс, о. Леонид Ладинский, о. Николай Перехвальский, о. Алексей Ионов, о. Иоанн Легкий, о. Иоанн Бауманис.
- 12 Толстоухов Владимир (1914-?), священнослужитель. Родился в Лифляндской губернии. Выпускник Парижского Свято-Сергиевского Богословского института (1939). 17.09.1939 г митрополитом Рижским и всея Латвии Августином (Петерсонсом) рукоположен в сан диакона, 24.09.1939 года – во священника. С 24.09.1939 г. по 01.08.1941г. – священник Благовещенской церкви в Риге. С августа 1941 по декабрь 1943 года трудился в Псковской Духовной миссии. В декабре 1943 года назначен вторым священником Благовещенской церкви Риги и уполномоченным по делам Внутренней миссии Латвийской епархии. В 1944 году был эвакуирован в Германию, а затем в Австрию. После войны вошел в клир Австрийской епархии РПЦЗ. В 1949 году по приглашению епископа Кассиана (Безобразова) переехал во Францию и перешел в клир Западноевропейского экзархата КП. 14.08.1950 года запрещен в священнослужении и 21.10.1950 года митрополитом Владимиром (Тихоницким) лишен священного сана. Проживал во Франции и трудился на гражданской службе. 01.12.1953 года по приглашению митрополита Августина (Петерсонса) приехал в Германию для обслуживания православных латвийцев, скрыв от Августина факт запрещения в священнослужении. Уже в январе 1954 года обратил на себя внимание архиепископа Александра (Ловчего) сослужением с украинским священником-автокефалистом в церкви лагеря Августдорф, принадлежащей РПЦЗ. В ходе проверки было выяснено каноническое положение Владимира Толстоухова, о чем было сообщено митрополиту Августину. Митрополит Августин предписал Владимиру Толстоухову покинуть Германию. Дальнейшая судьба Владимира Толстоухова неизвестна. Предполагательно, последние годы жизни провел в Америке.
- 13 Никодим Кофанов (1887-1965), священник. Священнослужитель Германской епархии РПЦЗ. В сан священника рукоположен 27.09.1950 года Управляющим Северо-Западным викариатством Германской епархии архиепископом Филофеем (Нарко) с назначением настоятелем Свято-Николаевской церкви в лагере г. Фарель. С 1956 года – настоятель церкви Казанской иконы Божией Матери при Доме престарелых в г. Дармштадт.
- 14 Федоров Николай (1889-?), протоиерей, священнослужитель Германской епархии РПЦЗ. С 1951 года настоятель Свято-Николаевской церкви Штутгарта.
- 15 Нафанаил (князь Львов Василий Владимирович, 1906-1986), архиепископ, церковный деятель, духовный писатель. Родился в Москве. После революции – в эмиграции в Харбине. Окончил Харбинское реальное училище (1922 год). Работал на КВЖД. В 1929 году пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. Окончил Высшие богословские курсы в Харбине. В 1936 году возведен в сан архимандрита. В 1937-1939 годах начальник Православной миссии на Цейлоне. Во время Второй мировой войны в Словакии. Помощник настоятеля монастыря преп. Иова Почаевского

- в Ладомирово. В 1945 году назначен настоятелем Воскресенского собора в Берлине. После войны служил в Гамбурге. Принимал активное участие в спасении «перемещенных лиц», предотвратив выдачу СССР около 600 человек в лагере Фишбек под Гамбургом. 10.03.1946 года хиротонисан во епископа Брюссельского и Западно-Европейского. С 1951 года епископ Престопа и Гааги. С 1952 года – администратор приходов РПЦЗ в Северной Африке. С 1954 года жил в Мюнхене, в монастыре преп. Иова Почаевского. В 1966-1980-х годах – настоятель этой обители. С 1971 года временно управлял Австрийской епархией. С 1976 года – епископ Венский и Австрийский. Архиепископ (1981).
- 16 Иов (Леонтьев, Владимир Михайлович, 1894-1959), архимандрит. Родился в Москве в дворянской семье. Обучался в 1-м Московском Кадетском корпусе и в Пажеском корпусе. Участник Первой мировой войны в составе Лейб-гвардии Его Величества Гусарского полка. В Гражданскую войну сражался в рядах Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Эмигрировал во Францию. С 1934 года – в монастыре преп. Иова Почаевского в Ладомирово. Пострижен в монашество ок. 1935 года. В 1938 году рукоположен во иеромонаха. С декабря 1944 года в Германии. В 1945 году с частью братии, оставшейся в Германии, основал в районе Оберменцига (пригород Мюнхена) обитель также во имя преп. Иова Почаевского. Первый настоятель этой обители.
- 17 Перевод этого документа на русский язык, выполненный в 1955 году и хранящийся в деле, не публикуется, так как он неточно передает смысл отдельных выражений. В настоящей публикации дается современный перевод документа.
- 18 Альтерсхайм (нем. Altersheim, также Altenheim, Seniogenheim) – дом по уходу за престарелыми в Германии.
- 19 Георгий (Соколов, 1890-1959), игумен, священнослужитель Германской епархии РПЦЗ. Родился в г. Рыбинске. Выпускник С.-Петербургской ДА. Кандидат богословия. Священнослужение проходил в Ростовской на Дону епархии. При немецкой оккупации в ноябре 1942 года был назначен настоятелем церкви Всех Святых Ростова-на-Дону. В 1943 году был эвакуирован в Германию, где был принят в клир Германской епархии РПЦЗ. С октября 1943 года окормлял православных лагеря Эйзенерц в Австрии. С 1945 года проживал в Мюнхене. Занимал должности секретаря Германской епархии и председателя Духовного суда. В разные годы окормлял православные приходы в Розенгайме, Ландсхуте, Гаутинге, Мюнхене-Мозахе, Мангайме.
- 20 Махараблидзе (Махароблидзе) Е.И. Родился на Кавказе в семье военного священника. Окончил Санкт-Петербургскую ДС и Санкт-Петербургский университет. После окончания семинарии, как стипендиат Армейского ведомства, был приглашен протопресвитером Военного и Морского духовенства А.А.Желобовским на службу в Управление Военным и морским духовенством. Работал по военно-духовному ведомству и ведомству православного исповедания. В 1920-1930-е годы – секретарь ВЦУ и правитель дел (управляющий канцелярией) Синода Русской Православной Церкви Заграницей. Редактор журнала «Церковный вестник». В 1950-е г. секретарь Епархиального управления Германской епархии, член Епископского совета, член-секретарь Епархиального суда, редактор епархиального журнала и многолетний староста церкви в Ландсхуте. Именно Ексакустодиан Иванович Махароблидзе был составителем публикуемого «Дела о передаче попечения...». Скончался 10.08.1960 года.
- 21 ДиПи (англ. Displaced Persons, DP-перемещенные лица)-аббревиатура, которой пользовались в работе военно-административные органы западных союзников на последнем этапе войны и в первые послевоенные годы. Под ДиПи подразумевались выходящие из России и стран Восточной Европы – бывшие военнопленные, восточные рабочие, беженцы и т.д..
- 22 Дом престарелых в г.Фарель, при котором находилась православная церковь. Фарель (нем. Varel) – город в Нижней Саксонии на Северном море, в районе Фрисланда
- 23 Ильин Дионисий (03.10.1882-1954), священник. Родился в Могилевской губернии. В 1900-1910 годах проживал в Петербурге, являясь служащим Управления железных дорог. В 1910 году переведен в Ригу. После начала Первой мировой войны эвакуирован из Риги в Витебск. В 1915 году назначен чиновником Управления железных дорог при ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве. В марте 1918 года бежал из Советской России в Ригу. В 1930-33 годах обучался в Рижской Духовной семинарии. В 1927-1930 годах исполнял обязанности псаломщика в Рижском кафедральном соборе, с 1930 по 1935 год – в Рижской Благовещенской церкви при настоятеле протоиерее Александре Македонском. В 1938 году переехал в Берлин. Епископом Берлинским и Германским Серафимом (Лядэ) 18.05.1939 года рукоположен во диакона, 28.05.1939 года во иерея

- Служил в Мариенбаде, Франценсбаде, Карслбаде. В 1942 году арестован гестапо и направлен в концентрационный лагерь. Освобожден из концентрационного лагеря Дахау 03.05.1945 года. В 1945-1949 годах проживал в Мариенбаде. С 1949 года служил в Германии, в юрисдикции митрополита Латвийского Августина (Петерсонса). Настоятель прихода в Эслингене. Скончался Великим Постом 1954 года.
- 24 Название епархии не соответствует действительности. Вероятно, митрополит Августин хотел сказать о латвийцах, которые проживали на территории Федеративной Республики Германии, которую в политическом контексте именуют Западной Германией, в отличие от территории Восточной Германии – Германской Демократической Республики.
- 25 Платтерс Янис, в течение 15 лет являлся членом Синода Латвийской Церкви. В Германии был одним из инициаторов открытия Свято-Николаевской церкви в Фареле. Некоторое время был старостой этой церкви.
- 26 Имеются в виду священнослужители т.н. УАПЦ в Германии. Названия даны по именам возглавителей УАПЦ- «митрополита» Поликарпа Сикорского (1875-1953) и «архиепископа» Григория Огийчука (1893-1985), порвавшего в 1947 году общине с Поликарпом Сикорским и основавшим т.н. «ашафенбургскую ветвь» УАПЦ.
- 27 Наличного латвийского духовенства на тот момент у митрополита Августина не было. В этом письме митрополита Анастасия речь также идет о подчинении латвийского духовенства и приходов в Германии архиепископу Александру (Ловчему).
- 28 Трофимов Феодор (1930-1990), протоиерей, священнослужитель Германской епархии РПЦЗ. Родился в Луганске. Окончил Пастырские курсы Парижского Православного Богословского института. В сан диакона рукоположен в 1954 году и приписан к кафедральному собору в Мюнхене. В марте 1958 года рукоположен во священника и назначен настоятелем церкви Святого Александра Невского в Маннгайме. В разные годы обслуживал приходы в Гейдельберге, Вормсе, Кайзерлаутене, Штутгарте.
- 29 Древинг Анатолий (1910-1969), священнослужитель Германской епархии РПЦЗ. Родился в Москве. В 1935 году окончил Химический факультет Тартуского университета. С 1939 года проживал в Польше, затем – в Германии. В сан диакона рукоположен 19.04.1950 года епископом Григорием (Боришкевичем), во иерея – 26.04.1950 года митрополитом Пантелеимоном (Рожновским). С 26.10.1950 года настоятель Свято-Серафимовской церкви в Мюнхене, которую возглавляли до эмиграции в Америку известные прибалтийские священники – о. Александр Киселев (1909-2001) и о. Георгий Бенигсен (1915-1993).
- 30 Андреевский Петр Иванович, сын настоятеля Глуховского собора Черниговской епархии протоиерея Иоанна Андреевского. В 1904 году окончил Черниговскую ДС. Преподавал пение в Стародубском ДУ. В 1906-1910-х годах учился на Юридическом факультете Юрьевского университета, по окончании которого работал секретарем Варшавской судебной палаты. С 15.05.1951 года – псаломщик и регент Мюнхенского кафедрального собора.
- 31 Серафим (Лядз, Карл Георг Альберт 1893-1950), митрополит. Родился в Лейпциге в немецкой лютеранской семье. После принятия православия в 1904 году переехал в Российскую Империю. В 1907 году прослушал курс богословских наук 5-6 классов СПб ДС. Рукоположен во диакона 06.07.1907, во священника 08.07.1907 года. В 1916 году окончил МДА со степенью кандидата богословия. После окончания МДА служил на приходах в Харьковской епархии. Преподавал немецкий язык в Харьковской ДС. В 1919-1920 годах – полковой священник Белой армии. В 1922 году удостоен сана протоиерея. Овдовев, принял монашеский постриг. Служил в Харьковской епархии УПАЦ, которую возглавлял митрополит Пимен (Пегов). Возведен в сан игумена, архимандрита. В 1924 году хиротонисан митрополитом Пименом (Пеговым) во епископа Змиевского, викария Харьковской епархии УПАЦ. С 1927 года – епископ Ахтырский УПАЦ. В 1930 г. вернулся в Германию и был принят в состав РПЦЗ в сущем сане. В 1938 г. возглавил Германскую епархию. В 1939 г. возведен в сан архиепископа. С 1942 года – глава Средне-Европейского Митрополичьего округа РПЦЗ в сане митрополита. Скончался 14 сентября в Мюнхене.

Публикация, предисловие к публикации и примечания Анатолия Кинстлер

Summary

The 2nd issue of the scientific journal «Orthodoxy in the Baltic» consists of three sections: 1. Scientific articles, 2. Memoirs, 3. Publication of documents.

In the first section five scientific articles are published. In the article of the Polish historian, Professor *Anthony Mironovich* «The Orthodox Church in Poland and the Grand Duchy of Lithuania until the end of the XVIII century» the early period of the spread of Orthodoxy in Poland and Lithuania; relations between Metropolis of Kiev, Lithuania and Galicia; peculiarities of the coexistence of the Orthodox Church with the Roman Catholic Church, predominant in the region; problems of the Orthodox population of Rzeczpospolita are examined.

The article of Latvian historian *Aleksandr Gavrilin* «The Orthodox parishes in the territory of Kurland» is dedicated to the spread of Orthodoxy among Latvian and Lithuanian population of province of Kurland. It should be noted that the Orthodox parishes in the Kurland, in contrast to the parishes in the territory of Livland, has never been the focus of researchers. As a result, this paper is the first attempt to analyze the problems of the existence of the Orthodox parishes in this part of the Russian Empire.

In the article of the priest *Vitali Serapinas* «The Orthodox Church in Lithuania in the interwar period, 1918-1939, Part I. “The Split of Lithuanian diocese (1918 and 1923)” the time when the Orthodox Church was trying to find its place in the period of the formation of new independent state, as well the existence of different ecclesiastical jurisdictions are studied. The analysis of the circumstances of the proclamation of the Polish Autocephalous Church is of particular interest.

Estonian researcher *Sergei Myannik* in the article «Archbishop Paul (Dmitrovsky)» tells the story of the Archbishop of Narva and Izborsk Paul (Dmitrovsky) whose archbishop's ministry took place during the hardest war period and postwar years. Archbishop's resistance in defense of Orthodoxy on the territory of the diocese of Narva and the immutability of his relationship to the canonical status of the Orthodox Church in Estonia deserve special respect.

The article by *Aleksandr Gavrilin* «Two earthly lives of Peteris Kurzemnieks» tells about man, who organically connected two terrestrial lives – of public official successfully risen through the career ranks and of the first Russian and later – Latvian and Orthodox priest – a devout man of prayer and ascetic.

Furthermore, Fr. Peteris Kurzemnieks lived his life in several countries: in the Russian Empire, the Republic of Latvia, Latvian SSR, as well on the territory of Ostland, Germany and Canada.

In the second section of the journal the continuation of memoirs of one of the leading Latvian architects of the interwar and war period – Vladimir Maksimovic Shervinsky (1894-1975) – is published. This fragment is about the hardest period in the history of Latvia – years between 1939 and 1944, when three political regimes replaced one another and hundreds of thousands of people were killed, expelled or evacuated. Memories were prepared for publication by the architect Eizhens Upmanis, a grandson of V. M. Shervinsky.

In the third section of the journal the unique letters of Metropolitan of Tallinn and All Estonia Aleksandr (Paulus) written in 1941–1943 to Metropolitan of Riga and all Latvia Augustine (Petersons) and Archpriest Ioann Svemps are published. These documents are found in the Estonian Historical Archives and edited by the Estonian archivist Tatiana Shor. In the same section several documents from the Archives of the German Diocese of the Russian Orthodox Church Outside of Russia, dedicated to the last days of the earthly life of Metropolitan Augustine (Pētersons), were published. They were found and prepared for publication by the German archivist Anatoly Kinstler. These materials are introduced in the scientific milieu for the first time.

Православие в Балтии
№ 2 (11)
Научно-аналитический журнал

Pareizticība Baltijā
Nr. 2 (11)
Zinātniski analītisks žurnāls

The Orthodoxy in the Baltics
№ 2 (11)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU aģentūra „LU Filozofijas un socioloģijas institūts”

Kalpaka bulvāri 4, Rīga, LV-1050

tālr. – 67034250 e-pasts – fsi@lza.lv

fakss – 67210806 www.fsi.lv

Izdevējdarbības reģistrācijas apliecība: Nr. 2-0521

Iespiests A/S „Lanateks”, Rīgā, Podraga ielā 2